

ВЕСТНИК

АРБИТРАЖНОГО СУДА
МОСКОВСКОГО ОКРУГА

1

№ 1 2020 г.

Журнал выходит 4 раза в год

ИНТЕРВЬЮ

КОММЕНТАРИИ

ОБЗОРЫ

АНАЛИТИКА

Процессуально-правовые
способы оптимизации
судопроизводства.
Судебное примирение

Взаимодействие третейских
и государственных судов
по вопросам обеспечительных
мер

Тема номера:

**Содействие и контроль
в отношении третейского
разбирательства:
актуальная практика**

«Третейское разбирательство в России —
это эффективное, быстрое и признанное
в мире средство разрешения споров»

Н.В. Павлова

www.vestnikasmo.ru

ВЕСТНИК

АРБИТРАЖНОГО СУДА МОСКОВСКОГО ОКРУГА

№ 1 2020 г.

Журнал выходит 4 раза в год

«Вестник Арбитражного суда Московского округа» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия 15 января 2018 г. Регистрационный номер ПИ № ФС77-72186

Включен в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней. Группа научных специальностей 12.00.00 — юридические науки

Учредители: Арбитражный суд Московского округа, АНО «Правовое просвещение»

Адрес издательства:
129226, г. Москва, ул. Сергея Эйзенштейна, д. 8, стр. 1

Главный редактор:
Л.Ю. Лебедев

Выпускающий редактор:
Ю.С. Сиренко

Корректор:
Т.А. Казакова

Верстка:
М.А. Гранкина

Подписано в печать 16.04.2020
Формат 60 x 84 1/8.
Объем 142 с.
Тираж 1000 экз.
Отпечатано
в ООО «Буки Веди»

Редакционный совет:

Кресс В.В. — председатель Арбитражного суда Московского округа, к.ю.н.;

Свириденко О.М. — заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации — председатель Судебной коллегии по экономическим спорам, д.ю.н.;

Решетникова И.В. — председатель Арбитражного суда Уральского округа, д.ю.н., профессор;

Новоселова Л.А. — председатель Суда по интеллектуальным правам, д.ю.н., профессор;

Окулова Н.О. — заместитель председателя Арбитражного суда Московского округа;

Карпова Г.А. — заместитель председателя Арбитражного суда Московского округа;

Буянова Н.В. — заместитель председателя Арбитражного суда Московского округа;

Гладков И.Е. — председатель Девятого арбитражного апелляционного суда;

Воробьева И.О. — председатель Десятого арбитражного апелляционного суда;

Новиков Н.А. — председатель Арбитражного суда города Москвы, к.ю.н.;

Соловьев А.А. — заместитель председателя Арбитражного суда Московской области, д.ю.н., профессор;

Калинина Н.С. — судья коллегии по рассмотрению споров, возникающих из гражданских и иных правоотношений, Арбитражного суда Московского округа, к.ю.н.;

Малошин А.А. — судья коллегии по рассмотрению споров, возникающих из гражданских и иных правоотношений, Арбитражного суда Московского округа, к.ю.н., доцент;

Петрова В.В. — судья коллегии по рассмотрению споров, возникающих из гражданских и иных правоотношений, Арбитражного суда Московского округа, к.ю.н., доцент;

Лаптев В.А. — судья коллегии по рассмотрению споров, возникающих из гражданских и иных правоотношений, Арбитражного суда города Москвы, д.ю.н., доцент;

Габов А.В. — главный научный сотрудник Института государства и права РАН, д.ю.н., доцент, член-корреспондент РАН;

Слесарев В.Л. — заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заместитель председателя ВАС РФ в отставке, д.ю.н., профессор;

Маковский А.Л. — научный руководитель Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ, д.ю.н., профессор;

Ручкина Г.Ф. — руководитель Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета, д.ю.н., профессор;

Ястребов О.А. — директор, заведующий кафедрой административного и финансового права Юридического института Российского университета дружбы народов, д.ю.н., д.экон.н., профессор;

Лебедев Л.Ю. — главный редактор журнала «Вестник Арбитражного суда Московского округа».

Подписку на «Вестник Арбитражного суда Московского округа» можно оформить, позвонив по тел. +7 (495) 927-01-62

Содержание

Новости судов

Новости судов Московского округа	6
--	---

Интервью номера

Н.В. Павлова. «Только профессиональные представители в состоянии сформулировать перед судом четкую правовую и фактическую позицию сторон»	12
--	----

Актуально!

Приведение в исполнение решения третейского суда — пределы рассмотрения арбитражным судом	27
---	----

Аналитика: Содействие и контроль в отношении третейского разбирательства: актуальная практика

И.В. Решетникова Процессуально-правовые способы оптимизации судопроизводства. Судебное примирение.....	35
---	----

Д.А. Андреев Взаимодействие третейских и государственных судов по вопросам обеспечительных мер	44
---	----

В.П. Сорокин Рассмотрение арбитражным судом заявлений об отмене предварительных постановлений третейских судов о наличии у них компетенции как форма судебного контроля в третейском разбирательстве	54
--	----

С.В. Лазарев

Развитие третейского разбирательства и функция
социального управления65

Л.И. Зайцева, С.Ю. Рукавишников

Применение внесудебных способов разрешения
инвестиционно-строительных споров в контексте изменений
процессуального законодательства70

Аналитика: Свободная трибуна

А.В. Габов

Реорганизация учреждения80

А.А. Соловьев

Состав и организация деятельности Совета магистратуры
Аргентинской Республики, его органы управления
и структурные подразделения 102

О.Г. Мишаков

О мерах по предупреждению банкротства стратегических
предприятий и организаций 113

Научно-консультативный совет

Протокол № 18 заседания Научно-консультативного совета
при Арбитражном суде Московского округа 120

Протокольное решение № 11 Президиума Арбитражного суда
Московского округа 140

Дорогие читатели!

Представляем вашему вниманию номер, посвященный вопросам третейского разбирательства. С одной стороны, возможность альтернативного разрешения споров сторонами без обращения в государственные суды имеет огромное значение для развития прежде всего коммерческих отношений и свидетельствует о высоком уровне правовой и деловой культуры участников таких отношений. С другой стороны, третейские суды не обладают властными полномочиями в части обеспечения возможности принудительного исполнения принятых решений, что создает необходимость обращаться в государственные суды на отдельных этапах третейского разбирательства. В момент обращения стороны третейского разбирательства в государственный суд возникают вопросы, связанные в том числе с оценкой правомочий стороны по обращению в государственный суд либо, наоборот, с оценкой правомочий третейского суда по рассмотрению дела, вопросы о соответствии принятого решения публичному порядку и о глубине оценки государственным судьей решения, принятого третейским судом. Проблемам взаимодействия государственных и третейских судов, содействия исполнению и контролю над принимаемыми арбитражными решениями посвящены статьи в данном выпуске журнала.

Мы также публикуем интервью судьи Верховного Суда РФ Натальи Владимировны Павловой, в котором раскрываются такие важные аспекты регулирования деятельности третейских судов, как значение Постановления Пленума Верховного Суда от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража», содержание понятия «публичный порядок», условия проведения третейских арбитражей *ad hoc*, пределы рассмотрения государственными судами содержания решений арбитражей.

Актуальное дело, которое комментируют эксперты, касается проблем оспаривания определения государственного суда о приведении в исполнение решения иностранного арбитража.

В рамках рубрики «Свободная трибуна» исследуются особенности реорганизации учреждений как специальной организационно-правовой формы юридического лица, проблемы применения мер предупреждения банкротства стратегических предприятий. Кроме того, продолжаем знакомить наших читателей с особенностями устройств систем судебных органов иностранных государств.

Мы публикуем в номере последние новости о деятельности Арбитражного суда Московского округа.

Надеемся, что вам это будет интересно и познавательно.

Приятного чтения!

*Вячеслав Викторович Кресс,
председатель Арбитражного суда
Московского округа,
кандидат юридических наук*

Новости судов Московского округа

7 февраля 2020 г. в Арбитражном суде (АС) Московского округа состоялось общее собрание судей и работников аппарата суда, посвященное подведению итогов работы суда за 2019 год.

В мероприятии приняли участие: заместитель Председателя Верховного Суда РФ — председатель Судебной коллегии по экономическим спорам **Олег Михайлович Свириденко**; председатель АС Московского округа **Вячеслав Викторович Кресс**; заместители председателя суда; судьи и работники аппарата суда.

Заместители председателя суда **Наталья Владимировна Буянова**, **Галина Алексеевна Карпова** и **Наталья Олеговна Окулова** представили участникам собрания свои доклады.

С основным докладом выступил В.В. Кресс, обозначивший главные направления деятельности и статистические показатели работы суда в отчетный период.

В 2019 г. количество поступивших в суд жалоб увеличилось на 3186, или 9,1%: если за 2018 г. в суд поступило 34 914 кассационных жалоб, то за 2019 г. — 38 100.

В 2019 г. было рассмотрено 30 880 дел, что на 4,9%, или на 1446 дел, больше, чем в 2018 г. (29 434 дела).

Показатель по количеству рассмотренных дел по-прежнему остается самым высоким среди других арбитражных судов округов. Доля дел, рассмотренных АС Московско-

го округа, от количества дел, рассмотренных всеми окружными судами, составляет 27,1% (всего рассмотрено 113 832 дела).

Наибольшее количество дел, рассмотренных окружным судом, связано с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств по договорам, — 12 641 дело, или 40,9%. При этом количество дел данной категории выросло на 327, или 2,6%.

Большая часть дел, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств по договорам, касается споров по договорам купли-продажи (3780 дел, или 12,2%) и по договорам подряда (3345 дел, или 10,8%).

Количество дел, рассмотренных окружным судом, о несостоятельности (банкротстве) составляет 6791, или 21,9% от числа рассмотренных дел (увеличение по сравнению с 2018 г. составило 983 дела, или 16,9%).

Количество дел, рассмотренных по спорам, связанным с оспариванием ненормативных актов, решений и действий (бездействия) государственных и иных органов и должностных лиц, составило 2152 дела, или 6,9% от числа рассмотренных.

По спорам, связанным с применением законодательства о земле, рассмотрено 1112 дел (3,6%).

В 2019 г. судом кассационной инстанции отменены судебные акты судов нижестоящих инстанций по 3571 делу (11,6%), изменены судебные акты по 120 делам (0,4%). В 2018 г. данные показатели составляли 3605 и 136 дела (12,2 и 0,5%) соответственно.

В 2019 г. уменьшилось количество дел, направленных на новое рассмотрение повторно. Если в 2018 г. на новое рассмотрение повторно было направлено 15 дел, то в 2019 г. их было 11, т.е. на 4 дела меньше.

Сроки рассмотрения дел в 2019 г. нарушались 16 раз (0,05% случаев), в 2018 г. — 66 раз (0,22%). Данный показатель значительно улучшился.

Сроки изготовления судебных актов нарушались судьями в 2019 г. 36 раз. В 2018 г. сроки изготовления судебных актов нарушались в 70 случаях, так что данный показатель тоже значительно улучшился.

В 2019 г. не были нарушены сроки направления копий судебных актов. При этом в 2018 г. таких нарушений было 21.

Важным показателем качества отправления правосудия является количество судебных актов кассационной инстанции, отмененных судом вышестоящей инстанции.

В 2019 г. по результатам рассмотрения кассационных жалоб в порядке ст. 291.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ Верховным Судом РФ было отменено 165 судебных актов по 159 делам. В 2018 г. Верховным Судом РФ было отменено 207 судебных актов по 202 делам. То есть в отчетном периоде количество судебных актов АС Московского округа, отмененных судом вышестоящей инстанции, по сравнению с 2018 г. уменьшилось на 42.

Согласно предварительным данным окружного суда в отчетном периоде средняя нагрузка судей составила 69,4 дела на одного судью в месяц. В 2018 г. она составляла 64,1 дела. Таким образом, по сравнению с 2018 г. средняя нагрузка судей увеличилась на 5,3 дела. Однако судьи и сотрудники аппарата справляются с поставленными задачами.

О.М. Свириденко поблагодарил судей и работников аппарата за качественную и результативную работу в условиях высокой нагрузки. В 2019 г. эффективность и качество работы суда значительно возросли.

Также О.М. Свириденко ознакомил участников собрания с ходом реализации законодательных инициатив Верховного Суда РФ, направленных на совершенствование арбитражного судопроизводства и оптимизацию судебной нагрузки.

В завершение выступления О.М. Свириденко пожелал коллективу суда дальнейших успехов в работе.

14 февраля 2020 г. в АС Московского округа состоялось заседание редакционного совета журнала «Вестник Арбитражного суда Московского округа».

В мероприятии приняли участие: О.М. Свириденко, В.В. Кресс, Н.О. Окулова, Г.А. Карпова, Н.В. Буянова; а также председатель Десятого ААС Инна Олеговна Воробьева; заместитель председателя Девятого ААС **Олег Григорьевич Мишаков**; заместитель председателя АС Московской области **Андрей Александрович Соловьев**; судья АС Московского округа **Алексей Александрович Малюшин**; судья

АС города Москвы **Василий Андреевич Лаптев**; директор Юридического института Российского университета дружбы народов **Олег Александрович Ястребов**; главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук **Андрей Владимирович Габов**; профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Владимир Львович Слесарев**; руководитель Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ **Гульнара Флюровна Ручкина**; главный редактор журнала **Лев Юрьевич Лебедев**.

Члены редакционного совета подвели итоги работы по выпуску журнала в 2019 г. и

обсудили актуальные правовые проблемы, которые было бы интересно осветить на страницах журнала в 2020 г.

На 2020 г. утверждены следующие темы номеров:

№ 1, 2020: «Содействие и контроль в отношении третейского разбирательства: актуальная практика»;

№ 2, 2020: «Проблемы вещного права: перспективы реформы»;

№ 3, 2020: «25-летие Арбитражного суда Московского округа»;

№ 4, 2020: «Применение норм иностранного права: актуальная практика».

13 марта 2020 г. в АС Московского округа в рамках повышения квалификации судей и работников аппарата суда состоялась лекция на тему «Дисциплинарная ответственность судей — актуальные проблемы правоприменения». С докладом на заявленную тему выступил заместитель председателя АС Московской области доктор юридических наук А.А. Соловьев. В мероприятии приняли участие представители Девятого и Десятого ААС, АС города Москвы и Московской области, судьи и работники аппарата АС Московского округа.

18 марта 2020 г. журнал «Вестник Арбитражного суда Московского округа», являющийся официальным изданием окружного суда, включен под номером 241 в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (ВАК).

В Перечень ВАК входят издания, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Наталья Владимировна ПАВЛОВА родилась 28 апреля 1975 г. в Комсомольске-на-Амуре.

С 1996 г. преподавала на юридическом факультете Пермского государственного университета, с 1998 г. — на кафедре правового обеспечения рыночной экономики в РАНХиГС при Президенте РФ и на кафедре международного права в Российской академии правосудия.

Судья Высшего Арбитражного Суда РФ, Верховного Суда РФ.

Имеет высший квалификационный класс судьи, удостоена звания «Почетный работник судебной системы».

Автор более 40 публикаций по проблемам международного публичного и международного частного права, а также международного гражданского и арбитражного процесса.

Кандидат юридических наук.

Третейское разбирательство в России – это эффективное, быстрое и признанное в мире средство разрешения споров

Наталья Владимировна ПАВЛОВА,

судья Высшего Арбитражного Суда РФ, Верховного Суда РФ

— Наталья Владимировна, в декабре 2019 г. Пленум Верховного Суда РФ принял Постановление № 53¹, которое было воспринято юридическим сообществом как проарбитражное. Какие первостепенные задачи решал Верховный Суд, разрабатывая данный документ?

— Прежде всего я должна отметить, что 53-е Постановление — не какая-то дань моде или задача, которую решали сиюминутно именно на этом историческом этапе. Это — результат долгой и последовательной работы, которую вела судебная власть в Российской Федерации на протяжении последних 29 лет. Конечно, особенно активно судебная практика по вопросам взаимодействия государственного правосудия и третейского разбирательства начала складываться после 2002 г. Хотя в период действия Временного положения о третейском суде² тоже было очень много третейских судов, и, вероятно, именно тогда возникла практика недобросовестного использования этого института. Еще в Высшем Арбитражном Суде мы могли наблюдать, как использовалось третейское разбирательство для вывода собственности, в том числе и из публичных реестров. Больно было смотреть, как выведенные из реестров Российской Федерации морские суда торгового мореплавания оказываются потом в китайских и корейских реестрах. Не говорю уже о классической недвижимости. Вот поэтому на первом этапе до Конституционного Суда зачастую доходили дела, связанные с регистрацией прав на недвижимое имущество в публичных реестрах на основании решений третейских судов.

2002 г. был ознаменован появлением действующего Арбитражного процессуального кодекса и Закона о третейских судах³. Два этих акта принимались совершенно син-

¹ Постановление Пленума ВС РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража».

² Постановление ВС РФ от 24.06.1992 № 3115-1 «Об утверждении Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров».

³ Федеральный закон от 24.07.2002 № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации».

хронно, государство стремилось к универсальности процессуальной формы. Так у нас была создана современная модель взаимодействия государственного правосудия и третейского разбирательства, контроля государственных судов за третейскими судами, и практика начала набирать свои обороты, сформировались правовые позиции.

Хотелось бы сказать, что и в Высшем Арбитражном Суде, и сейчас в Верховном Суде мы вели и ведем эту работу на аналитическом уровне, потому что всегда понимали: третейское разбирательство — сфера, которая не может носить самостоятельный характер в пределах Российской Федерации, она тесно связана с внешним экономическим оборотом, именно поэтому одна из форм такого разбирательства — международный коммерческий арбитраж. Следовательно, российская правовая система как часть мирового правового пространства должна быть универсальной, оправдывать разумные ожидания участников как международных коммерческих, так и внутренних споров, учитывать, что и в других юрисдикциях в третейской сфере права защищаются аналогичным образом.

Так что мы всегда анализировали международный опыт, международную практику и старались сделать так, чтобы и в Российской Федерации практика по этой тематике складывалась единообразно. Высшим Арбитражным Судом принимались соответствующие документы: Информационное письмо 1996 г. о практике разрешения споров с участием иностранных лиц⁴, Информационное письмо 2013 г. по проблемам публичного порядка⁵. То есть отдельные вопросы, в том числе третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража, рассматривались в информационных письмах, но дойти до такого документа, как постановление Пленума, еще не удавалось. Мы полагали, что нужно еще набрать материал, все-таки постановление Пленума — это наиболее весомый акт судебной практики.

Принятие такого документа стало возможным в 2019 г., когда уже в рамках объединенного Верховного Суда над этой проблематикой работало несколько коллегий — и по гражданским делам, и по экономическим спорам. В первую очередь мы хотели отразить в нем те единообразные правовые позиции, которые сегодня есть в российской юрисдикции по вопросам внутреннего и международного коммерческого арбитража. Почему Постановление № 53 является значимым? Безусловно, потому, что третейская реформа в Российской Федерации состоялась. Она прошла по наработкам в том числе судебной практики. Многие вопросы, которые выявила предыдущая судебная практика, нашли разрешение в законодательстве, прежде всего в Законе об арбитраже (третейском разбирательстве)⁶, а также в ряде сопутствующих нормативных актов, Арбитражном и Гражданском процессуальных кодексах. И конечно, в Постановлении необходимо было показать, во-первых, те первые проблемы, пути разрешения которых нашла судебная практика, а во-вторых, подходы судов к тем новым институтам, которые заложило законодательство. В значительной степени речь здесь идет о действии государственных судов третейскому разбирательству.

⁴ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.12.1996 № 10 «Обзор практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц».

⁵ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений».

⁶ Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации».

В-третьих, учитывая, что, как я уже сказала, постановление Пленума высшей судебной инстанции государства — наиболее весомый документ, в котором обобщаются подходы, сложившиеся в судебной практике, принятием Постановления № 53 мы демонстрируем и отечественным, и иностранным участникам экономического оборота те правовые позиции, которые действуют в России в третейской сфере. При их формировании, подчеркну, мы учитывали мировой опыт. Это значит, что наши обобщенные позиции не только дают представление об отечественной правовой системе, но и формируют у российских и иностранных участников споров ожидания применения подходов, знакомых и понятных им по практике в их государствах.

— Какие положения Постановления имеют, на Ваш взгляд, наиболее принципиальное, важное значение?

— Для меня важно, что в нем нашла отражение идеологическая составляющая третейского разбирательства. Мы показываем, что это — альтернативный способ разрешения споров и что в Российской Федерации поддерживаются альтернативные способы разрешения споров. Мы исходим из того, что автономия воли сторон — это один из важнейших принципов, который должен соблюдаться в том числе и судебной властью, но в сочетании с иным правовым принципом: «права одного заканчиваются там, где начинаются права другого». Другими словами, судебная власть стоит на защите баланса различных интересов — публичных и частных или интересов двух частных субъектов. Вот почему принципы автономии воли сторон и баланса интересов сторон — это главное, что есть в альтернативных способах разрешения споров. На основе данных принципов в эти правоотношения вмешивается судебная власть. И нам было нужно показать, что поддержка альтернативных способов разрешения споров — это в целом очень серьезное направление.

У нашего государства есть определенная особенность (возможно, она свойственна не только нам, но и всем государствам постсоветского пространства или даже многим иным). Структура российской экономики и экономических отношений в значительной степени определяется тем фактором, что частная собственность формировалась изначально на основе государственной собственности. В связи с этим последние 29 лет показали необходимость более тщательных формулировок сверхимперативных норм, регулирующих экономические отношения, и построения элементов защиты публичного порядка, учитывающих, что структура собственности в России формировалась не как классическая частная.

Это обстоятельство создавало массу поводов для злоупотреблений, в том числе и через альтернативные формы разрешения споров. Наверное, как раз поэтому некоторым представителям юридического сообщества кажется, что у нас слишком закручены гайки в третейской сфере, что мы избрали не самый либеральный подход, не до конца соответствующий сути принципа автономии воли сторон. Из-за этого встречается критика решения контролировать третейское разбирательство на стадии создания арбитражных учреждений — того, чем сейчас занимается Министерство юстиции. Но вынужденное вмешательство государства уже на стадии предварительного контроля — это такая особенность текущего исторического этапа. Особенность ментальности, сложившейся на этом историческом этапе. И мы видим сочетание принципа автономии воли, с одной стороны, и требования защиты прав иных лиц, неопределенного круга третьих лиц — с другой. Публичный порядок тоже,

образно говоря, выступает в этих отношениях как третье лицо и требует от нас такого регулирования.

Кроме того, в Постановлении важно было осветить вопросы, связанные с содействием третейскому разбирательству, и, конечно, вопросы публичного порядка, дать анализ болевых тем. Очень непросто принимались эти положения — и на стадии подготовки проекта, и в момент голосования.

— Есть ли в Постановлении какие-то положения, которые вызвали наиболее острую дискуссию при их принятии? Исходя из текстов различных редакций Постановления, можно сказать, что, например, в отношении публичного порядка высказывались диаметрально противоположные взгляды.

— Что такое, вообще, «публичный порядок»? Сегодня эта категория широко используется не только в рамках третейского разбирательства в отечественной правовой системе и не только в сфере международного частного права и международного гражданского процесса. Она очень часто используется и во внутреннем праве — это видно хотя бы на примере идущей конституционной реформы, в частности в сфере контроля за решениями межгосударственных органов, международных третейских судов в том случае, когда они нарушают базовые конституционные ценности Российской Федерации. Это не что иное как элементы публичного порядка Российской Федерации.

Изначально эта категория появилась в международном частном праве, элементом которого был и международный коммерческий арбитраж. Изобрели ее не мы, а, как считается, французы, но примерно в одно и то же время все государства мира осознали необходимость пользоваться этим инструментом тогда, когда затрагиваются самые важные, базовые ценности. При этом правовая теория неоднозначно реагировала на этот институт. В доктрине международного частного права велось очень много споров. Постепенно ко всем пришло понимание, что это некий блокирующий механизм, который защищает базовые ценности того или иного правопорядка. Но универсального понятия все равно не было. Именно поэтому, вероятно, судебная практика не стремилась давать этой категории широкое определение.

Мы сознательно приглашаем в Научно-консультативный совет и в специализированные рабочие группы представителей различных юридических школ нашей страны. В подготовке Информационного письма Высшего Арбитражного Суда 2013 г. участвовала широкая группа экспертов и ученых. То есть понятие выработывалось с участием специалистов различных научных юридических школ, и по итогам применения Письма 2013 г. за эти годы сформировалась судебная практика. Суды, в общем-то, достаточно четко имплементировали понятие «публичный порядок» в свои акты. Не было никакого непонимания, тем более что это понятие — достаточно емкое, охватывающее все элементы публичного порядка, включая экономическую, политическую, правовую сферу, и в то же время содержащее в себе последствия, которые необходимо установить суду, — наличие ущерба (необходимо не просто констатировать вероятность его причинения, а установить тот ущерб, который может понести суверенитет, безопасность государства или же интересы третьих лиц). В итоге было принято консолидированное решение имплементировать это понятие, которое в нашей правовой системе уже прижилось, и в Постановление Пленума.

— Есть ли какие-то вопросы, которые обсуждались, но не были включены в Постановление?

— Да, конечно, это разнообразные элементы взаимодействия третейского разбирательства и банкротных процедур. Мы решили, что будем наполнять эту сферу точечно — через практику по конкретным делам. Речь здесь идет о вопросах, связанных с уже состоявшимся решением третейского суда и его включением в банкротное разбирательство, а также о возможности сохранения третейской оговорки тогда, когда банкротные процедуры уже запущены. Тут важно понимать, что есть различные этапы банкротного разбирательства, и определить, как они сочетаются с третейским разбирательством. Свой отпечаток накладывает и понятие транснационального банкротства, которое тоже взаимодействует с третейским разбирательством. Какой подход правильнее поддержать: территориальные производства или одно универсальное? Решение всех этих проблем требует учета фактических обстоятельств конкретного дела. Поэтому пока принято решение наблюдать за формированием практики.

Другим важным блоком, не получившим подробной регламентации, являются корпоративные споры, в том числе вопросы арбитрабельности. Казалось бы, этот аспект нашел свое законодательное регулирование в рамках третейской реформы, прежде всего в нормах процессуальных кодексов. Тем не менее на практике еще существует ряд сложностей, и мы решили, что Верховный Суд будет разрешать конкретные дела и по их результатам, возможно, дополнять Постановление. Как раз одно из таких дел в настоящее время передано на рассмотрение в Судебную коллегию.

— Вы сказали, что было очень важно отразить именно в Постановлении в том числе и достижения третейской реформы. Как Вам кажется, достигла реформа тех целей, которые перед ней ставились?

— Я считаю, что правовая определенность всегда ценнее, чем ее отсутствие. И то, что сегодня есть законодательный акт, который четко задает правила игры в этом сегменте правоотношений, — большой плюс. Определенность важна для «потребителей» третейского разбирательства, участников этих отношений — предпринимателей (бизнеса) и частных лиц. Есть страны, где третейское разбирательство широко применяется в семейных, трудовых конфликтах. В Российской Федерации это в основном все-таки коммерческие споры. Важна ясность и для тех специалистов, которые занимаются или планируют заниматься третейским разбирательством.

Множество злоупотреблений, приводивших к нарушению интересов не только участников споров (которые сознательно выбирали третейскую форму, ожидая, что не должно быть ущемления их прав ни в части процедуры, ни в части последствий приведения решения в исполнение), но и третьих лиц, в том числе государства, породило идею третейской реформы.

В дореформенный период субъекты, которые участвовали в процессе в качестве третейских судей, зачастую не были компетентны. Сейчас эта проблема решена путем предоставления арбитражными учреждениями списка арбитров, правил, которые депонируются, являются открытыми и публичными, а следовательно, понятными тем, кто выбирает этот конкретный третейский орган. Мне кажется, что это плюс реформы. В плане чистоты, ясности, правовой определенности она достигла своего результата.

Тем не менее мы видим, что сегодня все-таки остались субъекты, которые полагают, что воля законодателя, Российской Федерации, выраженная в законе, не носит для них императивного характера; есть прецеденты попыток обхода закона. В теории права много дискутируют о том, что такое обход закона. На мой взгляд, это — обход духа, идеологии закона, который предоставляет нам разрешительный и в то же время открытый и ясный порядок.

Государство не контролирует по существу конкретное третейское решение, но контролирует тех лиц, которые от своего имени это решение выносят, которые обещают и гарантируют профессиональный, качественный результат участникам спора. Это допустимое регулирование, и нежелание понять, что третейская сфера требует открытости в организационных аспектах третейского разбирательства, профессионализма и ясности, закрывает доступ в эту сферу. Если ты где-то ловкачишь, пытаешься обходить правила, значит, по каким-то причинам ты не хочешь быть открытым и понятным для сообщества.

— Если разрешительная система — следствие своеобразия текущего исторического этапа, то можно ли предположить, что рано или поздно уровень нашей правовой культуры и деловой этики повысится настолько, что позволит нам отказать от этой системы?

— Наше государство набирает силу не только в рамках правовой системы (правосудия, третейского разбирательства), но и во многих других сферах — обороны, безопасности, здравоохранения. Оно вырабатывает те механизмы, которые не дадут случаться сбоям в будущем. И я думаю, что если сложатся каноны, скажем, правоправительного поведения, при которых клиенты перестанут обращаться к не обладающим достойной репутацией органам разрешения споров (а значит, подобная деятельность вообще окажется морально недопустимой для участников отношений), то, наверное, мы действительно сможем сделать вывод об отсутствии необходимости в столь жестком регулировании.

— Позволяет ли текущее регулирование провести добросовестный арбитраж *ad hoc* вообще без участия постоянно действующего арбитражного учреждения? Например, если стороны согласовали кандидатуры конкретных арбитров?

— Третейский суд *ad hoc*, или суд «третьей стороны», — это, пожалуй, исторически самая ранняя форма третейского разбирательства. Два купца обращались за разрешением спора к третьему, равному себе, поскольку оба ему доверяли и уважали его («рассуди нас по совести»). Это и есть третейский суд *ad hoc*: на организации судебного разбирательства никто не зарабатывает, а решение зависит от мудрости и авторитета арбитра.

Запретить эту форму мы не можем. Выбор компетентного субъекта — чистая автономия воли сторон. Сознательный выбор авторитетного арбитра, когда стороны одобряют его кандидатуру, подписываются под оговоркой, соглашаются с решением, — это допустимая форма третейского разбирательства. Решения арбитра, конечно, тоже могут оспариваться и не исполняться. Но если пороки воли не будут предметом судебного разбирательства в государственном суде, тогда, я думаю, арбитраж *ad hoc* имеет право на существование.

А вот когда появляются третьи лица, которые зарабатывают на авторитете арбитра недобросовестным, обманным путем, это неприемлемо. Если под видом арбитража *ad hoc* скрывается институт постоянно действующего арбитража, зарабатывающий за счет администрирования, — это нарушение закона.

— Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда в последние два года неоднократно обращалась к доктрине концентрации общественно значимых публичных элементов, связанной с осложнением гражданско-правового спора публичным элементом. Что подразумевается под публичным элементом и как его можно обнаружить?

— Спасибо за этот вопрос. Это очень важная, тонкая тема, потому что действительно не всегда наблюдается понимание того, что такое публичный порядок и защита публично значимых интересов. Я хотела бы четко обозначить эти рамки.

Участие государства в правоотношении не делает автоматически спор неарбитрабельным. Напротив, государство порой является таким же субъектом гражданских правоотношений, как и частные лица, — особенно это актуально для внешнеэкономического оборота. Следовательно, контрагент государства не очень заинтересован в том, чтобы его спор разрешался в государственном суде, потому что он опасается, что возникнет некий конфликт интересов, а суд окажется не вполне независимым и беспристрастным. Но и государство, в свою очередь, не выберет в качестве форума иностранный суд. Поэтому третейское разбирательство, международный коммерческий арбитраж, традиционно является той формой разрешения споров, которая включается в международные коммерческие контракты с участием государства и даже в международные инвестиционные договоры. Так что, повторяюсь, было бы неправильно утверждать, что коль скоро государство участвует в правоотношении, то спор автоматически является неарбитрабельным по причине нарушения публичного интереса.

Чем вызвано неприятие третейского разбирательства в отношениях с концентрацией публичных элементов? Конфиденциальностью этого средства разрешения споров и отсутствием публичного контроля за процессом. Никто не может узнать, действительно ли спор разрешен верно, независимо и беспристрастно. Государство ведь представляет не свой собственный интерес, а наш общий. Поэтому надо выяснить, не нарушены ли третейским решением наши публичные интересы, интересы третьего лица. Следовательно, при разрешении споров должны быть соблюдены определенные условия. Во-первых, способ разрешения спора должен выбираться открыто: все должны четко понимать, где будет разрешаться этот спор. Во-вторых, должно быть ясно, как государство проконтролирует исполнение решения.

Существует такая концентрация публичных элементов, которая, с одной стороны, не позволяет проконтролировать эти правоотношения, а с другой — затрагивает непосредственно интересы всего общества, например бюджет как источник его существования. Поэтому сегодня очень часто создаются публичные арбитражи, разработана Конвенция о публичном инвестиционном арбитраже⁷. Есть типовые правила публичного арбитража. И третейское сообщество об этом задумалось не просто так, а в силу

⁷ Вашингтонская конвенция о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами от 18.03.1965; см. также: Конвенция ООН о прозрачности в контексте арбитражных разбирательств между инвесторами и государствами на основе международных договоров от 10.12.2014.

того, что какая-то часть таких споров должна быть лишена конфиденциальности, оставаясь при этом арбитрабельной. Это в основном как раз форма споров с публичными лицами, публичного права, в том числе государственными органами.

Также есть проблема публичных закупок. Какой там публичный интерес? Конечно, если государство напрямую выделило деньги, то такие споры должны быть условно арбитрабельны, и на этот случай наши процессуальные кодексы содержат соответствующую оговорку. В этой области должен быть создан специальный орган — и, допуская, состав его арбитров следует формировать из числа арбитров других учреждений. К такому органу должны предъявляться особые требования касательно процедуры, ее открытости. Чтобы все наше гражданское общество — не государство, а именно общество — могло проконтролировать процесс разрешения спора.

Тема государственных закупок — вообще очень деликатная. Государственные закупки — это, по сути, приобретение товаров государством для себя. И в законодательстве появилась четкость в вопросе арбитрабельности споров, возникающих из сделок, связанных с государственными закупками: нормы процессуальных кодексов (АПК, ГПК РФ) говорят об их условной арбитрабельности, и условием является требование о создании специализированного третейского органа. В этом случае однозначно все должно быть открыто и ясно и для государства, и для общества, в том числе в части форм разрешения споров, которые государственные чиновники выбрали от лица нас с вами, чтобы получить в идеале справедливое и эффективное разрешение спора (по сути — это контроль за эффективностью государственного управления).

А вот иной вид публичных закупок — закупки отдельных видов юридических лиц — такой четкости в вопросе арбитрабельности споров не имеет. Российский Закон о закупках⁸ — это необычное изобретение нашей правовой системы и ряда государств постсоветского пространства, которые, реформировав свою экономику за счет бывшей государственной собственности, передали часть этой государственной собственности для ведения коммерческой деятельности в интересах государства, а значит, опосредованно и в наших с вами интересах. То есть мы тоже заинтересованы в том, чтобы такая деятельность и разрешение споров вокруг нее, если уж они возникли, были эффективными. Но если форма ведения такой деятельности продумана достаточно подробно, то сказать то же самое про разрешение споров нельзя.

Стороной такого спора является конкретное юридическое лицо, но наш Закон о закупках наделяет его особым статусом. Ряд государств, например Казахстан, прямо установили, что такие юридические лица могут разрешать споры в третейском суде, но, во-первых, необходимо показать, кто дал согласие на третейскую оговорку — курирующий министр, замминистра, министерство или руководитель юридического лица. Во-вторых, нужно четко определить орган, где разрешается спор. А результат его разрешения надо оценивать с учетом того, как менеджмент боролся, защищал интересы — свои и общества, потому что в этой системе осуществления коммерческих связей он представляет и общество в целом. В этом отличие частного бизнеса, когда предприниматель открывает дело на основе своего имущества и на себя зарабатывает, от бизнеса, созданного за счет государства и имеющего обязательства перед ним.

⁸ Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

Значит, здесь необходимо соответствующее регулирование, правовая определенность. Не полный запрет третейского разбирательства, а сохранение каких-то форм контроля, чтобы общество понимало: юридические лица эффективно управляют собственностью и защищают публичный интерес. Если Закон о закупках наделяет эти организации особым статусом, то должна быть и какая-то особенность разрешения споров с их участием. Но законодатель умолчал об этом, и данный вопрос стал предметом судебного толкования.

Тема была непростая. Мы, конечно, хотели, чтобы Конституционный Суд встал с нами в один ряд и дал свое толкование с точки зрения конституционных ценностей, но Конституционный Суд счел, что решение этого вопроса — больше задача Верховного Суда. И мы рассмотрели то регулирование, которое сегодня есть. С одной стороны, мы понимаем, что государство отдало эти отношения в гражданско-правовую сферу и что коммерческая деятельность будет неэффективной, если ставить перед ней все публично-правовые барьеры. С другой стороны, эта деятельность должна контролироваться там, где высока концентрация публичных интересов и где мы явно видим инвестиционную бюджетную программу. То есть если коммерческая организация получила бюджетные деньги для того, чтобы реализовать какую-то публично значимую задачу, мы должны посмотреть, насколько соответствующая сфера публична, для того, чтобы проконтролировать процесс разрешения спора.

— Есть ли другие актуальные тенденции, связанные с толкованием понятия «публичный порядок»? Например, в части контроля за третейскими судами в целом?

— Один из важных вопросов — это как раз вопрос применения Закона о закупках, когда компания, бенефициаром которой является государство и которая была создана на основе государственной собственности, начинает вести коммерческую деятельность за счет собственных заработанных средств. Другой вопрос, ставший актуальным во всем мире, — последствия так называемых мер экономического принуждения, или, проще говоря, санкций. Насколько наложенные ограничения влияют на неспособность стороны исполнить гражданско-правовые обязательства? Может ли это быть элементом публичного порядка?

Кроме того, до Верховного Суда дошло очень интересное дело, связанное с новым институтом, который появился у нас в ходе третейской реформы, — это возможность подачи возражений против третейского решения, которое не требует принудительного исполнения (ст. 245.1 АПК). Такие возражения должны заявляться в течение месяца после того, как субъекту стало известно о решении иностранного суда или иностранном арбитражном решении. И в практике возник вопрос: в какой процедуре должны рассматриваться такие ходатайства? Можно ли возратить такое заявление или же нужно его принять, рассмотреть и отказать в исполнении решения? В деле, дошедшем до Верховного Суда, суд первой инстанции такое заявление возратил. Законность определения будет проверена в судебном заседании коллегии.

А вообще, я думаю, что 2020 г. пройдет под знаком борьбы с обходом третейской реформы, потому что мы уже видим целую серию таких дел. Почему говорят, что реформа, как и Постановление № 53, носит проарбитражный характер? Потому что предусмотренный ею переходный этап устанавливал механизмы для максимального

сохранения арбитражных оговорок, заключенных еще в дореформенный период, — с тем, чтобы все арбитражные учреждения, созданные до реформы, могли завершить третейское разбирательство по конкретным спорам. А сейчас пошла череда дел, в которых уже после переходного периода, т.е. с 1 ноября 2017 г., отечественные юридические и физические лица создавали под видом иностранных арбитражных учреждений (для которых третейская реформа тоже предусматривает свой порядок деятельности в Российской Федерации) некие институты, пытающиеся разрешать споры в российской юрисдикции. Судебная коллегия по экономическим спорам уже высказала правовую позицию о недопустимости деятельности таких институций, и нижестоящие суды шлифуют различные ее аспекты по всей стране.

— Действительно, есть учреждения, которые мимикрируют под иностранные, на самом деле ими не являясь. А если говорить о широко известных иностранных учреждениях, обладающих признанной репутацией, но пока не получивших права на осуществление функций ПДАУ, могут ли они на сегодняшний день администрировать арбитраж?

— Закон об арбитраже этого не запрещает. По крайней мере, из этого исходили его разработчики, судя по комментариям.

— В свое время Высший Арбитражный Суд задавался вопросом: как разграничить публичный порядок — фундаментальные правовые начала, обладающие высшей императивностью, — и обычные императивные нормы? Как Вы считаете, можно ли провести какую-то четкую границу между этими категориями норм?

— Эта тема действительно сложная, но, на мой взгляд, она очень теоретизирована. Для понимания элементов публичного порядка нужно знать и международное публичное право, и международное частное право, и конституционные ценности с гражданско-правовым регулированием в конкретной стране, потому что здесь балансируются частные и публичные интересы. Если отойти от того понятия, которое у нас есть, в публичный порядок нужно включать прежде всего те принципы, которые выработаны на международном уровне. Их перечень уже сложился и уже десятилетиями остается примерно универсальным. Это, например, «соблюдай международные обязательства» (в гражданско-правовом обороте — «соблюдай обязательства»), «уважай права человека», «уважай интересы третьих лиц» (не только контрагента, но и третьих лиц), «не обходи закон» (т.е. не пытайся использовать закон в ущерб его сути, телеологическому пониманию и т.д.). Эти принципы действуют и в публичном, и в гражданском праве. В целом публичный порядок объединяет общие принципы международного права, общие принципы национально-правовой системы и, конечно, все конституционные ценности государства.

В доктрине международного частного права всегда отмечалось, что публичный порядок исторически изменяем. Например, совсем недавно на территории нашей страны был советский публичный порядок. Иностранные судебные решения не исполнялись, потому что не признавалось право частной собственности. Публичный порядок предполагал, что мы никакую частную собственность не защищаем. Сейчас ценности другие. Кстати, в том числе и поэтому Конституция, действовавшая с 1993 г., сегодня вызывает общественную дискуссию.

Элементы публичного порядка, все ценности, которые следует защищать, конечно, сверхимперативные. Конкретная императивная норма конкретного закона не может быть элементом публичного порядка просто потому, что ни стороны, ни суд конкретного государства, особенно международный коммерческий арбитраж, не могут знать каждую норму конкретного государства. А значит, нужно следовать принципам, известным еще со времен римского права и трансформировавшимся в международное право.

— Представим, что государственный судья, осуществляя функцию контроля за третейским судом, видит, что в его решении содержится какая-то очевидная ошибка, например третейский суд на основании недопустимого доказательства устанавливает определенный факт либо применяет норму права, которую стороны исключили прямым соглашением. Должен ли государственный судья отреагировать на такое нарушение в ущерб запрету пересмотра решения по существу? Или ему следует привести в исполнение ошибочное решение, пусть оно и не нарушает фундаментальные принципы?

— Это тоже один из самых деликатных вопросов. Общая теория международного коммерческого арбитража родилась не в государственных судах, а в рамках доктрины международного коммерческого арбитража и больше, наверное, связана с функционированием Нью-Йоркской конвенции об исполнении решений⁹. Отсюда и запрет пересмотра решения по существу. Это правило нашло истолкование даже в практике Европейского суда по правам человека.

Действительно, первичная посылка здесь — автономия воли сторон. Ты отказался от государственного правосудия, ты оцениваешь все свои риски и понимаешь, что если ты доверяешь этому третейскому органу, то, соответственно, принимаешь на себя все последствия, даже если вдруг возникнет ошибка. В каком случае государственный суд должен оценивать эту ошибку? Если, с его точки зрения, арбитр просчитался или неверно квалифицировал отношения, неверно подобрал норму применимого права? Но ведь не исключено, что арбитр сделает все верно, а государственный суд сочтет, что он ошибся.

Что должно быть мерилom? Очевидно, вмешиваться нужно в ситуации, когда искажается суть права. Возьмем пример с неверной квалификацией отношений — такие случаи, я знаю, нередки и в зарубежной практике, и в нашей. Когда она не может быть основанием для отмены третейского решения? Если результат правильной квалификации был бы примерно таким же, суд не станет вмешиваться в эти отношения. Например, договор оказания услуг квалифицирован как подряд. Если арбитр при этом установил, что обязательства по договору нарушены, обязал нарушителя восстановить права второго лица и они были восстановлены, такая квалификация — это не нарушение.

Но если искажается суть отношений и это влияет на ответственность и на баланс интересов сторон, то мы опять же выходим на базовые принципы правовой системы, в том числе международной. Если баланс интересов нарушается, нужно проверять решение

⁹ Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (заключена в Нью-Йорке в 1958 г.).

на предмет нарушения им публичного порядка. Самая критикуемая тема — пересмотр решения по существу в связи с несоразмерностью ответственности. Бывает так, что сторона еще в третейском суде заявляет о несоразмерности, а потом ответственность снижается в государственном суде.

Государственному суду достаточно проверить, воспользовалась ли сторона всеми средствами, заявив о несоразмерности в третейском суде. Если третейский суд это заявление оценил, установил, что такая-то сумма соразмерна, и мотивированно расписал, почему, то, конечно, государственный суд не будет оценивать такое решение, это автономия воли сторон. Но если приведенные мотивы об отсутствии несоразмерности явно поверхностны, расписаны для вида, тогда суду придется вмешаться.

Законность и обоснованность третейского решения — тоже важная тема. Мы не просто говорим о том, что решение незаконно потому, что не тот закон применен. Применение не того закона — это не нарушение, если оно не привело к нарушению фундаментальных ценностей и прав субъекта. Мы говорим, что решение незаконно в силу того, что оно в принципе не имеет законного обоснования и третейский суд вообще не указал нам, на основе каких норм, а для международного коммерческого арбитража — на основе какого применимого права, оно выносилось. Или в силу того, что, хотя обе стороны представляли свои доказательства, доказательства одной стороны были оценены, а доказательства второй — нет. Это не значит, конечно, что государственный суд будет выверять, почему из представленных стороной десяти доказательств в решении третейского суда описаны только девять. Это, конечно, не та ошибка. Но если из виду упущено какое-то фундаментальное доказательство, то решение необоснованно. Здесь речь идет о принципе равного доступа к суду. Суд всегда будет оценивать третейское решение через принципы, а не через суть того мнения, которое арбитр выразил.

— А если в процессе проверки решения на предмет нарушения публичного порядка государственный суд установит некий факт о материально-правовых отношениях сторон — например, что договор не исполнен или недействителен, — будет ли это обстоятельство иметь преюдициальный характер в дальнейшем в общеисковом порядке?

— Этот вопрос обсуждался еще в Высшем Арбитражном Суде, в актах Президиума. В частности, рассматривалось преюдициальное значение исполненных и не исполненных государственным судом третейских решений, а также границы, где заканчивается третейское разбирательство, и акт становится актом государственного суда. Исходя из рассуждений Президиума — и я с этим соглашусь, — как только какой-то факт установлен в акте государственного суда России (в том числе признано третейское решение), он становится обязательным для всех.

— В Постановлении № 53 четко указано, что если сторона не ссылается на несоблюдение какой-либо диспозитивной нормы, то в дальнейшем она теряет право ссылаться на это нарушение. К каким выводам должен прийти государственный суд, если сторона, против которой вынесено третейское решение, знала о неочевидном нарушении публичного характера, но до определенного момента о нем не заявляла?

— Государственный суд вмешивается в отношения, касающиеся только двух сторон, тогда, когда затронуты публичные интересы. А когда одна из этих сторон недобросовестна по отношению к другой, утаивает какие-то аргументы и раскрывает их, лишь проиграв спор по существу, — такую сторону суд не защищает. Подобный эстоппель был выработан еще в практике Высшего Арбитражного Суда, поддержан Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда и включен в Закон об арбитраже (третейском разбирательстве). Сегодня он уже есть отчасти и в Гражданском кодексе.

Если же встает вопрос о нарушении публичного порядка — например, кто-то пытается недобросовестно извлекать выгоду и в том числе нарушает интересы обоих участников спора, — то в таком случае субъективная недобросовестность не должна играть роли. Ведь в этой ситуации пострадает даже выигравшая сторона.

В свое время велось много споров по Закону о закупках: стороны обращались в третейские суды, а потом их решения были дезавуированы на том основании, что они противоречили публичному порядку. Мы дали таким сторонам шанс обратиться в государственный суд, признав, что срок исковой давности не считается пропущенным. Это оригинальное решение, но с ним стоит согласиться, потому что правовой определенности в этом вопросе не существовало.

— 2019 год также ознаменовался принятием Постановления Пленума по международному частному праву¹⁰, в котором, в частности, были проведены такие подходы, как применение норм мягкого права, ограничительное толкование публичного порядка. Означает ли это, что Верховный Суд нацелен на интеграцию нашей правовой системы в мировое правовое пространство?

— Конечно, нормы так называемого *soft law* отражают мировые тенденции, помогают нам телеологически толковать нормы о том или ином институте. Сегодня мы этот подход даже в таможенные споры внедрили. Например, разъяснения Всемирной таможенной организации носят рекомендательный характер, но в их разработке фактически принимают участие таможенные службы всех государств-участников, и эти акты становятся неким консенсусом, подтверждающим, что большинство стран мира понимают конкретную ситуацию совершенно определенным образом. Те же правила УНИДРУА, Принципы европейского договорного права, Типовые законы ЮНСИТРАЛ составляются на основе консенсуса представителей разных правовых систем. Если по каким-то вопросам консенсус не достигнут, такие положения просто не будут записаны.

— Как Вы считаете, будет ли Гагская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений¹¹ способствовать более широкому распространению принципов взаимности? И в целом окажет ли она благотворное влияние на приведение в исполнение судебных решений?

— Не могу ответить на этот вопрос однозначно. Это долгожданный документ, его долго выработывали, но, к сожалению, ему «посчастливилось» родиться в очень трудное

¹⁰ Постановление Пленума ВС РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

¹¹ Принята 02.07.2019, пока не вступила в силу.

в политическом плане время. Поэтому сложно прогнозировать его перспективы. Хотя, конечно, Конвенция отразила все достижения, которые выработало право за эти годы.

Я думаю, что, независимо от судьбы Конвенции, принцип взаимности будет существовать. Мы помним случаи, когда суды США исполняли решения судов Российской Федерации, а английские судьи говорили, что они не знают примеров отказа во взаимности в Российской Федерации. Судьи, когда они видят необходимость защиты частного интереса, всегда признают решение. Потому что все-таки интересы частного лица превыше всего.

— Можно ли ожидать от Верховного Суда в обозримом будущем каких-то еще документов, связанных с международным правом, международным частным правом?

— У нас есть идея сделать документы по вопросам международного торгового мореплавания и внешнеэкономических сделок, применения обеспечительных мер в арбитражном процессе и международном гражданском процессе.

— Каким должно быть третейское сообщество, чтобы доверие государственных судов к нему росло?

— Закон принят, Постановление Пленума тоже, реформа состоялась. Мне кажется, что третейская система, популяризуя свою деятельность, должна идти не от негатива — в России все плохо, плохие законы, плохая судебная практика, — а, наоборот, от позитива. Нужно рассказывать о том, что у нас уже создано законодательное регулирование и накоплен большой опыт, что третейское сообщество — это действительно сообщество профессионалов, которые могут предложить участникам коммерческих отношений эффективное средство разрешения споров. Реформа создала основу, которая исключает злоупотребления, есть государственный, в том числе судебный, контроль, и если вдруг случатся какие-то злоупотребления, то они не останутся незамеченными. В общем и целом третейское разбирательство в России — это эффективное, быстрое и признанное в мире средство разрешения споров.

Приведение в исполнение решения третейского суда — пределы рассмотрения арбитражным судом*

Общество *Dow AgroSciences GmbH* обратилось в Арбитражный суд (АС) Московской области с заявлением о признании и приведении в исполнение в Российской Федерации окончательного арбитражного решения от 02.11.2017 по делу № SCAI600444-2016, принятого Единоличным арбитром г-ном Йоахимом Кноллем, в соответствии со Швейцарским регламентом международного арбитража Арбитражного института Торговых палат Швейцарии, с местом арбитража в Цюрихе.

Заявление было удовлетворено. Однако должник, ООО «Семена Черноземья», обратился в кассационную инстанцию с заявлением об отмене принятого определения и направлении дела на рассмотрение в суд первой инстанции в связи с тем, что оно было принято с нарушением норм материального и процессуального права, а именно:

- 1) суд необоснованно самостоятельно определил должника в рамках солидарной ответственности, с которого производится взыскание в соответствии с определением суда первой инстанции, в то время как в самом решении арбитража отсутствует указание на привлечение ответчиков к ответственности в качестве солидарных;
- 2) суд не рассмотрел доводы ответчика о порядке применения норм швейцарского права;
- 3) суд не проверил размер взысканной неустойки на соответствие публичному порядку РФ и вместо этого проверил ее размер на соответствие праву Швейцарии.

Однако АС Московского округа, оценив заявленные доводы ответчика, согласился с выводами нижестоящего суда.

Леонид Кропотов,

советник международной юридической
компании «ДЛА Пайпер»,
кандидат юридических наук

— Институт третейского разбирательства в нашей стране в последние годы привлекает к себе пристальное внимание в связи с недавно окончившейся арбитражной реформой. Она привела к сокращению числа отечественных арбитражных институтов с нескольких сотен¹ до пяти². За последние два года третейскому разбирательству было посвящено два акта Верховного Суда (ВС) РФ наивысшего уровня, которые, по сути, подвели итоги прошедшей реформы и суммировали судебную практику по теме за двадцать пять лет³. Примечательно, что один из этих актов — первое в истории нашей страны Постановление Пленума, посвященное третейскому разбирательству (далее — Постановление № 53).

Дело № А41-107668/2018 было рассмотрено до принятия Постановления № 53, однако представляется, что судебные акты по нему соответствуют заданному Пленумом ВС РФ вектору на свободу и поддержку третейского разбирательства.

Прежде всего, важной в рассматриваемом деле представляется оценка судом аргумента ответчика о том, что взысканная третейским судом простая неустойка в размере 18% годовых является чрезмерной и не соответствует публичному порядку РФ. Оценивая данный довод, суд первой инстанции обоснованно придерживался принципов автономии воли сторон (равные стороны, предприниматели, способны согласовать в договоре условия, которые их устраивают) и запрета на пересмотр решения арбитража по существу. Суд указал, что:

— арбитражный суд при рассмотрении заявления о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда не вправе пересматривать решение иностранного суда по существу;

— неустойка, согласованная сторонами в договоре в таком размере, не нарушает никакие сверхимперативные нормы законодательства РФ, а значит, не противоречит публичному порядку РФ;

— фактически довод ответчика направлен на пересмотр окончательного решения арбитража, что прямо противоречит положениям ст. 243, 244 Арбитражного процессуального кодекса (АПК) РФ.

¹ См., напр., следующие реестры третейских судов: http://arbitrage.spb.ru/sud/SpisokTS_OLD.html, <http://arbitrage.spb.ru/sud/SPISOKTS/spisokts.html> (дата обращения: 26.03.2020).

² МКАС при ТПП РФ, Российский арбитражный центр при РИСА, Арбитражный центр при РСПП, МАК при ТПП РФ, Национальный центр спортивного арбитража при АНО «Спортивная Арбитражная Палата».

³ Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей (утвержден Президиумом ВС РФ 26.12.2018); Постановление Пленума ВС РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража».

Кассационная инстанция полностью поддержала эту позицию, подтвердив, что довод ответчика направлен на пересмотр решения третейского суда по существу, что недопустимо в силу ч. 4 ст. 243 АПК РФ, а также п. 1 и 3 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» (далее — Информационное письмо № 156).

ВС РФ не усмотрел оснований для отмены решений, прямо указав на то, что довод о чрезмерности неустойки в контексте публичного порядка РФ был правомерно отклонен.

Примечательно, что в судебной практике распространена следующая позиция: взыскание третейским судом неустойки, которая, по мнению государственного суда, является чрезмерной, без снижения на основании ст. 333 Гражданского кодекса (ГК) РФ противоречит публичному порядку РФ⁴. Однако этот подход вызывает критику в доктрине⁵, так как, по сути, ведет к пересмотру решения третейского суда по существу, что согласно п. 44 Постановления № 53 запрещено. При этом существует и обратная судебная практика⁶, которая, на наш взгляд, является более обоснованной.

Согласно п. 51 Постановления № 53 под публичным порядком понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы РФ. Для отмены или отказа в принудительном исполнении решения третейского суда по мотиву нарушения публичного порядка суд должен установить совокупное наличие двух признаков:

- 1) нарушены фундаментальные принципы построения экономической, политической, правовой системы РФ; и
- 2) такое нарушение может иметь последствия в виде нанесения ущерба суверенитету или безопасности государства, затрагивать интересы больших социальных групп либо нарушать конституционные права и свободы физических или юридических лиц.

Представляется, что взыскание неустойки, которую обе стороны, осуществляющие предпринимательскую деятельность, прямо и свободно согласовали в своем договоре, не отвечает указанным признакам даже в том случае, если неустойка выше ключевой ставки Банка России или обычной ставки на рынке в соответствующий период времени.

⁴ См., напр.: Постановление Президиума ВАС РФ от 23.04.2013 № 16497/12 по делу № А40-57217/12-56-534; п. 6 Информационного письма № 156; постановления АС Волго-Вятского округа от 19.06.2017 № Ф01-2010/2017 по делу № А43-5282/2017; АС Восточно-Сибирского округа от 05.02.2018 № Ф02-6760/2017 по делу № А33-10231/2016; АС Западно-Сибирского округа от 22.09.2017 № Ф04-3320/2017 по делу № А45-4214/2017; АС Московского округа от 25.04.2018 № Ф05-4404/2018 по делу № А40-185457/2017; АС Поволжского округа от 28.05.2018 № Ф06-33139/2018 по делу № А65-42740/2017; Определение ВС РФ от 25.11.2019 № 305-ЭС19-20748 по делу № А40-84581/2019.

⁵ См., напр.: *Карабелъников Б.Р.* Исполнение и оспаривание решений международных коммерческих арбитражей. Комментарий к Нью-Йоркской конвенции 1958 года и главам 30 и 31 АПК РФ 2002 года. М., 2008.

⁶ См., напр.: постановления АС Северо-Западного округа от 18.05.2018 по делу № А56-96902/2017; АС Московского округа от 04.05.2018 по делу № А40-11569/2018; АС Поволжского округа от 23.12.2014 по делу № А72-15958/2013.

Дополнительно, следует отметить обоснованность подхода суда первой инстанции, указавшего, что некоторые неточности в формулировках решения третейского суда, не влияющие на его существо и смысл, не должны рассматриваться как препятствие для его признания и приведения в исполнение⁷. Представляется, что такой вывод полностью соответствует проарбитражному подходу Постановления № 53.

Евгений Гурченко,
советник, руководитель судебно-арбитражной
практики Адвокатского бюро
«Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры»
(Санкт-Петербург)

— Проблема признания и исполнения в российских судах решений третейских судов в российской практике сейчас стоит достаточно остро. С одной стороны, многократно уменьшилось количество дел о приведении в исполнение и оспаривании арбитражных (третейских) решений. С другой стороны, увеличилось процентное соотношение отказов и отмен (зачастую по причине применения концепции публичного порядка к существу рассмотренного спора).

В результате может сложиться впечатление, что российская судебная система с подозрением относится к третейским институтам и применяет к ним высокие стандарты, невзирая ни на репутацию самих институтов, ни на репутацию арбитров.

В этих условиях постановление АС Московского округа примечательно сформулированными в нем подходами к основаниям применения публичного порядка.

Во-первых, интересен отказ суда признать нарушением публичного порядка размер взысканной неустойки (18% годовых). Нельзя сказать, что судебная практика по данному вопросу однозначно против применения публичного порядка, — напротив, встречается и противоположное мнение. Поэтому крайне важно, что в своем решении суд первой инстанции четко указал, что оценка размера неустойки является переоценкой решения по существу. Хотя данный вывод сделан был после оценки судом того факта, что арбитр произвел оценку размера неустойки и снизил ее.

Во-вторых, показателен подход судов к вопросу оценки существа арбитражного решения, принятого в другой юрисдикции, и необходимости учета швейцарского права. Важно, что для суда этот вопрос не стал камнем преткновения и основанием для применения публичного порядка.

⁷ Пункт 10 Информационного письма Президиума ВС РФ от 26.02.2013 № 156.

Однако опять же суды пришли к данному выводу после установления того, что резолютивная часть арбитражного решения должна быть истолкована с учетом применимого права Швейцарии (в том числе с учетом заключений швейцарских адвокатов). Впрочем, возможно, это не имело бы особого значения в свете того, что пересмотр решения арбитража по существу в любом случае недопустим.

В-третьих, нельзя также не отметить указание судов на то, что наличие в арбитражном решении опечатки само по себе не может быть основанием для отказа в приведении его в исполнение. Данный подход уже закреплен в п. 10 Информационного письма № 156.

Между тем представляется дискуссионным подход суда первой инстанции к оценке соглашения об уступке прав, вытекающих из арбитражного решения. Данный вопрос не повлиял на итоговый вывод судов и может показаться по этой причине непринципиальным, однако занятая судами позиция может иметь далеко идущие последствия. Фактически суд указал, что такое правопреемство не может быть предметом рассмотрения в российском суде, а является компетенцией иностранного арбитражного суда. Нужно заметить, что в практике АС Московского округа уже сформировался подход о достаточности соглашения об уступке и отсутствии необходимости вносить какие-либо изменения в арбитражное решение⁸.

Сергей Шевелев,
заместитель председателя
Коллегии адвокатов Санкт-Петербурга
«Юридическая Бизнес Коллегия»

— Дела о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений в практике российских арбитражных судов встречаются достаточно редко. По этой причине рассматриваемый спор представляет несомненный практический и теоретический интерес.

Должник (податель кассационной жалобы) поставил перед судом целый ряд непростых для решения вопросов. В частности, он указал, что:

- 1) установив солидарный порядок взыскания, российский суд неправомерно изменил резолютивную часть решения, принятого Единоличным арбитражом;
- 2) при установлении содержания норм иностранного (швейцарского) права судом были нарушены нормы АПК РФ;

⁸ См., напр.: постановления АС Московского округа от 19.09.2019 по делу № А40-17483/19, от 22.12.2017 по делу № А40-244188/16.

3) взысканная судом неустойка является карательной и не соответствует публичному порядку РФ, что является основанием для отказа в признании и исполнении решения иностранного суда в силу ч. 1 ст. 244 АПК РФ.

Представляется, что суды, рассмотревшие дело, справились с решением указанных вопросов на высоком уровне. Комментируя мотивировочную часть постановления АС Московского округа, можно отметить следующее.

Суд всесторонне рассмотрел довод подателя жалобы об изменении резолютивной части решения иностранного суда, оценив его как с позиции его соответствия нормам применимого права Швейцарии, так и с позиции процессуального поведения должника в судебном процессе. Придя к выводу о том, что солидарный порядок взыскания соответствует содержанию соответствующих норм иностранного права, суд справедливо указал, что ранее в судебном процессе должник не возражал против удовлетворения требований одновременно в пользу нескольких соистцов без определения долей.

В подтверждение обоснованности доводов суда можно дополнительно отметить, что установление солидарного (а не долевого) порядка взыскания долга не нарушило прав должника, поскольку не привело к увеличению суммы долга. При этом солидарное взыскание долга соответствует целям процессуальной экономии на стадии исполнения решения.

Отклоняя довод о нарушении норм АПК РФ при установлении содержания норм иностранного права, суд детально проанализировал вопрос о соблюдении процессуальных прав должника. Изучив аудиопrotocol заседания суда первой инстанции, кассационный суд установил, что должнику было предоставлено достаточно времени для ознакомления с заключением о содержании норм иностранного права. Кроме того, суд первой инстанции объявил перерыв в судебном заседании, дав должнику возможность дополнительно аргументировать свою позицию, однако представители должника по своей инициативе заявили ходатайство об отказе от такого перерыва. Принимая во внимание данные факты, суд кассационной инстанции справедливо заключил, что процессуальные права должника в данном случае нарушены не были.

В ходе рассмотрения дела был детально проанализирован и довод должника о карательном характере взысканной неустойки (18% годовых в долларах США). Суд принял во внимание, что в заключенных должником контрактах неустойка изначально была определена в более существенных размерах, а именно 0,07% за каждый день просрочки (или более 25% годовых). Единоличный арбитр счет договорную неустойку чрезмерной, снизив ее до 18% годовых. Основываясь на данных обстоятельствах, суд подчеркнул, что взыскание такой неустойки и ее размер не противоречат публичному порядку Российской Федерации.

Дополнительно можно отметить, что установление в контрактах размера неустойки и выбор применимого иностранного (швейцарского) права были произведены должником добровольно, с соблюдением принципа свободы договора и принятием на себя соответствующих предпринимательских рисков. Сделав выбор в пользу швейцарского права, должник имел возможность заявить все свои доводы о необ-

ходимости снижения размера неустойки в компетентном иностранном суде (в том числе и на стадиях обжалования решения). Российский же арбитражный суд не вправе пересматривать решение иностранного суда по существу в силу ограничений, установленных ч. 4 ст. 243 АПК РФ.

Изложенные выше соображения свидетельствуют о том, что судами первой и кассационной инстанций проведен глубокий и всесторонний анализ обстоятельств дела, а также норм международного и российского права о признании и исполнении в Российской Федерации иностранных судебных решений.

Наталья Афанасьева,
руководитель судебной практики
юридической фирмы
«Дювернуа Лигал»

— Признание и приведение в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений на территории Российской Федерации имеет важное правовое и экономическое значение для участников гражданского оборота, а также развития внешнеэкономических связей в целом.

В связи с этим комментируемое постановление АС Московского округа является значимым для правоприменительной практики, поскольку способствует повышению степени исполнимости иностранных арбитражных решений в России.

Суть спора сводится к тому, что должник (российское юридическое лицо) не согласился с выводом российского арбитражного суда о признании и приведении в исполнение в Российской Федерации окончательного арбитражного решения, принятого Единоличным арбитром Арбитражного института Торговых палат Швейцарии.

Однако основания отказа в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда и иностранного арбитражного решения установлены в ст. 244 АПК РФ, носят исчерпывающий характер и не подлежат расширительному толкованию.

В связи с этим доводы судов по данному спору являются правомерными и обоснованными.

Вопреки позиции должника установленный главой 31 АПК РФ порядок допускает признание и приведение в исполнение решений иностранных судов как полностью, так и в части. При этом российский арбитражный суд не вправе пересматривать решение иностранного суда по существу.

Кроме того, ст. 242 АПК РФ не содержит требования о необходимости подачи заявления о признании и приведении в исполнение решений иностранных арбитражных решений всеми соистцами, в пользу которых принято решение.

Судом проверены соответствующие доводы должника и установлено, что обязательство должника по оплате задолженности, процентов и арбитражных расходов в пользу соистцов по третейскому решению носит солидарный характер согласно применимому праву Швейцарии.

Вывод судов о соответствии приводимого в исполнение иностранного арбитражного решения публичному порядку РФ в части размера неустойки полностью соответствует разъяснениям по данному вопросу, изложенным в Информационном письме № 156, и направлен на недопустимость пересмотра решения иностранного суда по существу, что согласуется с ч. 4 ст. 243 АПК РФ.

Процессуально-правовые способы оптимизации судопроизводства. Судебное примирение

ПОСТОЯННЫЙ РОСТ КОЛИЧЕСТВА ДЕЛ, РАССМАТРИВАЕМЫХ СУДАМИ, ТРЕБУЕТ ОПТИМИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ НАГРУЗКИ. В СТАТЬЕ РАССМАТРИВАЮТСЯ ДВА НАПРАВЛЕНИЯ ТАКОЙ ОПТИМИЗАЦИИ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ПУТЕМ ГРАДАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВИЛ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВИДА ПРОИЗВОДСТВА, А ТАКЖЕ СУДЕБНОЕ ПРИМИРЕНИЕ. ВЫДЕЛЕНО ТРИ ВИДА ПРОИЗВОДСТВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: ТРАДИЦИОННОЕ (ИСКОВОЕ И ПРОИЗВОДСТВО ИЗ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ); УПРОЩЕННОЕ И ПРИКАЗНОЕ. ПРЕДЛАГАЕТСЯ ПЕРЕДАТЬ БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ БЕССПОРНЫХ ДЕЛ НОТАРИУСАМ ДЛЯ СОВЕРШЕНИЯ ИМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ НАДПИСИ. РАССМОТРЕНЫ ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СУДЕБНОГО ПРИМИРЕНИЯ, А ТАКЖЕ ИНЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ, СТИМУЛИРУЮЩИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ: ВОЗВРАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОШЛИНЫ, РАСШИРЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ И СУБЪЕКТОВ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ И ПР.

Ирина Валентиновна Решетникова,
председатель Арбитражного суда Уральского округа, доктор
юридических наук, профессор

Ключевые слова: мировое соглашение, виды производств, исполнительные надписи нотариусов, судебные примирители, пределы мирового соглашения

В последние десятилетия российский законодатель находится в поиске путей оптимизации процедуры разрешения споров, что обусловлено многими факторами, среди которых основным является постоянно растущее количество рассматриваемых дел в судах и, соответственно, запредельная нагрузка на судей и аппарат суда. Говорить о нагрузке в судах ученые-процессуалисты не любят, считая это явление чисто ведомственным, не требующим фундаментальных научных исследований. И если положить на одну чашу невидимых весов обеспечение принципа доступности судебной защиты, а на другую — нагрузку в суде, то доступность окажется более значимой. Позволю себе

МЫ ПОЖИНАЕМ ПЛОДЫ МЕДЛИТЕЛЬНОСТИ В РАЗВИТИИ ПРАКТИКИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ, ОПАСЕНИЯ ДОВЕРИТЬ ПРИМИРЕНИЕ СТОРОН ДЕЙСТВУЮЩИМ СУДЬЯМ ПРИ НЕОБХОДИМОСТИ РАЗРАБОТКИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА, ГАРАНТИРУЮЩЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ СУДА

не согласиться с коллегами. За постоянным ростом количества дел в судах лежат и некоторые концептуальные причины. Так, мы пожинаем плоды медлительности в развитии практики альтернативных способов разрешения споров, опасения доверить примирение сторон действующим судьям при необходимости разработки процессуального механизма, гарантирующего независимость суда, и пр.

Можно выделить два основных вектора в современном российском законодательстве, направленные на оптимизацию судебной нагрузки. Во-первых, это совершенствование процессуально-правового механизма путем градации процессуальных правил в зависимости от вида производства. Во-вторых — создание приоритетного режима для завершения миром возбужденных в суде споров. Рассмотрим их подробнее.

1. Градация процессуальных правил в зависимости от вида производства

Процессуальное законодательство с очевидностью демонстрирует разделение процедуры рассматриваемых дел на три крупные сферы¹:

1) традиционное судопроизводство (исковое производство и производство из публичных правоотношений), которое предполагает рассмотрение дел по всем правилам судопроизводства — возбуждение дела, подготовка к судебному разбирательству, судебное разбирательство, вынесение окончательного судебного акта;

2) упрощенное производство, которое стало в арбитражном процессе уникальным явлением, сочетающим в себе:

— электронное производство (подача искового заявления, обмен составительскими документами, раскрытие доказательств, ознакомление с материалами дела, размещение судебных актов — все в электронной форме);

— заочное судопроизводство, поскольку суд не видит сторон спора;

— письменный процесс, исходя из характера доказательств;

— ускоренное разбирательство ввиду сокращенных сроков;

— отсутствие некоторых институтов, характерных для традиционного производства.

¹ В этом исследуемое направление очень похоже на основополагающий подход реформы лорда Вульфа в Великобритании, в рамках которого разработано три регламента рассмотрения дел: производство по делам с малой суммой иска (*small claims track*), ускоренное производство (*fast track*), универсальный порядок судебного разбирательства (*multi-track*). См.: *Woolf H. Access to Justice: Interim Report to the Lord Chancellor on the Civil Justice System in England and Wales. Lord Chancellor's Department, 1995.* Многие англоязычные страны также восприняли эту модель (например, Гонконг и Австралия в 2009 г., Ирландия — в 2000–2010 гг.).

Упрощение процесса имеет место и в проверочных инстанциях (единоличное рассмотрение жалоб, основания для обжалования в кассационном порядке и пр.). Но при этом сохраняется состязательность.

В 2019 г. 670,7 тыс. дел, или 35,7% от общей нагрузки арбитражных судов первой инстанции, были рассмотрены в упрощенном порядке (в 2018 г. — 633,5 тыс. дел, или 33,2%)². Много споров в процессуальной науке вызвала идея изготовления судебных решений, выносимых в рамках упрощенного производства, без мотивировочной части. Судебная статистика демонстрирует прозорливость законодателя. Так, в арбитражных судах первой инстанции Уральского округа участники лишь 4,2% дел, рассмотренных в упрощенном порядке, подали ходатайства об изготовлении мотивированного судебного акта (в 2018 г. — 8,2%). В арбитражных судах отработан механизм изготовления полного текста судебных актов при поступлении апелляционной жалобы в период временного отсутствия судьи первой инстанции;

3) бесспорное или приказное производство. В гражданском процессе приказное производство было возрождено в 1995 г., в арбитражном — в 2016 г., что стало явным продвижением вперед: бесспорные дела выделены в производство без обмена состязательными документами, раскрытия доказательств, без судебного разбирательства, но с возможностью беспрекословной отмены судебного приказа при поступлении возражения должника.

Вместе с тем соглашусь с теми авторами, кто полагает, что приказное производство — это не правосудие. Точно так же можно было бы передать дела приказного производства нотариусам для совершения ими исполнительной надписи³. Представляется, что в рамках судопроизводства следует рассматривать и разрешать правовые споры, а не констатировать наличие бесспорных правопритязаний.

**ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ, ЧТО В РАМКАХ
СУДОПРОИЗВОДСТВА СЛЕДУЕТ
РАССМАТРИВАТЬ И РАЗРЕШАТЬ ПРАВОВЫЕ
СПОРЫ, А НЕ КОНСТАТИРОВАТЬ НАЛИЧИЕ
БЕССПОРНЫХ ПРАВОПРИТЯЗАНИЙ**

Если обратиться к истории, то мы увидим, что судебный приказ был введен в гражданский процесс в 1923 г., но уже в 1928 г. исключен из Гражданского процессуального кодекса (ГПК). В годы советской власти нотариальные органы были призваны придавать исполнительную силу долговым и платежным документам, что, вполне возможно, и послужило причиной столь короткого существования приказного производства в судах.

Сегодня нотариусы вправе совершать следующие исполнительные надписи: о взыскании задолженности или истребовании имущества, об обращении взыскания на заложенное имущество. Исполнительная надпись о взыскании задолженности или истребовании имущества совершается в связи с задолженностью по нотариально удостоверенным сделкам, устанавливающим денежные обязательства или обяза-

² Статистический отчет о работе арбитражных судов в 2019 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 17.03.2020).

³ См. также: Постановление Правительства РФ от 01.06.2012 № 543 «Об утверждении перечня документов, по которым взыскание задолженности производится в бесспорном порядке на основании исполнительной надписи нотариуса».

тельства по передаче имущества, а также по кредитным договорам, за исключением договоров, кредитором по которым выступает микрофинансовая организация, при наличии в указанных договорах или дополнительных соглашениях к ним условия о возможности взыскания задолженности по исполнительной надписи нотариуса. В соответствии с Перечнем документов, по которым взыскание задолженности производится в бесспорном порядке на основании исполнительных надписей, исполнительная надпись совершается при наличии задолженности по договору хранения, по договору займа (залоговый билет), по договору проката⁴.

При передаче дел приказного производства нотариусам сохранилась бы возможность оспаривать в суде исполнительную надпись нотариуса (ст. 33 Основ законодательства

ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ДЕЛ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА НОТАРИУСАМ СОХРАНИЛАСЬ БЫ ВОЗМОЖНОСТЬ ОСПАРИВАТЬ В СУДЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНУЮ НАДПИСЬ НОТАРИУСА

РФ о нотариате (утверждены ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1; далее — Основы)). В 2019 г. в арбитражных судах первой инстанции 420,9 тыс. дел, или 22,4%, рассмотрено в приказном порядке (в 2018 г. — 425 тыс. дел, или 22,3%)⁵. Причем отмен судебных приказов самим судьей немного: к примеру, в арбитражных судах первой инстанции Уральского округа в 2019 г. отменены 2% принятых судебных при-

казов (в 2018 г. — 4,2%)⁶. Как демонстрирует судебная статистика, предпринятые меры по градации судебных процедур сделали свое дело, разгрузив суды.

Россия не единственная страна в мире, где постоянно растет количество дел в судах. В связи с этим за рубежом возникла теория, получившая непривычное для нас название «приватизация правосудия»⁷, одной из основных задач которой является передача споров из судов чаще всего негосударственным организациям⁸. Возможно, для уменьшения судебной нагрузки и нам стоит обсудить передачу бесспорных дел другим органам. Например, на Западе заметную роль играют альтернативные способы разрешения дел. У нас в качестве шага в этом направлении можно рассматривать не только возможную передачу нотариусам бесспорных дел, но и положение Федерального закона от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 197-ФЗ), которым внесены изменения в Основы о нотариате по мирному урегулированию споров, с наделением нотариусов правом удостоверять медиативные соглашения (ст. 59.1 Основ).

К сожалению, российский законодатель не принимает предложения по увеличению некоторых размеров государственной пошлины⁹. Так, сегодня государственная пошлина при подаче апелляционной и кассационной жалоб составляет 3000 руб. Столь невы-

⁴ Подробнее см.: письмо от 14.10.2016 Федеральной службы судебных приставов № 00011/16/96020-АП, Федеральной нотариальной палаты № 3815/01-01-2 «О порядке исполнения исполнительной надписи нотариуса».

⁵ Статистический отчет о работе арбитражных судов в 2019 г.

⁶ Справедливости ради надо отметить, что в Арбитражном процессуальном кодексе (АПК) РФ выделяются и такие виды производства, как установление юридических фактов, групповые иски, дела о несостоятельности (банкротстве), корпоративные споры и пр.

⁷ См.: Стрельцова Е.Г. Приватизация правосудия. М., 2019.

⁸ См. там же. С. 38, 52.

⁹ Кондратьева И. Доступное правосудие: сколько стоит суд в разных странах мира // Право.ру. 2015. 27 нояб.

сокий ее размер не стимулирует стороны к активизации усилий на первой инстанции, хотя иные процессуальные институты (обязательное раскрытие доказательств в суде первой инстанции, ограничение возможности представления новых доказательств в апелляции, запрет переоценки доказательств в кассации) направлены на концентрацию усилий сторон по разрешению споров именно в первой инстанции. Сохранение невысоких размеров государственной пошлины в проверочной инстанции размывает усилия сторон во времени, увеличивая количество обжалований судебных актов.

**СОХРАНЕНИЕ НЕВЫСОКИХ РАЗМЕРОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОШЛИНЫ
В ПРОВЕРОЧНОЙ ИНСТАНЦИИ РАЗМЫВАЕТ
УСИЛИЯ СТОРОН ВО ВРЕМЕНИ,
УВЕЛИЧИВАЯ КОЛИЧЕСТВО ОБЖАЛОВАНИЙ
СУДЕБНЫХ АКТОВ**

2. Судебное примирение

Второе направление оптимизации судебной нагрузки — увеличение количества мировых соглашений и ориентация сторон на альтернативные способы разрешения дел. Конечно, идеальным было бы активное применение альтернативных способов разрешения дел вместо обращения к суду, но это пока задача, требующая внимания в научном плане.

Пока мы обсуждаем, как увеличить количество случаев мирного разрешения споров, некоторые зарубежные ученые полагают, что альтернативным способом разрешения спора стали не примирительные процедуры, а традиционное судопроизводство, которое следует рассматривать в качестве последнего, а не основного средства урегулирования правового конфликта¹⁰.

Несмотря на предпринимаемые усилия по внедрению медиации, в 2019 г. только 2% дел в арбитражных судах завершились миром (заключено всего 11 мировых соглашений). В судах общей юрисдикции этот показатель еще меньше: мировые соглашения заключены по 0,5% гражданских и по 0,01% административных дел (1200 соглашений на 19 млн рассмотренных дел)¹¹. С 2011 по 2017 г. примирительные процедуры с участием медиаторов использовались в 0,008% дел в судах общей юрисдикции и в 0,002% дел в арбитражных судах¹².

**НЕСМОТРИ НА ПРЕДПРИНИМАЕМЫЕ
УСИЛИЯ ПО ВНЕДРЕНИЮ МЕДИАЦИИ,
В 2019 Г. ТОЛЬКО 2% ДЕЛ
В АРБИТРАЖНЫХ СУДАХ ЗАВЕРШИЛИСЬ
МИРОМ (ЗАКЛЮЧЕНО ВСЕГО
11 МИРОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ)**

В настоящее время сделан новый законодательный шаг: введено судебное примирение. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 утверждено

¹⁰ Andrews N. I Metodi alternative de rezoluzione delle controversie in Inghilterra // L'altra giustizia / ed. by V. Varano. Milano, 2007. P. 18; *Idem*. The modern civil process. Part 1. Tübingen, 2008.

¹¹ Конфликт интересов и информационная открытость: первый день Совета судей // Право.ру. 2020. 4 февр.

¹² См.: пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур».

Регламент проведения судебного примирения (далее — Регламент). В начале 2020 г. утвержден первый список из 342 судебных примирителей — из расчета от 1 до максимум 5 судебных примирителей на каждый субъект Российской Федерации.

Примирительные процедуры при активном участии суда имеют место в различных странах (в частности, в Беларуси, Казахстане, Словении, Германии, Голландии, Канаде). Россия тоже обладает собственными традициями: в середине XIX — начале XX в. в коммерческих судах практиковалось привлечение примирителей из состава суда наряду с негосударственными примирителями¹³.

На постсоветском пространстве первой к судебному примирению обратилась Беларусь. Существенным отличием от российской модели является привлечение к участию в данной процедуре не судей, пребывающих в отставке, а сотрудников суда, которые не обладали необходимым практическим опытом. В 2008–2010 гг. практически каждое дело, поступившее в суд, проходило через процедуру судебного посредничества. Посредник участвовал в урегулировании около 988 споров в год, в итоге произошло перераспределение функций судей и судебных посредников. В 2014 г. ситуация изменилась, в разрешение споров как в суде, так и вне суда включились профессиональные медиаторы¹⁴.

Современная российская процедура судебного примирения должна привлечь внимание сторон спора по следующим причинам:

— судебным примирителем является судья, пребывающий в отставке, т.е. опытный юрист, знающий судебную практику;

— судебное примирение бесплатно для сторон¹⁵;

— судебное примирение возможно на любой стадии процесса и при исполнении судебного акта;

— процедура примирения не формализована и определяется сторонами по согласованию с судебным примирителем с учетом положений процессуального законодательства и Регламента;

— принципы судебного примирения максимально учитывают интересы спорящих сторон (см. ст. 2–7 Регламента).

К примеру, добровольность судебного примирения предопределена тем, что оно проводится по ходатайству сторон или одной стороны с согласия другой. Если инициатором судебного примирения выступает суд, то требуется согласие обеих сторон. Стороны определяют судебного примирителя.

Конфиденциальность судебного примирения предусмотрена положением о том, что стороны, судебный примиритель и иные лица, присутствовавшие при проведении су-

¹³ См.: пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур».

¹⁴ См.: *Власова Л.* Медиация в Беларуси. Опыт судебного посредничества (примирения). URL: <https://mediation-eurasia.pro/author/liliya-vlasova> (дата обращения: 17.03.2020).

¹⁵ Порядок оплаты будет определен Правительством РФ.

дебного примирения, не вправе без письменного согласия обеих сторон ссылаться при рассмотрении дела в суде на мнения или предложения, высказанные одной из сторон в отношении возможного примирения; признания, сделанные одной из сторон в ходе процедуры; проявление готовности одной из сторон принять предложение о примирении, сделанное другой стороной; сведения, содержащиеся в документе, подготовленном исключительно для судебного примирения;

— срок для судебного примирения, устанавливаемый судом, по ходатайству сторон может быть продлен или, наоборот, сокращен (ст. 11 Регламента);

— существует возможность вернуться из примирительной процедуры в судебную, которая была ранее отложена или приостановлена;

— результатом примирения может стать: мировое соглашение, соглашение о примирении, соглашение по фактическим обстоятельствам. Не исключены также отказ от иска, признание иска полностью или в части.

Анализ установленной Регламентом процедуры судебного примирения свидетельствует о том, что предложенная модель представляет собой смешение некоторых черт альтернативных способов разрешения споров: арбитража в англо-американском понимании, медиации и переговоров.

Характер деятельности судебного примирителя отчасти напоминает деятельность судьи. Так, судебный примиритель устанавливает фактические отношения сторон, содержание их взаимоотношений и претензий; изучает материалы дела с согласия судьи, доказательства, представленные сторонами; предлагает сторонам представить дополнительные документы и материалы; предлагает сторонам провести сверку взаимных расчетов; обсуждает со сторонами их понимание условий договора; предлагает сторонам проверить разумность как требований, так и возражений на них и пр. В то же время работа судебного примирителя имеет сходство с медиативной методикой при обсуждении вариантов урегулирования спора, приемлемых для сторон.

Судебный примиритель до истечения срока проведения судебного примирения вправе прекратить судебное примирение, что позволит бороться со злоупотреблениями сторон спора, которые иногда стремятся лишь затянуть рас-

АНАЛИЗ УСТАНОВЛЕННОЙ РЕГЛАМЕНТОМ ПРОЦЕДУРЫ СУДЕБНОГО ПРИМИРЕНИЯ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О ТОМ, ЧТО ПРЕДЛОЖЕННАЯ МОДЕЛЬ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ СМЕШЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ЧЕРТ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ: АРБИТРАЖА В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ ПОНИМАНИИ, МЕДИАЦИИ И ПЕРЕГОВОРОВ

СУДЕБНЫЙ ПРИМИРИТЕЛЬ ДО ИСТЕЧЕНИЯ СРОКА ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОГО ПРИМИРЕНИЯ ВПРАВЕ ПРЕКРАТИТЬ СУДЕБНОЕ ПРИМИРЕНИЕ, ЧТО ПОЗВОЛИТ БОРЬТЬСЯ СО ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯМИ СТОРОН СПОРА, КОТОРЫЕ ИНОГДА СТРЕМЯТСЯ ЛИШЬ ЗАТЯНУТЬ РАССМОТРЕНИЕ ДЕЛА В СУДЕ

смотрение дела в суде. В указанных случаях судебным примирителем составляется мотивированный письменный отказ от проведения судебного примирения, который не позднее следующего дня передается сторонам судебного примирения.

Возлагая надежды на развитие судебного примирения, мы должны понимать, что один только этот институт не изменит существующую картину кардинально. Необходима совокупность мер и совместные усилия самых различных органов и институтов. Прежде всего стимулировать примирение должен процессуально-правовой механизм, что предполагает развитие института раскрытия доказательств, позволяющего сторонам взвесить перспективы рассмотрения спора и в итоге заключить мировое соглашение, отказаться от иска или признать иск полностью или в части. Законом № 197-ФЗ расширен субъектный состав лиц, обладающих правом заключения мирового соглашения. Теперь заключить его могут третьи лица, как заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора, так и не заявляющие таковых.

Расширены пределы мировых соглашений: их содержание может выйти за заявленные требования и возражения, приведенные в состязательных документах. Самостоятельное мировое соглашение может быть заключено и в отношении судебных расходов. В экономическом плане мировое соглашение также становится привлекательным: увеличены суммы, подлежащие к возврату истцу из федерального бюджета: 70% уплаченной государственной пошлины при утверждении мирового соглашения в первой инстанции, 50% в апелляции, 30% в кассации и надзоре¹⁶. Более того, при расчете подлежащей возврату доли государственной пошлины в проверочной инстанции принимается во внимание уплаченная государственная пошлина в первой инстанции¹⁷.

В Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 16.09.1986 № R(86)12 о мерах по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды указывалось на необходимость содействовать примирению сторон на стадии производства по делу в целях сокращения количества рассматриваемых судами дел и улучшения качества

отправления правосудия. Комитетом министров предложено возложить на судей обязанность добиваться примирения сторон и заключения мирового соглашения по всем соответствующим вопросам на любой стадии производства по делу.

ПОКА ЧТО РОССИЙСКИЕ УЧАСТНИКИ СПОРОВ ОРИЕНТИРОВАНЫ СКОРЕЕ НА ТО, ЧТОБЫ ОБРАТИТЬСЯ В СУД, НЕЖЕЛИ ПОПРОБОВАТЬ ПРИМИРИТЬСЯ

Пока что российские участники споров ориентированы скорее на то, чтобы обратиться в суд, нежели по-

пробовать примириться. Еще Н.А. Некрасов удивительно точно сформулировал эту особенность российского менталитета — уповать на властное разрешение проблем: «Вот приедет барин — барин нас рассудит».

¹⁶ Считается, что ключевым фактором развития судебного примирения в Беларуси стал возврат истцу 50% суммы уплаченной государственной пошлины в случае заключения мирового соглашения в посредничестве и лишь 25% — при заключении мирового соглашения в судебном разбирательстве. См.: *Власова Л.* Указ. соч.

¹⁷ Ранее в арбитражных судах была разная практика определения суммы возвращаемой государственной пошлины в апелляции и кассации.

На практике многие действующие судьи успешно помогают сторонам примириться. Более того, немало современных зарубежных медиаторов начали свой путь, будучи судьями. Как мне кажется, не надо сбрасывать со счетов навыки российских судей по примирению сторон: сегодня большинство мировых соглашений заключаются именно благодаря их усилиям. К примеру, в Калифорнии судья, рассматривающий дело, может провести самостоятельно судебное примирение. Если стороны не смогли прийти к мирному урегулированию спора, то судья, уточнив у них, доверяют ли они ему разрешить их спор, рассматривает дело, выносит решение. Если стороны не доверяют данному судье, то дело рассматривается другим судьей.

Привлекательность мировых соглашений для суда и сторон очевидна. Из 900 определений о прекращении производства по делу ввиду примирения сторон лишь одно обжалуется в кассацию. Обычно же обжалуется каждый третий-четвертый судебный акт суда первой инстанции. Иными словами, при мировом соглашении происходит одно обжалование вместо 300. Другое преимущество примирения — добровольность исполнения. Так, по около 20% определений о прекращении производства по делу ввиду примирения сторон выдаются исполнительные листы, которые могут быть и не предъявлены к исполнению. Поскольку мировые соглашения в основном заключаются по спорам о присуждении, где предполагается выдача исполнительных листов, то это означает, что вместо 900 исполнительных листов (выдаваемых в отсутствие процедуры примирения) будет выдано 180¹⁸. Хозяйственный суд Республики Беларусь, имеющий опыт судебного примирения, подтверждает приведенные наблюдения: процент неисполнения судебных решений обычно достигает 40–45%, в то время как доля добровольного исполнения после медиации превышает 90%¹⁹.

**ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ МИРОВЫХ
СОГЛАШЕНИЙ ДЛЯ СУДА И СТОРОН
ОЧЕВИДНА. ИЗ 900 ОПРЕДЕЛЕНИЙ
О ПРЕКРАЩЕНИИ ПРОИЗВОДСТВА
ПО ДЕЛУ ВВИДУ ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН
ЛИШЬ ОДНО ОБЖАЛУЕТСЯ В КАССАЦИЮ.
ОБЫЧНО ЖЕ ОБЖАЛУЕТСЯ КАЖДЫЙ
ТРЕТИЙ-ЧЕТВЕРТЫЙ СУДЕБНЫЙ АКТ
СУДА ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ**

Для увеличения количества мировых соглашений, отказов от иска, признания исков, а также для досудебного разрешения конфликтов надо развивать все формы примирения, и огромную роль в этом могут сыграть действующие судьи, судебные примирители, адвокаты, юристы предприятий, а также медиаторы.

¹⁸ Данные приводятся по результатам анализа определений АС Свердловской области о прекращении производства ввиду заключения мирового соглашения, принятых за три квартала 2008 г., и анкетирования судей данного суда по вопросам примирения. Аналогичная ситуация складывалась и в последующие годы.

¹⁹ См.: Власова Л. Указ. соч.

Взаимодействие третейских и государственных судов по вопросам обеспечительных мер

СТАТЬЯ ПОСВЯЩЕНА ПРОБЛЕМАМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ТРЕТЕЙСКИМИ И ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СУДАМИ, КОТОРЫЕ ВОЗНИКАЮТ ПРИ ПРИНЯТИИ ИМИ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ПОДДЕРЖКУ АРБИТРАЖА. КАК ПРАВИЛО, ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СУДЫ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ В ДАННОЙ ПРОЦЕДУРЕ, ЧТОБЫ ГАРАНТИРОВАТЬ ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ ДОЛЖНИКОМ ПРИНЯТЫХ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР. В СТАТЬЕ ОБСУЖДАЮТСЯ ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ТРЕТЕЙСКИХ СУДОВ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР, ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОМПЕТЕНТНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СУДА И ПРОВЕРКИ ГОСУДАРСТВЕННЫМ СУДОМ КОМПЕТЕНЦИИ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА. СИСТЕМАТИЗИРОВАНЫ ПОДХОДЫ К ИЗМЕНЕНИЮ И ОТМЕНЕ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР, ПРИНЯТЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫМ СУДОМ, А ТАКЖЕ К ПРИНУДИТЕЛЬНОМУ ИСПОЛНЕНИЮ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР, ПРИНЯТЫХ ТРЕТЕЙСКИМ СУДОМ. ОТДЕЛЬНО РАССМОТРЕН ВОПРОС ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ТРЕБОВАНИЯ О ВОЗМЕЩЕНИИ УБЫТКОВ, СВЯЗАННЫХ С ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫМИ МЕРАМИ. В СТАТЬЕ ОБОБЩАЕТСЯ РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТРЕТЕЙСКИХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДОВ В ЭТОЙ ОБЛАСТИ И ДАНЫ РЕКОМЕНДАЦИИ РОССИЙСКИМ СУДАМ ПО СЛОЖНЫМ ВОПРОСАМ.

Дмитрий Алексеевич Андреев,
адвокат Коллегии адвокатов
«Монастырский, Зюба, Степанов и Партнеры»

Ключевые слова: взаимодействие государственного суда и третейского суда, обеспечительные меры, третейское разбирательство

Институт обеспечительных мер — срочных временных мер, направленных на обеспечение иска и иных имущественных интересов заявителя, — существует не только в судебном процессе, но и в арбитраже. Рассмотрение спора в третейском суде, как и государственном суде, может занять несколько месяцев или даже лет, в течение которых исполнение решения может стать затруднительным или невозможным,

а предмет спора потерять значение для сторон. Поэтому законодательство содержит специальные нормы о возможности принятия обеспечительных мер в третейском разбирательстве¹.

В отличие от государственного суда, третейский суд является негосударственным юрисдикционным органом, который не обладает публичными распорядительными правами в отношении сторон и может лишь предложить им совершить или не совершать определенные действия на добровольной основе². Например, третейский суд, за редким исключением, не может арестовать имущество или запретить третьим лицам совершать с ним какие-либо действия³. Поэтому, чтобы институт обеспечительных мер не терял свою эффективность в рамках третейского разбирательства, в решении вопросов, связанных с такими мерами, могут принимать участие не только арбитры, но и судьи государственных судов⁴. О взаимодействии между арбитрами и судьями в сфере обеспечительных мер и пойдет речь в настоящей статье.

В ОТЛИЧИЕ ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУДА, ТРЕТЕЙСКИЙ СУД ЯВЛЯЕТСЯ НЕГОСУДАРСТВЕННЫМ ЮРИДИКЦИОННЫМ ОРГАНОМ, КОТОРЫЙ НЕ ОБЛАДАЕТ ПУБЛИЧНЫМИ РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В ОТНОШЕНИИ СТОРОН И МОЖЕТ ЛИШЬ ПРЕДЛОЖИТЬ ИМ СОВЕРШИТЬ ИЛИ НЕ СОВЕРШАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ДОБРОВОЛЬНОЙ ОСНОВЕ

Соотношение компетенции третейских и государственных судов

В мире существуют две модели разграничения юрисдикции по вопросу принятия обеспечительных мер. Согласно первой арбитры и судьи государственных судов обладают *параллельной* компетенцией, т.е. сторона арбитража вправе в любой момент обратиться за обеспечительными мерами как к третейскому, так и к государственному суду. Данная модель закреплена в положениях Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (далее — Типовой закон ЮНСИТРАЛ) и, соответственно, принята в большинстве стран континентального права, включая Россию⁵. Суть данных положений в том, что обращение за обеспечительными мерами в государственный суд вместо третейского суда не является нарушением арбитражного соглашения и не означает, что обратившаяся сторона отказывается от действия такого соглашения. Кроме того, стороне арбитража не нужно обращаться за обеспечительными мерами сначала в третейский суд, а лишь затем в государственный, поскольку

¹ Статья 17 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее — Закон об арбитраже), ст. 17 Закона РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (далее — Закон об МКА).

² Постановление Пятнадцатого ААС от 23.11.2017 № 15АП-16220/2017 по делу № А53-27308/2017 (оставлено без изменения постановлением АС Северо-Кавказского округа от 08.02.2018 № Ф08-11469/2017).

³ Единственным исключением из этого правила является п. 1 ст. 389 Кодекса торгового мореплавания РФ, допускающий арест судна по морскому требованию, подлежащему рассмотрению в Морской арбитражной комиссии при ТПП РФ на основании постановления председателя комиссии.

⁴ Часть 3 ст. 139 Гражданского процессуального кодекса (ГПК), ч. 3 ст. 90 Арбитражного процессуального кодекса (АПК) РФ.

⁵ Статьи 9 и 17/ Типового закона ЮНСИТРАЛ, ст. 9 Закона об арбитраже, ст. 9 Закона об МКА; Arbitration in Switzerland: The Practitioner's Guide / ed. by M. Arroyo. Kluwer Law International, 2018. P. 2560.

суды не воспринимают возможность обращения в третейский суд за обеспечительными мерами в качестве обязательного досудебного порядка⁶.

Согласно второй модели государственные суды обладают *вспомогательной* компетенцией, т.е. сторона должна по общему правилу обращаться за обеспечительными мерами в третейский суд, а обращение в государственный суд допускается лишь в строго определенных случаях. Данная модель существует в странах англосаксонского права⁷. В рамках данной модели заявитель должен обосновать, почему третейский суд не является подходящим форумом для разрешения вопроса об обеспечительных мерах. Причины обращения в государственный суд могут быть разными: например, арбитры не вправе принимать испрашиваемую меру по применимому закону либо не смогут быстро принять ее, в том числе по причине того, что состав третейского суда еще не сформирован.

Могут ли стороны изменить применимую модель в своем арбитражном соглашении? Например, Арбитражный регламент Международной торговой палаты (*ICC*) предусматривает, что стороны вправе обращаться за обеспечительными мерами в государственный суд только до передачи дела составу третейского суда, а при соответствующих тому обстоятельствах и после передачи, т.е. закрепляет модель вспомогательной компетенции, в то время как применимый закон об арбитраже может придерживаться иной модели⁸. Арбитражный регламент Спортивного арбитражного суда (*CAS*) запрещает сторонам обращаться за обеспечительными мерами в любой иной орган, помимо самого *CAS*, т.е. вообще исключает компетенцию государственных судов⁹. Несмотря на наличие таких норм в регламентах некоторых арбитражных учреждений, допустимость изменения или ограничения компетенции государственных судов по вопросу принятия обеспечительных мер арбитражным соглашением представляется сомнительной.

НЕСМОТЯ НА НАЛИЧИЕ ТАКИХ НОРМ В РЕГЛАМЕНТАХ НЕКОТОРЫХ АРБИТРАЖНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ, ДОПУСТИМОСТЬ ИЗМЕНЕНИЯ ИЛИ ОГРАНИЧЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДОВ ПО ВОПРОСУ ПРИНЯТИЯ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР АРБИТРАЖНЫМ СОГЛАШЕНИЕМ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ СОМНИТЕЛЬНОЙ

изменения или ограничения компетенции государственных судов по вопросу принятия обеспечительных мер арбитражным соглашением представляется сомнительной.

Выбор компетентного государственного суда

Если сторона арбитража принимает решение обратиться за обеспечительными мерами в государственный суд, то к такому обращению применяются как общие, так и специальные правила подсудности.

Международная подсудность. Разграничение компетенции судов разных государств обычно основывается на принципе эффективной юрисдикции, который предполагает наличие тесной связи испрашиваемых обеспечительных мер с территорией страны,

⁶ Апелляционные определения Московского городского суда от 14.08.2017 по делу № 33-31817/2017 и № 33-31816/2017.

⁷ Статья 44 Закона Англии 1996 г. об арбитраже; *McCreary Tire & Rubber Co. v. CEAT, SpA*. 501 F.2d 1032 (3rd Cir. 1974).

⁸ Статья 28 (2) Арбитражного регламента *ICC* 2017 г.

⁹ Статья *R37* (3) Кодекса спортивного арбитража *CAS*.

в которой заявитель просит их принять. Например, такая тесная связь имеется, если заявитель обращается в суд по местонахождению должника, даже если место арбитража находится за границей¹⁰. Если же и должник, и место арбитража находятся за границей, то у суда нет оснований для применения принципа эффективной юрисдикции¹¹. В России для определения тесной связи может также использоваться критерий местонахождения имущества, подлежащего аресту¹².

Предметная подсудность судов РФ. Сторона арбитража должна обращаться за обеспечительными мерами в суды системы судов общей юрисдикции или системы арбитражных судов в зависимости от того, суды какой из двух систем были бы компетентны рассматривать соответствующий спор в отсутствие арбитражного соглашения. Например, если один из ответчиков — гражданин, не являющийся предпринимателем, и спор не носит характер корпоративного, то за обеспечительными мерами необходимо обращаться в суд общей юрисдикции, даже если они испрашиваются против другого ответчика, являющегося коммерческой организацией¹³. Для того чтобы суд мог точно определить предметную подсудность, в заявлении о принятии обеспечительных мер следует указывать необходимые детали спора, включая состав участвующих сторон, а также по возможности прикладывать к заявлению копию иска или просьбы об арбитраже¹⁴.

Территориальная подсудность судов РФ.

Если арбитраж уже начался, сторона вправе обратиться за обеспечительными мерами в суд по местонахождению третейского суда, должника или имущества должника. Если третейское разбирательство еще не начато, следует обращаться в суд по местонахождению имущества, в отношении которого испрашиваются предварительные обеспечительные меры¹⁵.

Проверка компетенции третейского суда государственным судом

Поскольку обеспечительные меры принимаются в поддержку третейского разбирательства, логично предположить, что государственный суд не должен при-

ПОСКОЛЬКУ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРИНИМАЮТСЯ В ПОДДЕРЖКУ ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА, ЛОГИЧНО ПРЕДПОЛОЖИТЬ, ЧТО ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУД НЕ ДОЛЖЕН ПРИНИМАТЬ К РАССМОТРЕНИЮ ЗАЯВЛЕНИЕ О ПРИНЯТИИ ТАКИХ МЕР, ЕСЛИ ДОЛЖНИК НЕ СОГЛАШАЛСЯ НА РАССМОТРЕНИЕ СПОРА В АРБИТРАЖЕ. ВОЗНИКАЕТ ВОПРОС: ДОЛЖЕН ЛИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУД НА ДАННОМ ЭТАПЕ ОСУЩЕСТВЛЯТЬ ПРОВЕРКУ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ АРБИТРАЖНОГО СОГЛАШЕНИЯ И АРБИТРАБЕЛЬНОСТИ СПОРА, ПОДЛЕЖАЩЕГО РАЗРЕШЕНИЮ ТРЕТЕЙСКИМ СУДОМ?

¹⁰ Bhatia International v. Bulk Trading S.A. (2002)4 SCC 105.

¹¹ Econet Wireless Ltd v. Vee Networks Ltd. (2006) EWHC 1568 (Comm.).

¹² Пункт 30 Обзора судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц (утв. Информационным письмом ВАС РФ от 09.07.2013 № 158); вопрос 9 Обзора законодательства и судебной практики ВС РФ за первый квартал 2010 г. (утв. Постановлением Президиума ВС РФ от 16.06.2010).

¹³ Часть 2 ст. 27 АПК РФ. См. также: постановления АС Северо-Кавказского округа от 08.02.2018 № Ф08-11469/2017 по делу № А53-27308/2017; АС Московского округа от 02.07.2019 по делу № А40-193811/2018.

¹⁴ Пункт 3 ч. 2 и ч. 5 ст. 92 АПК РФ.

¹⁵ Пункт 13 Постановления Пленума ВС РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» (далее — Постановление № 53).

нимать к рассмотрению заявление о принятии таких мер, если должник не соглашался на рассмотрение спора в арбитраже. Возникает вопрос: должен ли государственный суд на данном этапе осуществлять проверку действительности арбитражного соглашения и арбитрабельности спора, подлежащего разрешению третейским судом?

С одной стороны, очевидно, что суд должен проверить данные обстоятельства, чтобы убедиться, что обеспечительные меры являются необходимыми и направлены на предотвращение невозможности исполнить будущее решение третейского суда¹⁶. Для этих целей сторона арбитража должна приложить к своему заявлению, помимо прочего, копию искового заявления, принятого к рассмотрению третейским судом, и копию арбитражного соглашения¹⁷. Такие доказательства понадобятся суду для проверки наличия, действительности и исполнимости арбитражного соглашения, фактических действий сторон по формированию третейского суда, а также отнесения конкретного спора к компетенции третейского суда¹⁸.

С другой стороны, поскольку суды часто рассматривают вопрос об обеспечительных мерах на ранней стадии арбитража и без вызова сторон, позиция должника по поводу компетенции третейского суда еще неизвестна. Было бы некорректно превращать разбирательство о мерах по обеспечению иска в мини-разбирательство по такому важному вопросу, как компетенция третейского суда.

В связи с этим в зарубежных странах действует следующий подход: суд может отказать в принятии обеспечительных мер, если между сторонами *очевидно или явно* отсутствует действительное арбитражное соглашение. Соответственно, заявителю

В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ ДЕЙСТВУЕТ СЛЕДУЮЩИЙ ПОДХОД: СУД МОЖЕТ ОТКАЗАТЬ В ПРИНЯТИИ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР, ЕСЛИ МЕЖДУ СТОРОНАМИ ОЧЕВИДНО ИЛИ ЯВНО ОТСУТСТВУЕТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ АРБИТРАЖНОЕ СОГЛАШЕНИЕ

достаточно представить опровержимые доказательства (так называемые доказательства *prima facie*) наличия арбитражного соглашения и арбитрабельности спора¹⁹. При таком подходе суд вправе проверить лишь явные дефекты арбитражного соглашения, такие как, например, несоблюдение его письменной формы (если таковая необходима в силу закона) или отсутствие подписи стороны на договоре, содержащем арбитражную оговорку. Круг вопросов, которые суд не вправе проверять, значительно шире и зависит от конкретных

обстоятельств дела. В частности, суд не должен вдаваться в вопросы толкования объема арбитражного соглашения или возможности распространения арбитражного соглашения на лиц, которые формально его не подписывали (так называемых *non-signatories*).

¹⁶ Пункт 36 Постановления № 53; п. 34 Постановления Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер»; вопрос 9 Обзора законодательства и судебной практики ВС РФ за первый квартал 2010 г.

¹⁷ Часть 5 ст. 92 АПК РФ.

¹⁸ Пункт 36 Постановления № 53; п. 23 Обзора практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер (утв. Информационным письмом ВАС РФ от 07.07.2004 № 78).

¹⁹ Poudret J.-F., Besson S. Comparative Law of International Arbitration. Sweet & Maxwell, 2007. § 626.

В результате один лишь факт того, что суд принял обеспечительные меры, не означает признания им действительности арбитражного соглашения (определение суда в этой части не обладает свойством преюдициальности), и стороны не будут лишены возможности заявить подробные аргументы относительно юрисдикции третейского суда в рамках арбитража.

Изменение, отмена обеспечительных мер, принятых государственным судом

Принятие государственным судом мер в поддержку арбитража, безусловно, оказывает влияние и на ход третейского разбирательства. Арбитры должны будут учесть действующие обеспечительные меры при принятии арбитражного решения, чтобы судьба предмета спора не вступала в противоречие с ними. Поэтому регламенты многих арбитражных учреждений обязывают стороны незамедлительно извещать третейский суд о принятии обеспечительных мер государственными судами по их заявлению²⁰.

Как быть, если в процессе рассмотрения спора третейский суд выяснит, что обеспечительные меры, принятые государственным судом, являлись необоснованными или несоразмерными или стали таковыми впоследствии, например из-за того, что заявитель изменил свои исковые требования? В такой ситуации должнику, как правило, придется самостоятельно обращаться в государственный суд с просьбой об отмене или изменении обеспечительных мер. Процесс отмены обеспечительных мер в государственном суде может занять определенное время и потребует дополнительных ресурсов со стороны должника.

Стороне арбитража придется обращаться в государственный суд за отменой обеспечительных мер и в случае, если третейский суд откажет в иске или прекратит третейское разбирательство по иным причинам, например ввиду отсутствия компетенции. Особенностью процедуры в государственном суде является то, что в случае отказа в иске или прекращения производства по делу государственный суд должен вынести отдельное определение об отмене ранее принятых обеспечительных мер, независимо от судебного решения по существу спора²¹.

Чтобы упростить отмену или изменение обеспечительных мер и избежать существенных задержек, законодательство некоторых стран, включая Англию, разрешает государственному суду предусмотреть специальные отменительные

ЧТОБЫ УПРОСТИТЬ ОТМЕНУ ИЛИ ИЗМЕНЕНИЕ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР И ИЗБЕЖАТЬ СУЩЕСТВЕННЫХ ЗАДЕРЖЕК, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО НЕКОТОРЫХ СТРАН, ВКЛЮЧАЯ АНГЛИЮ, РАЗРЕШАЕТ ГОСУДАРСТВЕННОМУ СУДУ ПРЕДУСМОТРЕТЬ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ОТМЕНИТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ В СВОЕМ ОПРЕДЕЛЕНИИ, СОГЛАСНО КОТОРЫМ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ БУДУТ ДЕЙСТВОВАТЬ ДО ТОГО МОМЕНТА, ПОКА ОНИ НЕ БУДУТ ОТМЕНЕНЫ ИЛИ ИЗМЕНЕНЫ ТРЕТЕЙСКИМ СУДОМ

²⁰ Пункт 5 § 34 Правил арбитража международных коммерческих споров ТПП РФ.

²¹ Часть 3 ст. 144 ГПК, ч. 5 ст. 96 АПК РФ. Можно сравнить с п. 3 ст. 50 Арбитражного регламента Российского арбитражного центра при АНО «Российский институт современного арбитража».

условия в своем определении, согласно которым обеспечительные меры будут действовать до того момента, пока они не будут отменены или изменены третейским судом²². Такой механизм позволит третейскому суду осуществлять периодическую проверку необходимости и соразмерности обеспечительных мер, принятых государственным судом, и при необходимости изменять или отменять такие меры.

Принудительное исполнение обеспечительных мер, принятых третейским судом

По тем или иным причинам сторона арбитража может предпочесть, чтобы вопрос принятия обеспечительных мер рассматривал не государственный, а третейский суд. Например, арбитры лучше знакомы с обстоятельствами рассматриваемого дела или обладают специальными познаниями в сфере, в которой возник спор. Предположим, что третейский суд согласился принять испрашиваемые меры и вынес постановление об обеспечении иска. Может ли государственный суд оказать арбитрам содействие, чтобы гарантировать исполнение должником постановления третейского суда?

В мире существуют три модели взаимодействия третейских и государственных судов по данному вопросу.

Зеркальные меры. В некоторых странах, в том числе России, постановления третейских судов о принятии обеспечительных мер не подлежат принудительному исполнению, и суды отказывают в выдаче исполнительных листов на них²³. Такие постановления не имеют обязательной силы и для лиц, не являющихся участниками арбитража (например, для кредитных учреждений, регистрационных органов и т.д.).

Однако указанное ограничение можно обойти, если государственный суд согласится принять собственные обеспечительные меры, идентичные тем, что уже принял третейский суд, т.е. зеркальные меры. Фактически постановление третейского суда будет преобразовано в определение государственного суда и обретет возможность принудительного исполнения.

РОССИЙСКАЯ СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПРЯМО ДОПУСКАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИНЯТИЯ ЗЕРКАЛЬНЫХ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В СИТУАЦИИ, КОГДА АНАЛОГИЧНЫЕ МЕРЫ УЖЕ ПРИНЯЛ ТРЕТЕЙСКИЙ СУД

Российская судебная практика прямо допускает возможность принятия зеркальных обеспечительных мер в ситуации, когда аналогичные меры уже принял третейский суд²⁴. Хотя формально государственный суд должен заново и самостоятельно оценить обоснованность и соразмерность испрашиваемых мер, наличие постановления третейского

²² Статья 44 (6) Закона Англии 1996 г. об арбитраже.

²³ Определение ВС РФ от 15.12.2009 № 78-Г09-44; постановления АС Волго-Вятского округа от 06.08.2015 № Ф01-2070/2015 по делу № А28-14571/2014; АС Западно-Сибирского округа от 24.09.2014 по делу № А46-4458/2014; п. 7 Обзора практики рассмотрения дел об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов (одобрен президиумом ФАС Уральского округа 07.07.2010).

²⁴ Пункт 29 Обзора судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц (утв. Информационным письмом ВАС РФ от 09.07.2013 № 158); апелляционные определения Московского городского суда от 26.05.2017 по делу № 33-20542/2017; Красноярского краевого суда от 26.06.2017 по делу № 33-8306/2017.

суда по этому вопросу может повысить шансы заявителя на успех. Заявителю только потребуется приложить к заявлению надлежащим образом заверенную копию такого постановления, а также доказать, что должник не исполняет данное постановление в добровольном порядке²⁵.

Судам можно рекомендовать рассматривать постановление третейского суда о принятии обеспечительных мер в качестве *prima facie* доказательства обоснованности, соразмерности и связанности испрашиваемых мер с предметом спора. Если же суды не могут согласиться с выводами, содержащимися в постановлении третейского суда, им следует подробно указать в судебном акте причины, по которым они отклонили такие выводы, и не ограничиваться формулировками о недоказанности заявителем оснований для принятия обеспечительных мер.

Исполнение мер как арбитражных решений. В зарубежной литературе существует мнение, что постановления третейского суда об обеспечительных мерах можно рассматривать в качестве арбитражных решений; соответственно, такие постановления должны быть исполнены в том же порядке, что и арбитражные решения, т.е. через получение экзекватуры²⁶. Законодательство некоторых стран, а также отдельные арбитражные регламенты позволяют третейскому суду оформить постановление об обеспечительных мерах в форме арбитражного решения²⁷. К таким арбитражным решениям будет применяться Нью-Йоркская конвенция от 10.06.1958 о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений.

В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
СУЩЕСТВУЕТ МНЕНИЕ, ЧТО
ПОСТАНОВЛЕНИЯ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА
ОБ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕРАХ
МОЖНО РАССМАТРИВАТЬ В КАЧЕСТВЕ
АРБИТРАЖНЫХ РЕШЕНИЙ;
СООТВЕТСТВЕННО, ТАКИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ
ДОЛЖНЫ БЫТЬ ИСПОЛНЕНЫ
В ТОМ ЖЕ ПОРЯДКЕ,
ЧТО И АРБИТРАЖНЫЕ РЕШЕНИЯ,
Т.Е. ЧЕРЕЗ ПОЛУЧЕНИЕ ЭКЗЕКВАТУРЫ

Между тем у такого подхода есть недостатки. По общему правилу государственные суды приводят в исполнение только окончательные арбитражные решения, т.е. решения, которые не могут быть пересмотрены третейским судом. Промежуточные арбитражные решения исполнению не подлежат в связи со сложностями, которые могут возникнуть в случае их пересмотра. Меры по обеспечению иска, будучи временными, не могут быть однозначно охарактеризованы как окончательные решения.

Исполнение мер sui generis. Чтобы обойти проблему с отсутствием у обеспечительных мер свойства окончательности, ЮНСИТРАЛ разработала поправки к Типовому закону ЮНСИТРАЛ, предложив специальный порядок исполнения обеспечительных мер. Государственный суд приводит в исполнение постановления третейского суда об обеспечительных мерах и вправе отказать в их исполнении только в определенных случаях,

²⁵ Пункты 23, 24 Обзора практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер; вопрос 9 Обзора законодательства и судебной практики ВС РФ за первый квартал 2010 г.

²⁶ *Born G.* International Commercial Arbitration. Kluwer Law International, 2014. P. 2427–2428.

²⁷ Статья 1043b (4) ГПК Нидерландов, ст. 37 (3) Арбитражного регламента SCC 2017 г.

таких как, например, отсутствие у третейского суда компетенции, нарушение порядка принятия обеспечительных мер или публичного порядка²⁸. При этом государственный суд не вправе проверить обоснованность обеспечительной меры по существу, в том числе по вопросам необходимости, соразмерности и связанности с предметом спора. При необходимости суд может изменить или уточнить постановление третейского суда, чтобы формулировка обеспечительной меры соответствовала требованиям процессуального закона²⁹.

Кто может обратиться к государственному суду за исполнением обеспечительных мер? По общему правилу в государственный суд обращается заинтересованная сторона, в пользу которой приняты обеспечительные меры. Однако в некоторых юрисдикциях закреплен другой порядок, согласно которому к государственному суду обращается напрямую третейский суд, принявший обеспечительные меры³⁰. Такой подход ускоряет

процесс исполнения обеспечительных мер, поскольку избавляет стороны от необходимости повторного обращения за мерами сначала в третейский суд, а потом в государственный суд.

В НЕКОТОРЫХ ЮРИСДИКЦИЯХ ЗАКРЕПЛЕН ДРУГОЙ ПОРЯДОК, СОГЛАСНО КОТОРОМУ К ГОСУДАРСТВЕННОМУ СУДУ ОБРАЩАЕТСЯ НАПРЯМУЮ ТРЕТЕЙСКИЙ СУД, ПРИНЯВШИЙ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ

Законопроект о внесении изменений в Закон об МКА, вводящий в России режим исполнения обеспечительных мер *sui generis*, как он предусмотрен Типовым законом ЮНСИТРАЛ, был внесен в Государственную Думу в июле 2011 г.³¹ Однако по результатам

арбитражной реформы 2016 г. он был отклонен³², и в настоящий момент в России сохраняется возможность принудительного исполнения обеспечительных мер, принятых третейским судом, только через первую модель принятия зеркальных мер.

Возмещение убытков, связанных с обеспечительными мерами

В связи с принятием третейским судом или государственным судом обеспечительных мер у сторон арбитража могут возникнуть друг к другу дополнительные претензии. Истец может потребовать возмещения убытков, вызванных тем, что ответчик отказывается исполнять или нарушает принятые обеспечительные меры. Это могут быть, например, расходы на поиск и возвращение (виндикацию) предмета спора, рекламные расходы на восстановление репутации или убытки от порчи скоропортящегося товара, не реализованного другой стороной в нарушение указания третейского суда.

В свою очередь, ответчик может потребовать от истца возмещения убытков, вызванных необоснованно принятыми обеспечительными мерами. Это могут быть, скажем,

²⁸ Статьи 17H и 17I Типового закона ЮНСИТРАЛ.

²⁹ Arbitration in Germany: The Model Law in Practice / ed. by K.-H. Böckstiegel, St.M. Kröll, P. Nacimiento. Kluwer Law International, 2015. P. 292.

³⁰ Статья 183 (2) Закона Швейцарии о международном частном праве.

³¹ Проект федерального закона № 583004-5 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации „О международном коммерческом арбитраже“».

³² Постановление Государственной Думы от 21.10.2016 № 82-7 ГД.

расходы на уплату премии по банковской гарантии, подтверждающей его платежеспособность, расходы на хранение предмета спора у посредника (эскроу) или проценты на сумму денежных средств, перечисленных в депозит арбитражного учреждения. Возникает вопрос, какой орган — третейский или государственный суд — должен рассматривать такие иски.

Существуют два подхода к решению данного вопроса. Согласно первому все споры, связанные с обеспечительными мерами, принятыми в поддержку арбитража, подлежат разрешению в третейском суде. Этот подход отражен в пояснительных материалах ООН к Типовому закону ЮНСИТРАЛ и используется во многих странах, принявших свое законодательство на основе Типового закона³³. В литературе часто обосновывают его тем, что, заключая арбитражное соглашение, стороны обычно намереваются рассмотреть все связанные между собой финансовые претензии в одном форуме (третейском суде) и не предполагают, что те или иные требования могут оказаться подсудны другому форуму³⁴. При этом, очевидно, допустимо предъявление соответствующих требований об убытках в рамках уже начатого арбитража, независимо от того, содержались ли такие требования в изначально поданных процессуальных документах.

Согласно второму подходу требования о возмещении убытков, связанных с обеспечительными мерами, подаются в тот орган, который принял соответствующие меры. Если их принял третейский суд, то требование об убытках рассматривает третейский суд; если государственный суд — то вопрос об убытках будет решать государственный суд. Данный подход действует в России, а также в некоторых других странах³⁵. Его обычно обосновывают тем, что орган, который принял обеспечительные меры, наилучшим образом подготовлен к тому, чтобы оценить возможные убытки, которые понесла бы одна из сторон арбитража в результате их соблюдения либо другая сторона в результате их неисполнения.

Проанализированные выше вопросы принятия обеспечительных мер в поддержку арбитража указывают на то, что эффективность данного института в третейском разбирательстве прямо зависит от налаженного взаимодействия третейских и государственных судов в этой сфере. Если такое взаимодействие будет поощряться и развиваться как законодателем, так и судами РФ, участники арбитража смогут активнее и успешнее использовать обеспечительные меры для разрешения возникающих между ними споров и защиты своих интересов от недобросовестных действий оппонентов.

**ПРОАНАЛИЗИРОВАННЫЕ ВЫШЕ ВОПРОСЫ
ПРИНЯТИЯ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР
В ПОДДЕРЖКУ АРБИТРАЖА УКАЗЫВАЮТ
НА ТО, ЧТО ЭФФЕКТИВНОСТЬ
ДАННОГО ИНСТИТУТА В ТРЕТЕЙСКОМ
РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ ПРЯМО ЗАВИСИТ
ОТ НАЛАЖЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ТРЕТЕЙСКИХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ
СУДОВ В ЭТОЙ СФЕРЕ**

³³ UN Doc A/CN.9/WG.II/WP.108, п. 76; UN Doc A/CN.9/460, п. 119; UN Doc A/CN.9/264, п. 5. См. также ст. 1041 (4) ГПК Германии.

³⁴ *Herinckx Y. Liability for Inappropriate Interim Measures in Commercial Arbitration // Les Cahiers de l'Arbitrage. 2014. № 2. P. 267.*

³⁵ Часть 6 ст. 96 и ч. 3 ст. 98 АПК РФ; *Arbitration in Switzerland: The Practitioner's Guide. P. 715.*

Рассмотрение арбитражным судом заявлений об отмене предварительных постановлений третейских судов о наличии у них компетенции как форма судебного контроля в третейском разбирательстве

В НАСТОЯЩЕЙ СТАТЬЕ АНАЛИЗИРУЕТСЯ СЛОЖИВШАЯСЯ СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА, РОССИЙСКОЕ И ЗАРУБЕЖНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО С ЦЕЛЮ ВЫРАБОТКИ РЕКОМЕНДАЦИЙ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РАМКАХ ТРЕТЕЙСКОГО ПРОИЗВОДСТВА.

Владислав Петрович Сорокин,

председатель судебного состава, судья коллегии по рассмотрению споров, возникающих из гражданских и иных правоотношений Арбитражного суда города Москвы, доцент кафедры гражданского права и процесса Академии труда и социальных отношений, кандидат юридических наук

Ключевые слова: третейское разбирательство, функции содействия и контроля

Развитие базовых институтов третейского разбирательства, повышение уровня правового сознания и правовой культуры его участников, очевидно, усиливает доверие граждан и организаций к третейской форме разрешения споров, повышает привлекательность российской юрисдикции для национальных, иностранных и трансграничных участников экономической деятельности и, конечно, в целом положительно влияет на инвестиционный климат в Российской Федерации.

Третейские суды не осуществляют государственную власть и не входят в судебную систему Российской Федерации. Принятые ими решения и постановления, ввиду своей альтернативной природы, должны исполняться участниками третейского раз-

бирательства добровольно, а принудительную (обязательную) силу они приобретают лишь после экзекватуры — процедуры, осуществляемой посредством государственных судов РФ.

Соответственно, получение максимального эффекта от проведенной третейской реформы, а также эффективное функционирование третейского (арбитражного) разбирательства во многом зависят от наличия достаточно совершенного и понятного алгоритма взаимодействия третейских и арбитражных судов с целью признания и принудительного исполнения актов третейских судов.

Сама по себе правовая категория «взаимодействие» неоднократно выступала предметом исследования как в философии, так и в общеправовых и отраслевых юридических науках.

В науке процессуального права под взаимодействием понимаются определенные нормами процессуального права правовые коммуникации участников гражданского (арбитражного) судопроизводства, направленные на реализацию их субъективных прав и исполнение юридических обязанностей с целью эффективного и своевременного рассмотрения возникшего спора¹. Следует отметить, что подавляющее большинство ученых-процессуалистов придерживаются точки зрения о том, что в рамках действующего законодательства между третейскими и арбитражными судами возникает такое взаимодействие.

На сегодняшний день в науке сложились две основные точки зрения относительно юридической природы правоотношений, возникающих между третейскими и арбитражными судами.

Согласно первой правоотношения, возникающие между третейскими и арбитражными судами, можно охарактеризовать как взаимодействие в форме контроля и (или) содействия арбитражных судов в отношении третейских судов. К сторонникам данной позиции можно отнести В.Ф. Яковлева, который считал, что уровень эффективности взаимодействия арбитражных и третейских судов во многом связан с необхо-

ПОЛУЧЕНИЕ МАКСИМАЛЬНОГО ЭФФЕКТА ОТ ПРОВЕДЕННОЙ ТРЕТЕЙСКОЙ РЕФОРМЫ, А ТАКЖЕ ЭФФЕКТИВНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТРЕТЕЙСКОГО (АРБИТРАЖНОГО) РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ВО МНОГОМ ЗАВИСЯТ ОТ НАЛИЧИЯ ДОСТАТОЧНО СОВЕРШЕННОГО И ПОНЯТНОГО АЛГОРИТМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТРЕТЕЙСКИХ И АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ С ЦЕЛЬЮ ПРИЗНАНИЯ И ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ АКТОВ ТРЕТЕЙСКИХ СУДОВ

ПРАВООТНОШЕНИЯ, СКЛАДЫВАЮЩИЕСЯ МЕЖДУ АРБИТРАЖНЫМИ И ТРЕТЕЙСКИМИ СУДАМИ, ОТВЕЧАЮТ ПРИЗНАКАМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, ТАК КАК НОСЯТ ВЗАИМООБЯЗЫВАЮЩИЙ ХАРАКТЕР

¹ См.: Zubovich M.M. Процессуальное взаимодействие субъектов арбитражного доказывания // Сибирский юридический вестник. 2010. № 2. С. 149.

димостью закрепления оптимального уровня контроля за деятельностью третейских судов².

Вторая группа ученых считает, что говорить о взаимодействии третейских и арбитражных судов не приходится. По их мнению, взаимодействие предполагает взаимное воздействие субъектов взаимодействия друг на друга, но в рамках взаимоотношений между третейскими и арбитражными судами существует лишь одностороннее воздействие государственных судов на третейское производство в форме контроля и (или) содействия. Обратного же воздействия третейскими судами на деятельность арбитражных судов фактически не происходит.

Нам представляется, что правоотношения, складывающиеся между арбитражными и третейскими судами, отвечают признакам взаимодействия, так как носят взаимобязывающий характер.

С одной стороны, арбитражные суды оказывают значительное влияние на деятельность третейских судов, особенно в рамках производства об оспаривании третейских решений и о выдаче исполнительных листов на их принудительное исполнение, поскольку решение третейского суда может быть отменено арбитражным судом или в выдаче исполнительного листа может быть отказано.

С другой стороны, третейский суд также может оказывать воздействие на деятельность арбитражного суда. Например, согласно ст. 30 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее — Закон об арбитраже), в рамках арбитража, администрируемого постоянно действующим арбитражным учреждением, непосредственно третейский суд вправе обратиться к компетентному суду с запросом об оказании содействия в получении доказательств. Данный запрос обязателен для компетентного суда, и в его исполнении может быть отказано только по основаниям, предусмотренным ст. 74.1 Арбитражного процессуального кодекса (АПК) РФ. Кроме того, в отсутствие иного соглашения сторон материалы дела, рассмотренные третейским судом *ad hoc*, направляются в арбитражный суд, в компетенцию которого входит рассмотрение заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение арбитражного решения в рамках соответствующего арбитража (ст. 39 Закона об арбитраже).

**ПРАВООТНОШЕНИЯ, ВОЗНИКАЮЩИЕ
МЕЖДУ АРБИТРАЖНЫМИ
И ТРЕТЕЙСКИМИ СУДАМИ,
НЕОБХОДИМО КВАЛИФИЦИРОВАТЬ
ИМЕННО КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ,
А НЕ КАК ОДНОСТОРОННЕЕ
ВОЗДЕЙСТВИЕ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ
НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРЕТЕЙСКИХ СУДОВ**

С учетом изложенного правоотношения, возникающие между арбитражными и третейскими судами, необходимо квалифицировать именно как взаимодействие, а не как одностороннее воздействие арбитражных судов на деятельность третейских судов.

Таким образом, взаимодействие арбитражных и третейских судов представляет собой предусмотренную законом и (или) соглашением сторон, осуществ-

² Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 3: Арбитражные суды: становление и развитие. М., 2013. С. 675.

вляемую в строгой процессуальной форме систему конклюдентных действий арбитражного и третейского судов, направленных на своевременное и эффективное рассмотрение и разрешение дел третейским судом, на обеспечение реализации субъективных прав и юридических обязанностей участников третейского производства, а также на фактическое исполнение принимаемых актов третейского суда.

Традиционно в науке процессуального права выделяются две формы взаимодействия — государственный контроль и содействие, которые осуществляются государственными судами в отношении третейских судов.

Под содействием в данном случае необходимо понимать предусмотренную законом и (или) соглашением сторон, осуществляемую в строгой процессуальной форме по инициативе участников третейского разбирательства и (или) непосредственно состава третейского суда деятельность арбитражных судов, направленную на формирование состава третейского суда и доказательственной базы по делу, а также на хранение материалов третейского (арбитражного) дела.

Рассмотрим подробнее такую форму взаимодействия, как надзор. В действующем законодательстве, например Федеральном законе от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», понятия «контроль» и «надзор» используются в качестве синонимов. Вместе с тем они очевидно не являются тождественными, и их необходимо разграничивать.

В структуру содержания понятия «контроль» входит проверка контролирующим лицом деятельности подконтрольного объекта на предмет ее соответствия требованиям закона, а также на предмет ее обоснованности, целесообразности и рациональности, по результатам которой контролирующим лицом принимаются соответствующие меры реагирования. При проведении надзора деятельность поднадзорного объекта проверяется исключительно с точки зрения ее законности, при этом обоснованность, целесообразность и рациональность данной деятельности со стороны надзорного органа не проверяются. То есть понятие «контроль» шире понятия «надзор». Надзор необходимо трактовать как «ограниченный контроль».

Однако законодатель, определяя взаимоотношения государственных и третейских судов, вместо более верного с точки зрения науки процессуального права термина «надзор» выбрал более широкое понятие «контроль».

Анализ положений действующего законодательства, в том числе Закона об арбитраже, позволяет заключить, что на сегодняшний день арбитражные суды осуществляют в отношении третейских судов именно функцию над-

**АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЙ ДЕЙСТВУЮЩЕГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, В ТОМ ЧИСЛЕ
ЗАКОНА ОБ АРБИТРАЖЕ, ПОЗВОЛЯЕТ
ЗАКЛЮЧИТЬ, ЧТО НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ
АРБИТРАЖНЫЕ СУДЫ ОСУЩЕСТВЛЯЮТ
В ОТНОШЕНИИ ТРЕТЕЙСКИХ СУДОВ
ИМЕННО ФУНКЦИЮ НАДЗОРА,
А НЕ КОНТРОЛЯ, ТАК КАК СУДЕБНОЕ
ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ТРЕТЕЙСКИХ СУДОВ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ,
КРОМЕ СЛУЧАЕВ, ПРЯМО
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ЗАКОНОМ**

зора, а не контроля, так как судебное вмешательство в деятельность третейских судов не допускается, кроме случаев, прямо предусмотренных законом. При этом проверка решений и постановлений третейского суда может осуществляться лишь по исчерпывающему перечню оснований, прямо предусмотренных законом, пересмотр данных актов по существу не допускается.

Иначе говоря, арбитражные суды не вправе проверять обоснованность и целесообразность принимаемых третейскими судами актов, их проверка сводится к исследованию решений и постановлений третейского суда на предмет соответствия требованиям закона или соглашения сторон по исчерпывающему перечню оснований, прямо предусмотренных законом, расширительное толкование данных оснований не допускается.

Следовательно, судебный надзор арбитражных судов за деятельностью третейских судов представляет собой осуществляемую в строгой процессуальной форме деятельность арбитражных судов по проверке соблюдения третейским судом при рассмотрении и разрешении отнесенных к его компетенции споров требований действующего законодательства и соглашения сторон по исчерпывающему перечню предусмотренных процессуальным законом оснований.

В структуре судебного надзора за деятельностью третейских судов необходимо выделять субъекты, объект (содержание) и предмет судебного надзора. Субъектами государственного судебного надзора выступают арбитражный суд, третейский суд, а также лица, участвующие в третейском разбирательстве, поскольку по общему правилу в силу принципа диспозитивности осуществление надзорных мероприятий арбитражным судом реализуется исключительно по заявлению лиц, участвующих в третейском разбирательстве. Объектом (содержанием) судебного надзора выступают процессуальные отношения, возникающие между арбитражным судом с одной стороны и третейским судом и лицами, участвующими в третейском производстве, с другой стороны при осуществлении надзорных мероприятий, проводимых по заявлению участников третейского производства. Предметом судебного надзора выступает то, на что направлен судебный надзор: деятельность третейского суда в целом, решения и постановления третейского суда или арбитражное (третейское) соглашение участников третейского разбирательства.

В зависимости от времени осуществления (до или после вынесения третейским судом решения по существу спора) судебный надзор также условно можно разделить на предупреждающий (превентивный) и фактический (последующий).

К категории предупреждающего можно отнести судебный надзор в отношении: постановления третейского суда о наличии у него компетенции предварительного характера; постановления третейского суда о принятии обеспечительных мер; третейского (арбитражного) соглашения при предъявлении искового заявления по существу спору в арбитражный суд при наличии допустимого и исполнимого третейского соглашения.

Фактический надзор, в свою очередь, осуществляется в рамках производства по делам об оспаривании третейского решения и по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Одной из форм превентивного судебного надзора за деятельностью третейских судов выступает рассмотрение арбитражными судами заявлений участников третейского разбирательства об отмене предварительных постановлений третейских судов о наличии у них компетенции.

В отечественной и зарубежной научной литературе данная форма превентивного судебного надзора традиционно рассматривается как реализация принципа «компетенции-компетенции», изначально получившего свое закрепление в Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже (заключена в Женеве 21.04.1961) и теперь ставшего общепризнанным элементом арбитражного разбирательства.

В отечественном законодательстве данный принцип нашел отражение в ст. 16 Закона об арбитраже. Указанная форма судебного надзора также закреплена в ст. 16 Федерального закона от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (далее — Закон о международном коммерческом арбитраже) и была предусмотрена в ст. 17 ранее действовавшего Федерального закона от 24.07.2002 № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (далее — Закон о третейских судах).

Суть ее заключается в том, что вопрос о наличии или отсутствии у третейского суда компетенции на рассмотрение спора фактически рассматривается два раза: (1) в рамках третейского разбирательства самим третейским судом, при наличии соответствующего заявления заинтересованной стороны, и (2) государственным судом при осуществлении надзорных мероприятий, также при наличии соответствующего обращения (заявления) стороны третейского разбирательства.

Следует отметить, что процессуальное законодательство предусматривает право стороны третейского разбирательства оспаривать постановление исключительно о наличии, а не об отсутствии компетенции на рассмотрение соответствующего спора. В случае признания третейским судом отсутствия компетенции рассмотрение третейского спора подлежит прекращению. По данному вопросу третейским судом выносится постановление о прекращении арбитража согласно п. 3 ч. 2 ст. 36 Закона об арбитраже.

**ОДНОЙ ИЗ ФОРМ ПРЕВЕНТИВНОГО
СУДЕБНОГО НАДЗОРА
ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ТРЕТЕЙСКИХ
СУДОВ ВЫСТУПАЕТ РАССМОТРЕНИЕ
АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ ЗАЯВЛЕНИЙ
УЧАСТНИКОВ ТРЕТЕЙСКОГО
РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ОБ ОТМЕНЕ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ
ТРЕТЕЙСКИХ СУДОВ О НАЛИЧИИ
У НИХ КОМПЕТЕНЦИИ**

**СЛЕДУЕТ ОТМЕТИТЬ, ЧТО
ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
ПРЕДУСМАТРИВАЕТ ПРАВО СТОРОНЫ
ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА
ОСПАРИВАТЬ ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО О НАЛИЧИИ,
А НЕ ОБ ОТСУТСТВИИ
КОМПЕТЕНЦИИ НА РАССМОТРЕНИЕ
СООТВЕТСТВУЮЩЕГО СПОРА**

В случае признания арбитражным судом, в порядке ст. 235 АПК РФ, факта отсутствия компетенции у третейского суда на рассмотрение спора, судом выносится определение об отмене соответствующего постановления третейского суда. Данное определение суда обжалованию не подлежит.

Права участников третейского разбирательства при такой ситуации могут быть реализованы путем обращения за разрешением возникшего спора в государственный суд.

Действующее процессуальное законодательство устанавливает срок для подачи подобного заявления — один месяц с момента получения заинтересованной стороной оспариваемого постановления третейского суда. Ввиду его процессуальной природы данный срок может быть восстановлен арбитражным судом при наличии уважительных причин в порядке ст. 117 АПК РФ. При этом Конституционный Суд РФ в Определении от 28.05.2009 № 623-О-О сформулировал позицию, в силу которой месячный срок необходимо исчислять именно с момента получения заинтересованной стороной копии постановления третейского суда, а не с момента вынесения данного постановления. В противном случае будет нарушаться субъективное право заинтересованной стороны на равный доступ к правосудию и справедливое судебное разбирательство.

При подаче заинтересованной стороной соответствующего заявления принятие подобного предварительного постановления третейским судом является его правом, а не обязанностью (ч. 3 ст. 16 Закона об арбитраже). Третейский суд вправе отразить этот вопрос в своем решении по существу спора. Если третейский суд придет к выводу, что он обладает компетенцией на рассмотрение спора, на это должно быть указано в его решении по существу спора. В противном случае третейский суд выносит постановление о прекращении арбитража в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 36 Закона об арбитраже.

Необходимо также отметить, что ранее действовавший Закон о третейских судах считал вынесение подобного предварительного постановления третейским судом его обязанностью, что следует из содержания ч. 4 ст. 17 Закона.

В законодательстве и регламентах зарубежных стран данный вопрос решается неоднозначно.

Так, в п. 2 ст. 24 Регламента Венского международного центра содержится указание на то, что вопрос о своей компетенции третейский суд вправе рассмотреть как в рамках предварительного постановления, так и в решении по существу спора. В случае вынесения третейским судом постановления об отсутствии у него компетенции сторона, к которой было предъявлено исковое требование, вправе требовать от противоположной стороны возмещения ей всех судебных расходов, связанных с третейским разбирательством. Пункт 3 § 1040 Гражданского процессуального уложения ФРГ обязывает третейский суд в случае поступления соответствующего заявления от заинтересованной стороны выносить именно предварительное постановление о наличии или отсутствии компетенции. В целом аналогичное положение содержится в ч. 3 ст. 186 Закона Швейцарии «О международном частном праве», в силу которого вопрос о своей компетенции третейский суд решает в рамках предварительного постановления, если иное не предусмотрено соглашением сторон.

Что касается момента подачи заявления об отсутствии у третейского суда компетенции на рассмотрение и разрешение спора, то он определяется моментом представления заинтересованной стороной первого заявления по существу спора, в соответствии с ч. 2 ст. 16 Закона об арбитраже. Это положение, как правило, детализируется в регламентах российских и зарубежных постоянно действующих арбитражных учреждений. Так, согласно п. 5 § 5 Правил арбитража внутренних споров в международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации заявление об отсутствии у третейского суда компетенции может быть сделано заинтересованной стороной не позднее 30 дней с даты получения копии искового заявления. В силу ч. 3 ст. 83 Арбитражного регламента Российского арбитражного центра при автономной некоммерческой организации «Российский институт современного арбитража» возражения относительно компетенции третейского суда могут быть представлены не позднее представления заинтересованной стороной первого заявления по существу спора, а именно отзыва на иск, встречного иска или отзыва на встречный иск. В соответствии с ч. 3 ст. 34 Арбитражного регламента Арбитражного центра при общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей» у заинтересованной стороны имеется возможность заявить соответствующие возражения относительно компетенции третейского суда до представления ею первого заявления по существу спора.

Схожее правовое регулирование содержится во многих зарубежных регламентах постоянно действующих арбитражных учреждений. Так, согласно ч. 3 ст. 23 Арбитражного регламента Лондонского международного третейского суда подобное заявление должно быть сделано в рамках представления соответствующих возражений по существу спора. В силу ч. 3 ст. 21 Швейцарского регламента международного арбитража соответствующее заявление может быть сделано устно при даче соответствующих объяснений заинтересованной стороной либо быть отражено в письменном отзыве на исковое заявление, а если подано встречное исковое заявление — в письменном отзыве на встречное исковое заявление. В соответствии с п. 2 § 592 Гражданского процессуального уложения Австрии момент предъявления соответствующих возражений относительно компетенции третейского суда определяется моментом первых объяснений стороны по существу заявленных требований.

Анализ сложившейся судебной практики показывает, что в случае неявления или несвоевременного заявления заинтересованным лицом в рамках третейского разбирательства возражений относительно предмета спора такое лицо лишается возможности за-

АНАЛИЗ СЛОЖИВШЕЙСЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПОКАЗЫВАЕТ, ЧТО В СЛУЧАЕ НЕЗАЯВЛЕНИЯ ИЛИ НЕСВОЕВРЕМЕННОГО ЗАЯВЛЕНИЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫМ ЛИЦОМ В РАМКАХ ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ВОЗРАЖЕНИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРЕДМЕТА СПОРА ТАКОЕ ЛИЦО ЛИШАЕТСЯ ВОЗМОЖНОСТИ ЗАЯВЛЯТЬ ДАННЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ УЖЕ ПОСЛЕ ВЫНЕСЕНИЯ ТРЕТЕЙСКИМ СУДОМ РЕШЕНИЯ ПО СУЩЕСТВУ СПОРА В РАМКАХ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ ОСПАРИВАНИИ РЕШЕНИЯ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА И О ВЫДАЧЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЛИСТА НА ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЯ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА

ходательство, регулирующее рассматриваемую форму превентивного судебного надзора, нуждается в дальнейшей оптимизации по следующим причинам.

Как уже было отмечено выше, вынесение третейским судом предварительного постановления по вопросу своей компетенции является его правом, а не обязанностью. В случае подачи стороной соответствующего заявления третейский суд может отразить этот вопрос и в своем решении по существу спора. Таким образом, может сложиться ситуация, когда переданный на рассмотрение и разрешение третейского суда спор явно не относится к компетенции третейского суда, о чем заинтересованная сторона своевременно делает соответствующее заявление. Однако третейский суд рассматривает данный спор по существу и в своем решении делает вывод о наличии у него компетенции. В дальнейшем заинтересованная сторона обращается в арбитражный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, в удовлетворении которого отказывается ввиду отсутствия у третейского суда компетенции. Таким образом, наличие у третейского суда подобной диспозитивной альтернативной возможности фактически может привести к значительному увеличению общего срока рассмотрения дела, очевидно влияет на устойчивость третейского решения, ведет к дополнительной судебной нагрузке арбитражных судов, а также влечет за собой повышенные издержки сторон третейского разбирательства, которые в первую очередь заинтересованы в своевременном рассмотрении возникшего спора с наименьшими судебными расходами.

В связи с этим представляется целесообразным на законодательном уровне закрепить обязанность третейского суда в случае поступления соответствующего заявления стороны третейского разбирательства выносить предварительное постановление по вопросу своей компетенции.

Кроме того, предъявление в арбитражный суд соответствующего заявления не является основанием для приостановления арбитражного разбирательства и не препятствует третейскому суду продолжать арбитраж и принять решение. Фактически заинтересованная сторона может оспорить предварительное постановление третейского суда в порядке ст. 235 АПК РФ, однако третейский суд на момент рассмотрения указанного заявления арбитражным судом уже может вынести решение, вследствие чего данное заявление оставляется без рассмотрения и заинтересованная сторона повторно будет оспаривать компетенцию третейского суда — уже в рамках производства по делам об отмене решения третейского суда или о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда (ч. 4 ст. 235 АПК РФ). В результате фактически происходит дублирование судебных разбирательств по одним и тем же юриди-

**ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНЫМ
НА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ УРОВНЕ
ЗАКРЕПИТЬ ОБЯЗАННОСТЬ ТРЕТЕЙСКОГО
СУДА В СЛУЧАЕ ПОСТУПЛЕНИЯ
СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ЗАЯВЛЕНИЯ
СТОРОНЫ ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА
ВЫНОСИТЬ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ВОПРОСУ СВОЕЙ
КОМПЕТЕНЦИИ**

чески значимым обстоятельствам, что, в свою очередь, ведет к значительному увеличению общего срока рассмотрения дела, повышению нагрузки на третейских судей и судей арбитражных судов и значительному увеличению судебных издержек сторон.

По этой причине, на наш взгляд, разумно предоставить арбитражному суду законодательную возможность приостанавливать третейское производство при рассмотрении заявления заинтересованной стороны по вопросу компетенции третейского суда, при наличии соответствующего ходатайства.

Развитие третейского разбирательства и функция социального управления

АВТОР РАССМАТРИВАЕТ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА И ОТМЕЧАЕТ, ЧТО НЕЗАВИСИМО ОТ СОХРАНЕНИЯ ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ТАКОЕ РАЗВИТИЕ МОЖЕТ ОСУЩЕСТВЛЯТЬСЯ НА ЮРИДИКО-ДОГМАТИЧЕСКОМ УРОВНЕ.

Сергей Викторович Лазарев,
судья, председатель судебного состава Арбитражного суда
Уральского округа, старший преподаватель кафедры
гражданского процесса УрГЮУ, кандидат юридических наук

Ключевые слова: третейский суд, государственный суд, арбитражный суд, судебный контроль, социальное управление

Реформа третейского разбирательства

Одной из основных целей реформы законодательства о третейских судах 2015 г.¹ было воспрепятствование деятельности «карманных» третейских судов: указывалось, что банки и другие бизнес-структуры, используя такие структуры, «превратили третейский суд в инструмент решения любого спора в свою пользу»².

С одной стороны, можно констатировать, что заявленная цель реформы достигнута. С другой стороны, вследствие этого в настоящее время в Российской Федерации осталось только четыре постоянно действующих арбитражных учреждения³, в то время как до 1 ноября 2017 г., по некоторым оценкам, их было около 2,5 тыс.⁴ Можно предположить, что на данном этапе российский законодатель все же отдает предпочтение судебной процедуре урегулирования споров.

¹ См.: Федеральные законы от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», от 29.12.2015 № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона „О саморегулируемых организациях“ в связи с принятием Федерального закона „Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации“».

² Гин-Барисьявичене К. Реформа третейских судов: нюансы и новшества // ЭЖ-Юрист. 2016. № 4. С. 5.

³ Международный коммерческий арбитражный суд и Морская арбитражная комиссия при Торгово-промышленной палате РФ, Арбитражный центр при Российском союзе промышленников и предпринимателей, Российский арбитражный центр при Российском институте современного арбитража.

⁴ См.: Чубаров В. Реформа показала, что в России пока не так много третейских судов, готовых работать на высоком уровне: интервью // Закон. 2017. № 9. С. 7.

Социальное управление

С распадом СССР не стало той силы, которая поддерживала социалистическую правовую семью⁵ в странах Восточной Европы извне. Однако наследие социалистической правовой традиции в области правовой культуры до настоящего времени сохраняется⁶, поскольку правовая культура и юридический стиль не могут быть изменены в одночасье.

В литературе выделяется несколько черт социалистической правовой традиции:

1) гиперпозитивизм (в интерпретации других авторов — легизм⁷, суперпозитивизм⁸): приоритет буквального (лингвистического и логического) толкования, иные виды толкования (функциональное и системное) могут применяться только в случае, если буквальное толкование явно не дает результата⁹. Это характерная для России и других постсоветских стран крайняя форма идеи позитивизма, который имеет значительное влияние в странах континентального права и различает право, какое оно есть, и право, каким оно должно быть¹⁰;

2) ограниченность права: оно охватывает только нормативные правовые акты государства, не включая право, творимое судьями, общие принципы права и обычное право¹¹. Судебная практика де-юре традиционно не признается источником права. Высшие суды формулируют правовые позиции, которые основаны на нормативно-правовых актах;

3) инструменталистский подход: право является инструментом государственной власти¹². Практически все участки общественной жизни урегулированы правом (законодательством), через которое государство осуществляет социальное управление. Так, Н.И. Масленникова рассматривает гражданский процесс как вид социального управления¹³, где объектом управленческого процессуального правоотношения по конкретному делу одновременно служат определенные блага и различные варианты правового взаимодействия в материальных отношениях и непосредственно в судопроизводстве¹⁴. Суды в такой системе применяют право к конкретным жизненным ситуациям, реализуя функцию по управлению обществом.

В русло указанной правовой традиции укладывается подход к рассмотрению бесспорных дел, для которых в российском законе предусмотрено приказное произ-

⁵ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1997. С. 20–24; Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права в 2 т. Т. I: Основы. М., 2000. С. 108–117.

⁶ См.: Uzelac A. Survival of the Third Legal Tradition? // Supreme Court Law Review. 2010. Vol. 49. P. 377–396; Kuhn Z. The Judiciary in Central and Eastern Europe: Mechanical Jurisprudence in Transformation? Boston, 2011. P. 293; Giaro T. Legal Tradition of Eastern Europe. Its Rise and Demise // Comparative Law Review. 2011. Vol. 2. № 1. P. 21. URL: <http://www.comparativelawreview.com/ojs/index.php/CoLR/article/view/16/20> (дата обращения: 17.03.2020); Manko R. Survival of the Socialist Legal Tradition? A Polish Perspective // Comparative Law Review. 2013. Vol. 4. № 2; Манько Р. Выжила ли социалистическая правовая традиция? Взгляд из Польши // Вестник гражданского права. 2014. № 2. С. 238–266.

⁷ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учеб. М., 2012. С. 183.

⁸ Фогельсон Ю.Б. Российское гражданское право с точки зрения социологической юриспруденции // Закон. 2019. № 4. С. 160–173.

⁹ См.: Manko R. Weeds in the Gardens of Justice? The Survival of Hyperpositivism in Polish Legal Culture as a Symptom/Sinthome // Polemos: Journal of Law, Literature and Culture. 2013. Vol. 7. № 2. P. 218–226.

¹⁰ Hart H.L.A. Positivism and Separation of Law and Morals // Harvard Law Review. 1958. Vol. 71. № 4. P. 617.

¹¹ Kuhn Z. Op. cit. P. 129–135.

¹² Uzelac A. Op. cit. P. 380.

¹³ Масленникова Н.И. Гражданский процесс как форма социального управления. Свердловск, 1989. С. 4.

¹⁴ Там же. С. 38.

водство. Сущность судебного приказа состоит в том, что он является немотивированным судебным постановлением, (1) выносимым от имени государства в предусмотренных законом случаях, (2) предписывающим определенное поведение обязанному лицу с целью восстановления или защиты нарушенных гражданских прав и охраняемых законом интересов, (3) основанным на представленных заявителем документах и имеющем процессуальное значение факте отсутствия возражений со стороны должника¹⁵.

Российский законодатель не спешит вывести приказное производство из компетенции судов, оставив для бесспорных дел судебный постконтроль. Напротив, доля дел, разрешаемых судами в порядке приказного производства, постоянно растет. В первом полугодии 2019 г.¹⁶ из 10,6 млн рассмотренных судами общей юрисдикции в первой инстанции дел 8,1 млн (т.е. три четверти) окончено в связи с выдачей судебного приказа. Для сравнения: в 2015 г. в связи с выдачей судебного приказа было окончено 7,8 млн дел из 14,5 млн, т.е. около половины¹⁷.

**РОССИЙСКИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬ
НЕ СПЕШИТ ВЫВЕСТИ ПРИКАЗНОЕ
ПРОИЗВОДСТВО ИЗ КОМПЕТЕНЦИИ
СУДОВ, ОСТАВИВ ДЛЯ БЕССПОРНЫХ ДЕЛ
СУДЕБНЫЙ ПОСТКОНТРОЛЬ. НАПРОТИВ,
ДОЛЯ ДЕЛ, РАЗРЕШАЕМЫХ СУДАМИ
В ПОРЯДКЕ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА,
ПОСТОЯННО РАСТЕТ**

В арбитражных судах доля дел, разрешаемых в порядке приказного производства, составляет чуть менее четверти, но тоже имеет тенденцию роста (в 2017 г. в приказном производстве рассмотрено 15,4% дел; в 2018 г. — 22,3%; в 2019 г. — 22,4%)¹⁸.

По нашему мнению, такое положение объясняется тем, что государства, следующие указанной выше традиции, в частности Россия, обоснованно опасаются того, что какая-либо часть общественной жизни окажется вне правового регулирования. Если большинство споров будут решаться альтернативными или иными внесудебными способами, то функция социального управления может ослабнуть.

За рубежом функция социального управления реализуется и рассматривается в ином ключе — как проблема прецедентного регулирования по наиболее важным делам. Так, в литературе отмечается следующий эффект развития альтернативных способов разрешения споров: если будет мень-

**ЗА РУБЕЖОМ ФУНКЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗУЕТСЯ
И РАССМАТРИВАЕТСЯ В ИНОМ КЛЮЧЕ –
КАК ПРОБЛЕМА ПРЕЦЕДЕНТНОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ПО НАИБОЛЕЕ
ВАЖНЫМ ДЕЛАМ**

¹⁵ Решетняк В.И. Постановления суда первой инстанции по гражданским делам: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 148.

¹⁶ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции в первом полугодии 2019 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5083> (дата обращения: 17.03.2020).

¹⁷ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции в 2015 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417> (дата обращения: 17.03.2020).

¹⁸ Статистический отчет о работе арбитражных судов в 2019 г. С. 7 (не публиковался).

ше прецедентного права, то общество в меньшей степени будет знать о том, как законы должны быть интерпретированы¹⁹.

Таким образом, вопрос об отношении государства к третейскому разбирательству и другим альтернативным способам урегулирования споров находится в политико-правовой плоскости.

Двойной контроль

Несмотря на достоинства и недостатки произошедшей в 2015 г. реформы, она практически не коснулась вопроса двойного контроля в отношении третейских судов.

Напомним, что согласно главе 30 Арбитражного процессуального кодекса (АПК) РФ арбитражным судом осуществляется контроль в отношении третейских судов в двух формах: путем (1) рассмотрения заявления о выдаче исполнительного листа или (2) рассмотрения заявления об отмене решения третейского суда.

В литературе неоднократно обращалось внимание на то, что, по сути, речь идет о системе двойного контроля со стороны государственных судов²⁰. В качестве под-

**КАК В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРОИЗВОДСТВА
ОБ ОСПАРИВАНИИ КОМПЕТЕНЦИИ
ТРЕТЕЙСКОГО СУДА, ТАК И ПРИ
РАССМОТРЕНИИ ЗАЯВЛЕНИЯ
О ВЫДАЧЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЛИСТА
НА ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ
РЕШЕНИЯ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА ПОСЛЕДНЕЕ
МОЖЕТ БЫТЬ ПРИЗНАНО НИЧТОЖНЫМ
ПО ОДИНАКОВЫМ ОСНОВАНИЯМ**

тверждения этого тезиса можно привести то обстоятельство, что как в результате производства об оспаривании компетенции третейского суда, так и при рассмотрении заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда последнее может быть признано ничтожным по одинаковым основаниям (ч. 3–4 ст. 234, ч. 3–4 ст. 239 АПК РФ). При этом некоторые авторы полагают необходимым сохранить систему двойного контроля²¹, другие предлагают исключить одно из производств²² или более детально разграничить указанные процедуры по основаниям контроля,

взяв за образец французскую модель²³. Мы, в свою очередь, полагаем возможным отказаться от двойного контроля — как минимум потому, что вступивший в законную

¹⁹ Nylund A. Conclusions on the Future of Civil Litigation in the Nordic Countries // *The Future of Civil Litigation: Access to Courts and Court-annexed Mediation in the Nordic Countries* / ed. by L. Ervo. Springer, 2014. P. 411; Jansen J.B. Norway // *The Dispute Resolution Review* / ed. by R. Clark. London, 2010. P. 547.

²⁰ Сворцов О.Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы. М., 2005. С. 549; Гимазов Р.Н. Процессуальные аспекты взаимодействия арбитражных и третейских судов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 27; Николюкин С.В. Специфика рассмотрения дел о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов // *Исполнительное право*. 2011. № 3. С. 9–17.

²¹ Курочкин С.А. Государственные суды в третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже. М., 2008; Нешатаева Т.Н. Решения Европейского суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательство и правоприменительную практику: монография. М., 2013; СПС «КонсультантПлюс».

²² Плов М.А. Теоретические и практические проблемы российской модели регулирования деятельности третейских судов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 19; Чулахин И.М. Решение третейского суда: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. С. 11.

²³ Зверева Н.С. Французская модель контроля арбитражных решений как способ избежать «двойного контроля» решений третейских судов в России // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2016. № 1. С. 13–19.

силу судебный акт, подтвердивший юридическую силу решения третейского суда, может пересматриваться только в установленной законом процедуре, т.е. через систему обжалования, но не в рамках параллельного или последовательного производства²⁴.

Другими словами, даже при разрешительном типе правового регулирования альтернативных способов разрешения споров дальнейшее развитие третейского разбирательства может быть продолжено, в частности, на юридико-догматическом уровне — через совершенствование системы контроля государственных судов над третейскими судами, в частности устранение системы двойного контроля.

²⁴ Подробнее см.: *Лазарев С.В.* Конкуренция производств при выполнении арбитражными судами функций содействия и контроля в отношении третейских судов // Третейский суд. 2019. № 1/2. С. 120–126.

Применение внесудебных способов разрешения инвестиционно-строительных споров в контексте изменений процессуального законодательства

В СТАТЬЕ РАССМОТРЕНЫ МЕХАНИЗМЫ АЛЬТЕРНАТИВНОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ (АРС) И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В ИНВЕСТИЦИОННО-СТРОИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ КАК В ЦЕЛОМ ПО ОТРАСЛИ, ТАК И В ОБЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬНОГО ЗАКАЗА (ГСЗ). ПРОАНАЛИЗИРОВАВ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ГСЗ, АВТОРЫ ОБОСНОВЫВАЮТ НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗРАБОТКИ И ПРИМЕНЕНИЯ ИМЕЮЩИХСЯ МЕХАНИЗМОВ АРС ДЛЯ УВЕЛИЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИОННО-СТРОИТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ. ТАКЖЕ СИСТЕМАТИЗИРОВАНЫ МЕРЫ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА АРС С УЧЕТОМ ИЗМЕНЕНИЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИИ СОДЕЙСТВИЯ РАЗВИТИЮ АРС СО СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДОВ.

Лариса Игоревна Зайцева,
начальник отдела обеспечения судопроизводства
Десятого арбитражного апелляционного суда,
доцент кафедры инвестиционно-строительного бизнеса
РАНХиГС, кандидат юридических наук

Сергей Юрьевич Рукавишников,
аспирант кафедры инвестиционно-строительного бизнеса
РАНХиГС

Ключевые слова: механизмы АРС, инвестиционно-строительная сфера, кризис ГСЗ, споры, проектная документация, строительство, жизненный цикл проекта

В 2019 г. вступили в силу важные изменения законодательства, основной целью которых является совершенствование примирительных процедур. В связи с этим вопрос

о перспективах применения альтернативных способов разрешения споров (далее — АРС) приобрел особую значимость¹.

Важно подчеркнуть, что содействие развитию АРС — одна из задач судебной власти Российской Федерации, что особо отмечено в Постановлении Пленума Верховного Суда (ВС) РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» (далее — Постановление № 53). Реализация данной задачи не должна исчерпываться процессуальными функциями, нацеленными на третейское разбирательство². С учетом внедрения судебного примирения и поиска оптимального соотношения данного института с медиацией необходимо повышение вовлеченности судей в процесс популяризации АРС.

Несмотря на расширение перечня и сфер применения указанных процедур, в определенных областях использование АРС представляется крайне затруднительным в силу установленных ограничений и отсутствия коллективных мер по их внедрению.

Проблемные аспекты АРС, в частности медиации, вызваны рядом факторов как правового, так и организационного характера. Прежде всего к таковым можно отнести обобщенный характер законодательных положений, отсутствие детализации подходов в отраслевом законодательстве, в разработках и рекомендациях уполномоченных органов, в том числе Минстроя России, а также в отечественной научной литературе и образовательном процессе.

**НЕСМОТЯ НА РАСШИРЕНИЕ ПЕРЕЧНЯ
И СФЕР ПРИМЕНЕНИЯ УКАЗАННЫХ
ПРОЦЕДУР, В ОПРЕДЕЛЕННЫХ ОБЛАСТЯХ
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРС ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ
КРАЙНЕ ЗАТРУДНИТЕЛЬНЫМ В СИЛУ
УСТАНОВЛЕННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ
И ОТСУТСТВИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ МЕР
ПО ИХ ВНЕДРЕНИЮ**

Напомним, что существует множество подходов к проведению медиации. Исходя из специфики процедуры, роли и функций третьего лица, выделяют различные ее типы: фасилитативная медиация (*facilitative mediation, FM*), при которой медиатор управляет только процедурой, не погружаясь в существо спора и не давая оценки обоснованности требований; оценочная медиация (*evaluative mediation, EM*), предполагающая наличие некой позиции относительно спорных вопросов, лежащих в основе спора; медиация урегулирования (*settlement mediation, SM*), нацеленная на взаимные уступки и компромисс; преобразующая/терапевтическая медиация (*transformative mediation, TM*), направленная на трансформацию взаимоотношений сторон³; проектная медиация (*project integrated mediation, PRIME*), совмещающая весь спектр подходов *FM, EM, SM* и *TM*.

¹ См.: Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

² Имеется в виду осуществление содействия и контроля в отношении третейского разбирательства и международного коммерческого арбитража, предусмотренное нормами Арбитражного (АПК) и Гражданского (ГПК) процессуальных кодексов РФ.

³ См.: *Spencer D. Essential Dispute Resolution*. Cavendish, 2005.

Рассмотрим критерии выбора моделей APC с учетом особенностей предметных областей:

1) субъектный состав спора. Увеличение количества полноценных участников той или иной деятельности (например, строительной, в том числе в связи с переходом на проектное финансирование) требует внедрения согласительных механизмов *FM*, позволяющих скоординировать интересы всех них и снять социальную напряженность;

2) специфика правоотношений, из которых возник спор. Если речь идет о личных немущественных конфликтах и необходимо восстановить дружественное взаимодействие или сохранить отношения, то *FM* или *TM* могут принести наилучший результат. Экономические правоотношения, в свою очередь, требуют более активного экспертного участия третьего лица. Так, в ряде случаев важной задачей является снижение заявленной суммы требований для того, чтобы другая сторона дала согласие на участие в переговорах. Очевидно, что без инструментария *EM* невозможно достигнуть указанной цели;

3) одностороннее или двустороннее нарушение обязательств. Во втором случае более эффективной моделью является *SM*, целью которой является склонение сторон к определенному компромиссу;

4) взаимозависимость сторон спора. В некоторых ситуациях разрыв партнерских отношений недопустим, так что основной целью сторон становится сохранение дружественного сотрудничества, что иногда требует более длительного процесса урегулирования разногласий. *TM* представляется предпочтительным вариантом для данного случая;

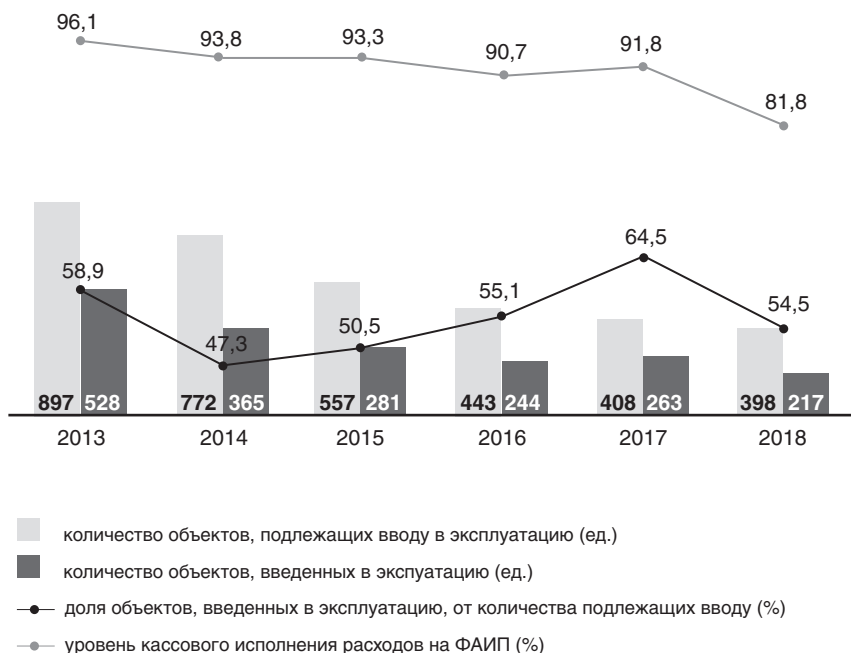
В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЕСТЬ ОБЛАСТИ, В КОТОРЫХ ОТСУТСТВИЕ ЭФФЕКТИВНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ ПРИВОДИТ К НЕГАТИВНЫМ ПОСЛЕДСТВИЯМ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ И ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ СТРАНЫ. ЭТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО СФЕРА СТРОИТЕЛЬСТВА, ПЕРЕЖИВАЮЩАЯ СЕРЬЕЗНЫЙ КРИЗИС, ОСОБЕННО ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ГОСУДАРСТВЕННОМУ СТРОИТЕЛЬНОМУ ЗАКАЗУ

5) наличие делящихся правоотношений. В рамках реализации проектов систематически возникают споры, зачастую связанные между собой. В таких случаях крайне востребованной является *PRIME*.

В настоящее время в Российской Федерации есть области, в которых отсутствие эффективных способов разрешения споров приводит к негативным последствиям для экономики и инвестиционной привлекательности страны. Это прежде всего сфера

строительства, переживающая серьезный кризис, особенно применительно к государственному строительному заказу (далее — ГСЗ). В качестве примера можно привести динамику ввода в эксплуатацию объектов Федеральной адресной инвестиционной программы (ФАИП) за 2018 г. (см. рис.)⁴.

⁴ Раздел 8 заключения Счетной палаты РФ на отчет об исполнении федерального бюджета за 2018 год. URL: <http://audit.gov.ru/promo/implementation-federal-budget-2018/index.html> (дата обращения: 30.03.2020).

Динамика ввода в эксплуатацию объектов ФАИП в 2013–2018 гг.

Как видно из рисунка, объем ввода объектов в эксплуатацию за последние 6 лет не превышал 65% от планируемого уровня и имел тенденцию к сокращению: если в 2013 г. в эксплуатацию было введено 528 объектов, то в 2018 г. — только 217 (в 2,4 раза меньше). По состоянию на 1 января 2019 г. число объектов незавершенного строительства составило 12 752.

Низкая эффективность реализации проектов обусловлена среди прочего затяжными спорами и конфликтами между участниками, а также отсутствием конструктивного диалога с государственными и муниципальными органами. Между тем, как показывает опыт зарубежных стран, наличие проработанной и специализированной системы АРС и согласительных механизмов, имеющих отраслевую направленность, является необходимым фактором устойчивого развития любой области⁵.

КАК ПОКАЗЫВАЕТ ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН, НАЛИЧИЕ ПРОРАБОТАННОЙ И СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ АРС И СОГЛАСИТЕЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ, ИМЕЮЩИХ ОТРАСЛЕВУЮ НАПРАВЛЕННОСТЬ, ЯВЛЯЕТСЯ НЕОБХОДИМЫМ ФАКТОРОМ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЛЮБОЙ ОБЛАСТИ

⁵ Строительная отрасль оказалась наиболее восприимчива к АРС в США, а закрепление на законодательном уровне в Великобритании такой процедуры, как *adjudication*, позволило преодолеть кризис в строительной отрасли.

Развитие APC в строительной сфере при наличии методического обеспечения демонстрирует ряд преимуществ:

- 1) третье лицо обладает всей необходимой информацией о ходе реализации проекта, которая позволяет адекватно оценивать риски и перспективы с целью принятия превентивных мер⁶;
- 2) разногласия могут быть сняты на ранних этапах без эскалации противоречий;
- 3) обеспечивается равенство всех участников проекта (исключается доминирование заказчика). В этих условиях ключевую роль играют независимые представители третьей стороны (медиаторы, посредники и эксперты), которые преследуют единственно важную цель: успешная реализация проекта;
- 4) существует возможность поддержания сотрудничества и взаимодействия между всеми участниками инвестиционно-строительной деятельности, которые вступают в длительные правоотношения, а не в разовые сделки⁷;
- 5) неформальный и гибкий характер процедуры позволяет варьировать конкретные полномочия третьей стороны исходя из специфики разногласий.

Наибольшие практические сложности использования APC в инвестиционно-строительной сфере возникают в области ГСЗ, для которой свойственно жесткое законодательное регулирование.

Деятельности по реализации ГСЗ сопутствует множество проблемных аспектов, анализ которых позволит предложить системные меры, необходимые для преодоления возникшего кризиса.

1. Отсутствие отраслевого подхода в положениях действующего законодательства, в том числе Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Оно не позволяет применять дифференцированные подходы к различным областям, в рамках которых реализуется государственный заказ⁸.
2. Отсутствие превентивных механизмов и качественной первичной проработки будущего проекта — его бюджета, строительной документации⁹, подготовительных мероприятий и др., а также отсутствие критериев качества работ и проверки репутации

⁶ Практикующие юристы, принимающие участие в разрешении строительных споров, отмечают, что зачастую их привлекают к делу слишком поздно, когда время уже упущено, конфликт затянулся и обострился, а стороны понесли существенные потери. Кроме того, не всегда возможно оперативно вникнуть в суть проекта и обладать всей необходимой документацией.

⁷ Ввиду реформы, связанной с проектным финансированием, к проведению согласительных процедур должны будут привлекаться представители финансовых учреждений.

⁸ См.: Цалко К.А. Особенности и проблемы государственных закупок в инвестиционно-строительном комплексе // Вестник евразийской науки. 2015. № 4 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-problemy-gosudarstvennyh-zakupok-v-investitsionno-stroitelnom-komplekse>; Журавлев Е.Г., Дубинина Н.Г. Правовое регулирование организации закупок и его влияние на качество предоставляемых работ и услуг в области капитального строительства // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-organizatsii-zakupok-i-ego-vliyanie-na-kachestvo-predostavlyaemyh-rabot-i-uslug-v-oblasti-kapitalnogo> (дата обращения: 30.03.2020).

⁹ Понятие «строительная документация» охватывает весь комплекс документации, необходимой для реализации инвестиционного проекта.

онных характеристик участников в качестве базовых при реализации закупок. Здесь можно выделить несколько аспектов:

— на стадии предпроектной проработки объекта допускаются системные ошибки, влекущие, в частности, «отсутствие обязательно[й] предпроектной документации в виде обоснований инвестиций, ходатайства о намерениях и др., а также необходим[ых] и достаточны[х] требовани[й] к содержанию и оформлению предпроектных материалов»¹⁰;

— уровень подготовки строительной документации, не позволяющий генеральному подрядчику производить комплекс работ в штатном режиме. Данный фактор неизбежно приводит к срыву сроков, снижению качества работ, увеличению общих затрат на реализацию объекта, неисполнению поставленных задач по вводу объектов в эксплуатацию;

— участие в закупках недобросовестных подрядчиков¹¹;

— работы по осуществлению подготовительных мероприятий не выполняются должным образом.

Еще до вовлечения в процесс генерального подрядчика заказчик обязан выполнить целый ряд мероприятий, которые зачастую не исполняются или исполняются несвоевременно даже несмотря на их важность:

— обеспечение строительства проектно-сметной документацией;

— получение разрешения на строительство;

— заключение договоров, направленных на обеспечение ресурсоснабжения объекта и подведение инженерных сетей до начала строительства объекта;

— заключение договоров на поставку оборудования (не входящего в смету подрядчика);

— обеспечение выноса в натуру линий регулирования застройки и создание геодезической разбивочной основы¹²;

— обеспечение авторского надзора;

— проведение внеплощадочных работ по обеспечению объекта строительства необходимыми инженерными коммуникациями (подъездные ж/д и а/д пути, линии связи и электропередачи, тепловые и газовые сети, водопроводные сети и канализационные коллекторы);

¹⁰ ОАО «ЦЕНТРИНВЕСТпроект». Сборник разъяснений по предпроектной и проектной подготовке строительства (вопросы и ответы). 2016. Вып. 5. Глава 1, п. 1. URL: <https://files.stroyinf.ru/Data2/1/4293754/4293754603.htm> (дата обращения: 30.03.2020).

¹¹ Решением данного вопроса может быть допуск к контракту только квалифицированных участников закупок, обладающих опытом исполнения контрактов. См.: Распоряжение Правительства РФ от 31.01.2019 № 117-р «Об утверждении Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 годах».

¹² СП 48.13330.2011 «Организация строительства». Актуализированная редакция СНиП 12-01-2004 (с Изменением № 1). П. 4.4.

— выполнение внутривозрадных работ для беспрепятственного начала строительных работ генеральным подрядчиком: расчистка территории площадки, вырубка и/или пересадка зеленых насаждений, вынос инженерных коммуникаций в необходимом для беспрепятственного строительства объеме.

3. Отсутствие надлежащего аудита качества строительной документации.

Названные проблемные аспекты ГСЗ демонстрируют необходимость в продуманной координационной деятельности и превентивных механизмах преодоления разногласий. Полагаем, что даже в имеющихся реалиях и при действующих нормах законодательного регулирования эффективная система АРС способна существенно повысить показатели реализации проектов.

Однако, несмотря на очевидный потенциал средств АРС в области ГСЗ, в настоящее время единых подходов к их использованию в данной сфере не выработано. Напротив,

**ПО НАШЕМУ МНЕНИЮ, КОММЕРЧЕСКИЙ
АРБИТРАЖ ЯВЛЯЕТСЯ НАИМЕНЕЕ
ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫМ СПОСОБОМ
РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ
С РЕАЛИЗАЦИЕЙ СТРОИТЕЛЬНЫХ
ПРОЕКТОВ, ТАК КАК ОН НЕ ПОЗВОЛЯЕТ
ОХВАТИТЬ ВСЕ СПОРНЫЕ МОМЕНТЫ И
ОТСЛЕЖИВАТЬ ВСЕ ЭТАПЫ РЕАЛИЗАЦИИ
ПРОЕКТА, СВОЕВРЕМЕННО СНИМАЯ
НАПРЯЖЕНИЕ И КООРДИНИРУЯ
ИНТЕРЕСЫ ВСЕХ УЧАСТНИКОВ
(КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ,
ТАК И НЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ)**

существуют определенные ограничения для их использования, а именно запрет передавать споры, возникающие из государственных (муниципальных) контрактов, на рассмотрение в третейский суд до момента вступления в силу специального федерального закона, определяющего постоянно действующее арбитражное учреждение, которое будет вправе рассматривать данные споры¹³.

Однако, по нашему мнению, коммерческий арбитраж является наименее предпочтительным способом разрешения споров, связанных с реализацией строительных проектов, так как он не позволяет охватить все спорные моменты и отслеживать все этапы реализации проекта, своевременно снимая напряжение и координируя интересы всех участников (как профессиональных

ных, так и непрофессиональных). Решением в данном случае может стать проектная медиация с участием экспертов в области строительства, обладающих специальными компетенциями, тем более что каких-либо ограничений на использование медиации в спорах, связанных с ГСЗ, не установлено. Согласно действующему законодательству, в сфере публичных правоотношений могут применяться примирительные процедуры.

В то же время полагаем необходимым принять ряд мер, способствующих внедрению и использованию АРС в строительстве:

¹³ См.: п. 6 ч. 2 ст. 33 АПК РФ, п. 6 ч. 2 ст. 22.1 ГПК РФ, п. 13 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (утвержден Президиумом ВС РФ 28.06.2017), п. 17 Постановления № 53, ч. 8 ст. 13 Федерального закона от 29.12.2015 № 409-ФЗ.

1) адаптация подходов, разработанных международными организациями, специализирующимися на инвестиционно-строительной сфере. Значимость разработок международных экспертов обусловлена возможностью не только заимствования типовых положений договоров, но и внедрения общих подходов к организации процессов. Так, разработки Международной федерации инженеров-консультантов (ФИДИК) ценны философией, заложенной в концепцию договорного регулирования и предусматривающей, что:

— приоритетной целью является завершение проекта;

— необходимо сделать особый акцент на оценке рисков и перспектив на предварительном этапе;

— важно координировать деятельность всех участников проекта. В связи с этим обязательным участником является инженер¹⁴, наделенный широкими организационными и юридическими полномочиями, которые он реализует в отношениях с подрядчиком и заказчиком¹⁵;

— нужно обеспечить равноправие всех участников проекта;

2) фокусировка на эффективных механизмах урегулирования разногласий. Возникшая проблема не должна перерастать в спор. Поэтому следует четко различать понятия *claim* (заявление о возникновении разногласий, которое должно обсуждаться при проведении прямых переговоров) и *dispute* (спор, который передается на рассмотрение органа или комиссии). Важным принципом является *dispute avoidance*, т.е. принятие превентивных мер, направленных на недопущение возникновения споров как таковых. Особую актуальность данный принцип приобретает на начальной стадии — при оценке проекта, которая включает в себя, помимо стоимостного анализа, исследование аспектов устойчивого развития, социальной значимости для конкретного региона, конкурентных преимуществ и возможных рисков. Для каждой потенциально рискованной ситуации могут быть предусмотрены специальные процедуры¹⁶.

Подобные разработки позволяют предотвращать хронические ошибки и внедрять механизмы разрешения споров на ранних этапах реализации проекта;

3) максимальная детализация контрактов во избежание возникновения противоречий, причем как в их основной части, так и применительно к согласительным механизмам и подлежащим использованию АРС. В разработках ФИДИК предусмотрена особая структура контракта: общая часть и особенная, в которой можно прописать все необходимые детали, что крайне актуально для российской практики¹⁷. В этом плане представляет интерес Типовой государственный (муниципальный) контракт на строительство (реконструкцию) объекта капитального строительства, разработанный

¹⁴ В отличие от технического заказчика, участие которого по законодательству РФ является факультативным.

¹⁵ См.: Варавенко В.Е. Сравнительный анализ правового положения технического заказчика по российскому законодательству и инженера по условиям договоров Международной федерации инженеров-консультантов (FIDIC) // Правовые вопросы строительства. 2015. № 1.

¹⁶ См.: FIDIC. Conditions of contract for plant and design-build (Yellow Book). Geneva, 2017.

¹⁷ В судебной практике встречаются случаи, когда одна из сторон заявляет о незаключенности договора ввиду несогласованности всех существенных условий (несмотря на то, что по факту он был исполнен), например начального и конечного срока, сметы, конкретных видов работ.

Минстроем России. Его раздел, касающийся порядка разрешения споров, содержит указание на рассмотрение претензий сторон, возникающих в связи с исполнением контракта, включая споры и разногласия по техническим и финансовым вопросам (условиям), путем переговоров с оформлением протокола разногласий (максимальный срок досудебного урегулирования — 30 дней). Неурегулированные споры разрешаются в судебном порядке¹⁸. При такой системе разрешения споров обеспечить бесперебойную реализацию проекта невозможно: даже при условии качественно проработанной проектно-строительной документации, гибкости системы, тщательного подхода к предпроектной деятельности и подготовке участка строительства неизбежны проблемные вопросы и споры на всех этапах жизненного цикла проекта;

4) обеспечение систематического взаимодействия и коммуникации сторон, фиксация всей важной информации;

5) внедрение APC в практическую деятельность государственных органов, которые выступают государственными заказчиками. Основой для этого служит действующее законодательство, предусматривающее, как было упомянуто выше, возможность применения APC в сфере публичных правоотношений;

6) разработка практических рекомендаций для судей по содействию использованию сторонами примирительных процедур. Особое внимание при этом следует уделять строительным спорам: например, опыт функционирования комнаты примирения Арбитражного суда г. Москвы показал, что именно они входят в число наиболее медиабельных споров;

7) проведение организационно-аналитических мероприятий, в которых принимали бы участие представители не только судебной системы, но и экспертного и научного общества, коммерческих арбитражей;

8) внедрение APC в практическую деятельность хозяйствующих субъектов. Каждая компания, реализующая проекты, может разработать стратегию применения APC.

НА ПРАКТИКЕ КОМПАНИИ ПОДВЕРГАЮТСЯ СУЩЕСТВЕННЫМ РЕПУТАЦИОННЫМ РИСКАМ В СВЯЗИ С НЕВОЗМОЖНОСТЬЮ СВОЕВРЕМЕННО РАЗРЕШИТЬ РАЗНОГЛАСИЯ С ИНВЕСТОРАМИ, ПОДРЯДЧИКАМИ, СУБПОДРЯДЧИКАМИ И Т.Д. НЕДОСТАТОК ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И КОНСТРУКТИВНОГО ОБСУЖДЕНИЯ ВОЗНИКАЮЩИХ ПРОБЛЕМ ПРИВОДИТ К РОСТУ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

На практике компании подвергаются существенным репутационным рискам в связи с невозможностью своевременно разрешить разногласия с инвесторами, подрядчиками, субподрядчиками и т.д. Недостаток взаимодействия и конструктивного обсуждения возникающих проблем приводит к росту социальной напряженности. Именно поэтому встречи, рабочие совещания, на которых применялись бы медиативные подходы, крайне востребованы в настоящее время. Но при этом они не должны носить хаотичный характер: четкие сроки, состав

¹⁸ Приказ Минстроя России от 05.07.2018 № 398/пр «Об утверждении Типового государственного (муниципального) контракта на строительство (реконструкцию) объекта капитального строительства и информационной карты указанного типового контракта» (зарегистрировано в Минюсте России 10.10.2018 № 52383).

лиц, порядок составления повестки заседания, привлечение экспертов и медиаторов, дифференцированные процедуры для каждого типа конфликта, меры, применяемые в случае нарушения выработанных договоренностей, — все эти важнейшие аспекты должны быть четко зафиксированы в концепциях внесудебного урегулирования разногласий.

Таким образом, проведенный анализ показал, что для обеспечения устойчивой реализации инвестиционно-строительных проектов необходимы:

- 1) имплементация проектно-ориентированного подхода и дифференцированных методов урегулирования разногласий исходя из их специфики и необходимых компетенций лиц, разрешающих споры;
- 2) более детальное и продуманное составление условий договоров с учетом характеристик конкретного проекта;
- 3) практическая реализация потенциала АРС посредством использования данных способов самими государственными органами (являющимися госзаказчиками), вовлеченными в реализацию проектов, а также государственными судами в процессе реализации функции содействия развитию АРС;
- 4) использование АРС в практической деятельности хозяйствующих субъектов с целью согласования интересов всех участников проекта и налаживания конструктивного диалога между ними.

Реорганизация учреждения

УЧРЕЖДЕНИЕ, ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ ГОСУДАРСТВЕННОЕ, ЯВЛЯЕТСЯ ОДНОЙ ИЗ НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ФОРМ, В КОТОРЫХ СОЗДАЮТСЯ И ДЕЙСТВУЮТ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЛИЦА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. ОСОБЕННОСТИ ИХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УСТАНОВЛЕНЫ РАЗНООБРАЗНЫМИ ПРАВОВЫМИ АКТАМИ. СЛОЖНАЯ СТРУКТУРА РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЗДАЕТ МНОЖЕСТВО ВОПРОСОВ ОТНОСИТЕЛЬНО ИХ РЕОРГАНИЗАЦИИ. К СОЖАЛЕНИЮ, РЕФОРМА ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НЕ ПРИВЕЛА НИ К ОПТИМИЗАЦИИ ЭТОЙ СТРУКТУРЫ, НИ К ЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ. АВТОР ДЕМОНИСТРИРУЕТ ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РЕОРГАНИЗАЦИИ УЧРЕЖДЕНИЙ. ДЕЛАЕТСЯ ВЫВОД О ТОМ, ЧТО НЕОБХОДИМО ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ РЕФОРМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК В ОБЛАСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ В ЦЕЛОМ, ТАК И В ЧАСТИ РЕОРГАНИЗАЦИИ УЧРЕЖДЕНИЙ.

Андрей Владимирович Габов,

главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук

Ключевые слова: некоммерческая организация, юридическое лицо, реорганизация, преобразование, слияние, присоединение, выделение, разделение, учреждение, государственное учреждение, муниципальное учреждение, частное учреждение, казенное учреждение, бюджетное учреждение, автономное учреждение

1. Учреждение является одной из организационно-правовых форм, в которых могут быть созданы юридические лица в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 50 Гражданского кодекса (ГК) РФ).

О востребованности этой организационно-правовой формы свидетельствуют статистические данные Федеральной налоговой службы¹ на 1 января 2020 г.

На указанную дату в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ) содержатся сведения о 216 094 учреждениях, из которых практически все (216 040) — государственные и муниципальные (государственных всего 52 137, из них 14 233 федеральных и 37 904 — субъектов РФ; муниципальных 163 903).

За период формирования нового (после принятия ГК РФ в 1994 г.) законодательства сложилась сложная структура правовых актов, регулирующих особенности правового

¹ См.: Отчет по форме № 1-ЮП. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/8376083/ (дата обращения: 16.03.2020).

положения учреждения (здесь мы перечислим только основные; в реальности таких актов гораздо больше):

— ГК РФ, регулирующий основы правового положения учреждения (ст. 123.21–123.23);

— Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее — Закон о некоммерческих организациях), также, по существу, определяющий основы правового положения учреждения;

— Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (далее — Закон об общественных объединениях), регулирующий особенности правового положения общественных учреждений (сейчас — частных²);

— Бюджетный кодекс (БК) РФ, содержащий определение понятия «казенное учреждение» и устанавливающий отдельные особенности правового положения такого типа учреждения (ст. 6, 70, 161 и ряд других);

— Федеральный закон от 03.11.2006 № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» (далее — Закон об автономных учреждениях), предусматривающий особенности правового положения государственного автономного учреждения;

— специальные законы, регулирующие особенности правового положения учреждений, функции учредителя и собственника в отношении которых выполняют государственные корпорации³;

— специальные законы, регулирующие особенности правового положения учреждений, действующих в отдельных сферах⁴;

— специальные законы и иные акты, регулирующие особенности правового положения отдельных организаций, созданных в форме учреждения⁵;

² С 1 сентября 2014 г. общественные учреждения нельзя признавать отдельным типом учреждений; к ним, согласно ст. 3 Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (далее — Закон № 99-ФЗ), применяются положения ГК РФ о частных учреждениях.

³ См., напр.: Федеральные законы от 01.12.2007 № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии „Росатом“», от 13.07.2015 № 215-ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности „Роскосмос“». Формально отметим, что здесь существует большой вопрос относительно того, к какому типу относить такие учреждения; в законе они называются учреждениями государственных корпораций, а по действующей классификации типов учреждений — это частные учреждения.

⁴ См., напр.: федеральные законы от 29.12.1994 № 78-ФЗ «О библиотечном деле» (далее — Закон о библиотечном деле), от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (далее — Закон о музеях), от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее — Закон о науке), от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон об образовании).

⁵ См.: Федеральные законы от 10.11.2009 № 259-ФЗ «О Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете», от 27.07.2010 № 220-ФЗ «О национальном исследовательском центре „Курчатовский институт“» (далее — Закон о Курчатовском институте), от 27.09.2013 № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о РАН), от 04.11.2014 № 326-ФЗ «О Национальном исследовательском центре „Институт имени Н.Е. Жуковского“»; Устав федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (утвержден Постановлением Правительства РФ от 28.03.2008 № 223; далее — Устав МГУ), Устав федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (утвержден Постановлением Правительства РФ от 31.12.2010 № 1241; далее — Устав СПбГУ), Устав федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия наук» (утвержден Постановлением Правительства РФ от 27.06.2014 № 589).

— подзаконные нормативные акты, регулирующие отдельные особенности правового положения государственных учреждений⁶, определяющие порядок осуществления

**МНОЖЕСТВЕННОСТЬ АКТОВ,
УСТАНОВЛИВАЮЩИХ ПРАВОВОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ, СОЗДАЕТ
ДОВОЛЬНО ЗАПУТАННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ.
РЕФОРМА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О
ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦАХ ЗДЕСЬ НИЧЕГО
НЕ ИЗМЕНИЛА. В ПОЛНОЙ МЕРЕ ЭТИ
ВЫВОДЫ КАСАЮТСЯ И ВОПРОСА
РЕОРГАНИЗАЦИИ УЧРЕЖДЕНИЙ**

органами власти и отдельными организациями функций учредителя федеральных государственных учреждений⁷ и ряд других актов⁸;

— различного рода разъяснения нормативного характера⁹ и регламенты взаимодействия при реорганизации учреждений в отдельных сферах деятельности¹⁰.

Множественность актов, устанавливающих правовое положение учреждения, создает довольно запутанное

регулирование. Реформа законодательства о юридических лицах здесь ничего не изменила. В полной мере эти выводы касаются и вопроса реорганизации учреждений.

2. Послереформенная ситуация с регулированием правового положения учреждения характеризуется наличием двух нормативных актов, закрепляющих основы реоргани-

⁶ См.: Порядок создания, реорганизации, изменения типа и ликвидации федеральных государственных учреждений, а также утверждения уставов федеральных государственных учреждений и внесения в них изменений (утвержден Постановлением Правительства РФ от 26.07.2010 № 539; далее — Порядок создания, реорганизации, изменения типа и ликвидации учреждений); Постановление Правительства РФ от 26.05.2015 № 640 «О порядке формирования государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) в отношении федеральных государственных учреждений и финансового обеспечения выполнения государственного задания»; Единый типовый устав управлений объединений, управлений соединений, воинских частей Вооруженных Сил Российской Федерации, созданных в качестве юридических лиц (утвержден приказом Министра обороны РФ от 13.09.2016 № 560); Правила проведения оценки последствий принятия решения о реорганизации или ликвидации федеральной государственной образовательной организации и Правила создания комиссии по оценке последствий принятия решения о реорганизации или ликвидации федеральной государственной образовательной организации и подготовки указанной комиссией заключений (утверждены Постановлением Правительства РФ от 06.02.2014 № 84).

⁷ См., напр.: Положение об осуществлении федеральными органами исполнительной власти функций и полномочий учредителя федерального бюджетного учреждения и Положение об осуществлении федеральными органами исполнительной власти функций и полномочий учредителя федерального казенного учреждения (утверждены Постановлением Правительства РФ от 26.07.2010 № 537); Положение об осуществлении федеральным государственным бюджетным учреждением «Национальный исследовательский центр „Институт имени Н.Е. Жуковского“» и федеральными органами исполнительной власти от имени Российской Федерации функций и полномочий учредителя и собственника имущества федеральных государственных бюджетных учреждений и федеральных автономных учреждений, предусмотренных перечнем, утверждаемым Правительством Российской Федерации (утверждено Постановлением Правительства РФ от 25.07.2015 № 756).

⁸ См.: приказ Минфина России от 25.03.2011 № 33н «Об утверждении Инструкции о порядке составления, представления годовой, квартальной бухгалтерской отчетности государственных (муниципальных) бюджетных и автономных учреждений».

⁹ См., напр.: письма Минфина России от 16.06.2003 № 03-01-01/08-176, от 22.08.2013 № 03-01-11/34511; от 06.12.2010 Минфина России № 02-03-07/5031, Федерального казначейства России № 42-7.4-05/5.1-792 «О порядке передачи бюджетных учреждений из федеральной собственности в собственность субъектов Российской Федерации, а также порядке передачи в 2010 году показателей лицевых счетов бюджетных учреждений при изменении их типа» (далее — письмо Минфина и Казначейства России от 06.12.2010); от 28.04.2017 Минфина России № 09-07-08/26557, Федерального казначейства России № 07-04-05/05-392 «О вопросах, возникающих в случае принятия решения о реорганизации федерального бюджетного или автономного учреждения в форме присоединения, слияния или разделения с сохранением объема государственных услуг (работ), подлежащих оказанию (выполнению) находящимися в его ведении учреждениями» (далее — письмо Минфина и Казначейства России от 28.04.2017); Методические рекомендации по участию научных организаций, подведомственных ФАНО России, в проектах реструктуризации (направлены письмом ФАНО России от 29.10.2015 № 007-18.1-12/АМ-1780); Методические рекомендации по реализации федеральными государственными учреждениями, подведомственными Федеральному агентству научных организаций и участвующими в проектах реструктуризации, мероприятий по подготовке и проведению реструктуризации (направлены письмом ФАНО России от 09.01.2018 № 007-18.1.1-08/АМ-3; далее — Методические рекомендации ФАНО России 2018 г.).

¹⁰ См., напр.: Регламент взаимодействия Федерального агентства научных организаций и федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия наук» по вопросам создания, реорганизации и ликвидации научных организаций, подведомственных Федеральному агентству научных организаций (утвержден ФАНО России и РАН 15.01.2015; далее — Регламент взаимодействия ФАНО и РАН).

зации учреждения (всех его типов): ГК РФ и Закона о некоммерческих организациях. Особенностью первого акта (негативной, подчеркнем это) является то, что *в нем не регулируются общие начала реорганизации учреждения.*

ГК РФ упоминает только преобразование, предусматривая следующее:

— государственное или муниципальное учреждение может быть преобразовано в некоммерческую организацию иных организационно-правовых форм в случаях, предусмотренных законом (ст. 123.22);

— частное учреждение может быть преобразовано учредителем в автономную некоммерческую организацию или фонд (ст. 123.23).

Рационально объяснить такой подход к регулированию сложно; в реальности, конечно, именно новые положения ГК РФ об учреждении должны были установить все основные образующие элементы этой организационно-правовой формы (реорганизацию в том числе). Однако законодатель просто умолчал о них — либо проигнорировав всю специфику учреждений (сочетание частных и публичных элементов в регулировании), либо признав невозможность учесть ее на том этапе реформирования гражданского законодательства, либо указав своим умолчанием на специальные законы, которыми данный вопрос (о реорганизации) должен быть урегулирован.

При анализе обновленных после 2014 г. положений ГК РФ в части учреждений привлекает внимание следующее. Для государственных или муниципальных учреждений по общему правилу *установлена невозможность преобразования*¹¹. В этом аспекте законодатель остался верен прежним подходам: ст. 17 Закона о некоммерческих организациях уже довольно продолжительное время содержит положение о том, что преобразование государственных или муниципальных учреждений в некоммерческие организации иных форм или хозяйственное общество допускается в случаях и в порядке, которые установлены законом.

Для государственных и муниципальных учреждений такой подход влечет важное последствие: *эти типы учреждения не могут участвовать в реорганизации совместно с организациями иных организационно-пра-*

**ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И
МУНИЦИПАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ТАКОЙ
ПОДХОД ВЛЕЧЕТ ВАЖНОЕ ПОСЛЕДСТВИЕ:
ЭТИ ТИПЫ УЧРЕЖДЕНИЯ НЕ МОГУТ
УЧАСТВОВАТЬ В РЕОРГАНИЗАЦИИ
СОВМЕСТНО С ОРГАНИЗАЦИЯМИ ИНЫХ
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ФОРМ
(СТ. 57 ГК РФ), ПОСКОЛЬКУ НЕ МОГУТ
БЫТЬ ПРЕОБРАЗОВАНЫ (ДО ПОЯВЛЕНИЯ
СПЕЦИАЛЬНОГО УКАЗАНИЯ В ЗАКОНЕ)
НИ В ОДНУ ДРУГУЮ ФОРМУ ИЗ ЧИСЛА
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ГРАЖДАНСКИМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ**

¹¹ Эта невозможность весьма определенно обосновывалась в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009), где, в частности, говорилось, что учреждения, «не будучи корпорациями, вообще не подлежат преобразованию (здесь и далее в цитатах курсив наш. — А.Г.), а другие формы их реорганизации не могут вести к возникновению иных организационно-правовых форм некоммерческих (и тем более коммерческих) организаций. Иначе говоря... учреждения могут сливаться, присоединяться, выделяться и разделяться только в рамках соответствующей организационно-правовой формы — на другие... учреждения, и т.д.».

новых форм (ст. 57 ГК РФ¹²), поскольку не могут быть преобразованы (до появления специального указания в законе) ни в одну другую форму из числа предусмотренных гражданским законодательством.

Отметим, что на практике указанная специфика иногда игнорируется. Это можно проиллюстрировать на примере постановления Арбитражного суда (АС) Уральского округа от 11.03.2016 № Ф09-11270/15 по делу № А60-11883/2015.

Как видно из данного акта, 30 сентября 2014 г.¹³ учредителем было принято решение «о реорганизации муниципального унитарного предприятия „Комбинат благоустройства“ путем преобразования в муниципальное казенное учреждение и присоединения к муниципальному казенному учреждению „Управление городского хозяйства“». Регистрирующий орган внес в ЕГРЮЛ запись о том, что заявитель находится в процессе реорганизации в форме преобразования, однако во внесении записи о присоединении отказал, что было оспорено заявителем. Первая и вторая инстанция поддержали заявителя; как отметил АС Уральского округа, «удовлетворяя требования, суды исходили из того, что реорганизация юридического лица с одновременным сочетанием различных ее форм, предусмотренных абз. 1 п. 1 ст. 57 ГК РФ, допускается, оспариваемое решение не соответствует Закону о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, нарушает права и интересы заявителя в сфере экономической деятельности, так как препятствует реализации

решения о реорганизации юридического лица». Кассационная инстанция с решениями нижестоящих судов не согласилась, но только по техническим аспектам¹⁴; в итоге суд ни одной из инстанций даже не высказался о возможности такой реорганизации с участием казенного учреждения по существу.

В ОТНОШЕНИИ ЧАСТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ОБНОВЛЕННЫЙ ГК РФ ОТХОДИТ ОТ ЖЕСТКОГО ПОДХОДА, СФОРМУЛИРОВАННОГО В КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА («ЗАПРЕТ НА ПРЕОБРАЗОВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ»)

В отношении частных учреждений обновленный ГК РФ отходит от жесткого подхода, сформулированного

в Концепции развития гражданского законодательства («запрет на преобразование учреждений»). В частности, допускается их преобразование, но только в две другие организационно-правовые формы, в которых может быть создана некоммерческая

¹² Подробнее о такой реорганизации см.: *Габов А.В.* Реорганизация и ликвидация юридических лиц: научно-практический комментарий к статьям 57–65 Гражданского кодекса Российской Федерации. М., 2014. С. 5–13; *Нуждин Т.А.* Комбинированная реорганизация коммерческих организаций. М., 2018.

¹³ Дата здесь имеет значение, поскольку очевидно показывает, что решение принималось уже в период действия после-реформенного законодательства о реорганизации.

¹⁴ В постановлении отмечено: «...суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу о том, что в данном случае может осуществляться смешанная реорганизация юридического лица, т.е. с одновременным сочетанием различных форм, без учета того, что предприятием было подано в регистрирующий орган два уведомления о начале процедуры реорганизации — от 07.10.2014 и от 09.10.2014, при этом на основании первого уведомления регистрирующий орган внес в ЕГРЮЛ сведения о том, что предприятие находится в процессе реорганизации в форме преобразования. Таким образом, судами обеих инстанций не дана правовая оценка тому обстоятельству, может ли юридическое лицо, находящееся в процессе реорганизации, начинать новый процесс реорганизации в иной форме, судами не применены положения ст. 13.1 и ст. 16 [Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»; далее — Закон о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей], согласно которым процедура реорганизации представляет собой сложный процесс, включающий мероприятия по уведомлению кредиторов реорганизуемого юридического лица».

организация, — автономную некоммерческую организацию и фонд (т.е. тоже в унитарные организации).

Отметим, что ст. 17 Закона о некоммерческих организациях до сих пор предусматривает возможность преобразования частного учреждения, в том числе и в хозяйственное общество. Учитывая правила ст. 3 Закона № 99-ФЗ о том, что со дня вступления в силу указанного Закона юридические лица создаются в организационно-правовых формах, которые предусмотрены для них главой 4 ГК РФ (в редакции указанного Закона), а также то, что согласно ст. 16 Закона о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей преобразование влечет прекращение реорганизованного лица и создание нового юридического лица, *такое преобразование с 1 сентября 2014 г. невозможно*. Нельзя не отметить излишнюю жесткость, негибкость такого подхода; по существу, подобное ограничение гражданских прав не в полной мере основано на принципах, установленных ст. 1 ГК РФ. Строго говоря, в данном случае частный интерес ограничен безосновательно: если учредитель частного учреждения полагает, что такое учреждение должно быть преобразовано в организацию иной формы, никаких объективных факторов для установления ограничений здесь нет, поскольку этим не затрагиваются публичные интересы. Если такое ограничение сделано для защиты интересов кредиторов (с учетом новых правил ст. 59 ГК РФ в части исключения действия ст. 59 ГК РФ), то в этой части можно было сделать исключения из указанных правил.

В силу отсутствия в обновленном ГК РФ общих положений о реорганизации учреждения в качестве таковых и после реформы выступают положения ст. 16 Закона о некоммерческих организациях. Исходя из них, а также из ст. 18 Закона об автономных учреждениях и п. 8 Порядка создания, реорганизации, изменения типа и ликвидации учреждений, следует сделать вывод о том, что *все типы учреждений*:

- государственное бюджетное учреждение,
- муниципальное бюджетное учреждение,
- государственное автономное учреждение,
- муниципальное автономное учреждение,
- государственное казенное учреждение,
- муниципальное казенное учреждение,
- частное учреждение —

могут быть реорганизованы в формах: слияния, присоединения, разделения и выделения без ограничений, если мы имеем в виду реорганизацию, не заканчивающуюся изменением типа учреждения, его подведомственности или формы собственности.

Однако законодательство не содержит ответов на вопросы, касающиеся использования указанных форм реорганизации, если названные условия (неизменность типа, подведомственности и формы собственности) меняются, а именно:

- возможна ли реорганизация разных типов учреждений в форме слияния;
- возможно ли участие в реорганизации в форме присоединения разных типов учреждений;
- возможно ли разделение государственного учреждения одного типа, в результате которого создается два и более учреждения, имеющие — все или их часть — другой тип, или частное учреждение (и обратно);
- возможна ли реорганизация федерального государственного учреждения любого типа (или учреждения субъекта РФ или муниципального учреждения), при которой создается государственное учреждение субъекта РФ или муниципальное учреждение (соответственно, обратно федеральное государственное учреждение);
- возможна ли реорганизация государственного учреждения одного типа в форме выделения, в результате которого создается учреждение другого типа?

Эти вопросы можно усложнить, добавив такое условие, как наличие различной подведомственности государственных учреждений (т.е. функции учредителя выполняют разные органы государственной власти или иные организации).

Применительно к слиянию отметим следующее¹⁵:

МЫ НЕ УСМАТРИВАЕМ НИКАКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ В ЧАСТИ СЛИЯНИЯ БЮДЖЕТНОГО И КАЗЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЙ, В РЕЗУЛЬТАТЕ КОТОРОГО БУДЕТ СОЗДАНО НОВОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ, ЛИБО ОДНОГО ИЗ ТИПОВ УЧРЕЖДЕНИЙ, В КОТОРЫХ СОЗДАНЫ УЧРЕЖДЕНИЯ, УЧАСТВОВАВШИЕ В СЛИЯНИИ (ЛИБО БЮДЖЕТНОЕ, ЛИБО КАЗЕННОЕ), ЛИБО ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ИНОГО ТИПА (АВТОНОМНОЕ), В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ УЧРЕДИТЕЛЕМ СЛИВАЮЩИХСЯ УЧРЕЖДЕНИЙ, А РАВНО УЧРЕДИТЕЛЕМ ВНОВЬ СОЗДАННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ БУДЕТ ОДНО И ТО ЖЕ ЛИЦО, А ФУНКЦИИ УЧРЕДИТЕЛЯ ВСЕХ УКАЗАННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ЧАСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О РЕОРГАНИЗАЦИИ ТАКЖЕ ВЫПОЛНЯЕТ ОДНО ЛИЦО (ОРГАН)

а) мы не усматриваем никаких ограничений в части слияния бюджетного и казенного учреждений, в результате которого будет создано новое государственное учреждение, либо одного из типов учреждений, в которых созданы учреждения, участвовавшие в слиянии (либо бюджетное, либо казенное), либо государственное учреждение иного типа (автономное), в том случае, если учредителем сливающихся учреждений, а равно учредителем вновь созданного учреждения будет одно и то же лицо, а функции учредителя всех указанных учреждений в части принятия решения о реорганизации также выполняет одно лицо (орган). Отметим при этом, что *техническая сторона таких реорганизаций в нормативных актах разработана крайне слабо.*

¹⁵ В литературе обычно высказывается соображение об отсутствии в принципе запрета на участие в реорганизации учреждений различного типа без детализации, сформулированной нами выше в части разности учредителей, форм собственности и проч. (см.: Орлова О.Е. Порядок реорганизации бюджетного учреждения // Руководитель бюджетной организации. 2019. № 3. С. 45–53; СПС «КонсультантПлюс»; Она же. Реорганизация автономных учреждений: какие формы существуют и чем различаются? // Руководитель автономного учреждения. 2019. № 4. С. 37–40; СПС «КонсультантПлюс»).

В обоснование возможности такой реорганизации можно привести то, что ст. 17.1 Закона о некоммерческих организациях позволяет изменять тип государственного учреждения практически без ограничений, а ст. 5 Закона об автономных учреждениях указывает на возможность изменения типа существующего государственного или муниципального учреждения для целей создания автономного учреждения.

Иная ситуация с возможностью участия в слиянии государственных учреждений автономного учреждения. Статья 18 Закона об автономных учреждениях содержит правило, согласно которому реорганизация автономного учреждения может быть осуществлена в форме «слияния двух или нескольких автономных учреждений». Буквально это означает, что автономные учреждения *не могут* участвовать в реорганизации в форме слияния с какими-либо государственными учреждениями иных типов. Соответствующее правило можно рассматривать как своего рода ограничение (хотя и неявное) в развитие общего положения ст. 57 ГК РФ о том, что законом могут быть установлены ограничения реорганизации юридических лиц;

б) следует принципиально высказаться положительно по поводу слияния государственных учреждений разных типов (бюджетного и казенного) при том условии, что у сливающихся учреждений один учредитель, но его функции в части принятия решения о реорганизации выполняют различные органы (организации), а также слияния учреждений одного типа — при разности органов (организаций), осуществляющих функции учредителя.

Здесь надо отметить наличие правила, предусмотренного п. 11 Порядка создания, реорганизации, изменения типа и ликвидации учреждений, в соответствии с которым «в случае если по результатам реорганизации изменяется подведомственность федерального учреждения (учреждений), решение о реорганизации федерального учреждения (учреждений) принимается Правительством Российской Федерации». То есть изменение подведомственности по итогам реорганизации допустимо, а значит, можно предположить и допустимость участия в реорганизации государственных учреждений с разной подведомственностью.

Нельзя не сказать, что в некоторых нормативных актах и разъяснениях нормативно-го характера (в области бюджетных отношений) встречается понятие «*межведомственная реорганизация*»¹⁶. Значение этого понятия можно уяснить из следующего

СЛЕДУЕТ ПРИНЦИПИАЛЬНО ВЫСКАЗАТЬСЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНО ПО ПОВОДУ СЛИЯНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РАЗНЫХ ТИПОВ (БЮДЖЕТНОГО И КАЗЕННОГО) ПРИ ТОМ УСЛОВИИ, ЧТО У СЛИВАЮЩИХСЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ОДИН УЧРЕДИТЕЛЬ, НО ЕГО ФУНКЦИИ В ЧАСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О РЕОРГАНИЗАЦИИ ВЫПОЛНЯЮТ РАЗЛИЧНЫЕ ОРГАНЫ (ОРГАНИЗАЦИИ), А ТАКЖЕ СЛИЯНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ОДНОГО ТИПА – ПРИ РАЗНОСТИ ОРГАНОВ (ОРГАНИЗАЦИЙ), ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ФУНКЦИИ УЧРЕДИТЕЛЯ

¹⁶ См.: Порядок доведения бюджетных ассигнований, лимитов бюджетных обязательств при организации исполнения федерального бюджета по расходам и источникам финансирования дефицита федерального бюджета и передачи бюджетных ассигнований, лимитов бюджетных обязательств при реорганизации участников бюджетного процесса федерального уровня (утвержден приказом Минфина России от 30.09.2008 № 104н); Порядок составления и ведения сводной бюджетной росписи федерального бюджета и бюджетных росписей главных распорядителей средств федерального бюджета (главных администраторов источников финансирования дефицита федерального бюджета), а также утверждения (изменения) лимитов бюджетных обязательств (утвержден приказом Минфина России от 27.08.2018 № 184н); письмо Минфина и Казначейства России от 06.12.2010.

фрагмента п. 9.1 Порядка доведения бюджетных ассигнований, лимитов бюджетных обязательств при организации исполнения федерального бюджета по расходам и источникам финансирования дефицита федерального бюджета и передачи бюджетных ассигнований, лимитов бюджетных обязательств при реорганизации участников бюджетного процесса федерального уровня: «...в случае образования, преобразования, упразднения главных распорядителей, распорядителей, получателей средств федерального бюджета, а также в связи с передачей распорядителя и (или) получателя средств федерального бюджета в ведение другого главного распорядителя средств федерального бюджета (далее — межведомственная реорганизация)...

Как видно, понятие это используется в рамках бюджетных отношений, а потому и его определение соответствующее, слово «реорганизация» здесь имеет более широкое значение, чем в гражданском законодательстве. Строго говоря, это понятие не описывает тот случай реорганизации, который мы разбираем, однако ясно, что соответствующие положения показывают: с бюджетно-правовой точки зрения ограничений для этого случая реорганизации нет;

в) возможность слияния федерального государственного учреждения (бюджетного или казенного) и государственного учреждения субъекта РФ или муниципального учреждения (кроме автономных учреждений) в настоящее время прямо не урегулирована.

ВОЗМОЖНОСТЬ СЛИЯНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ (БЮДЖЕТНОГО ИЛИ КАЗЕННОГО) И ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ СУБЪЕКТА РФ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ (КРОМЕ АВТОНОМНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ) В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ПРЯМО НЕ УРЕГУЛИРОВАНА

С одной стороны, как можно понять из некоторых документов (письмо Минфина и Казначейства России от 06.12.2010), *возможность передачи бюджетных учреждений из федеральной собственности в собственность субъектов РФ прямо допускается*. Отдельно признается возможность передачи полномочий учредителя для определенных целей. Так, ст. 26.3 Федерального закона от 06.10.1999

№ 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (далее — Закон № 184-ФЗ) устанавливает, что Правительство РФ вправе передавать в пользование либо в собственность субъектов РФ, с соблюдением определенных условий, федеральное имущество, а также *передавать функции и полномочия учредителя федеральных государственных учреждений*, необходимые для осуществления переданных полномочий.

С другой стороны, здесь (если речь не идет только и исключительно о передаче функций учредителя) возникают вопросы изменения формы собственности¹⁷. Имущество государственного учреждения является государственной собственностью, соответственно, Российской Федерации или ее субъекта; имущество муниципального уч-

¹⁷ Отметим, что о формах собственности упоминают непосредственно ст. 8 и 9 Конституции РФ, где говорится о «частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности».

реждения является собственностью муниципального образования. Следовательно, в результате указанного случая слияния может произойти утрата государством (Российской Федерацией или ее субъектом) или муниципалитетом права собственности на имущество, притом что такое основание для утраты указанного права прямо законодательством не предусмотрено.

Статья 214 ГК РФ содержит формулировку, что отнесение государственного имущества к федеральной собственности и к собственности субъектов РФ осуществляется в порядке, установленном законом. Однако такой исчерпывающий порядок до настоящего времени не разработан. До сих пор действует постановление Верховного Совета РФ от 27.12.1991 № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность», в котором соответствующие вопросы не регулируются. Важное значение имеют ст. 26.11 и 26.12 Закона № 184-ФЗ и ч. 11 ст. 154 Федерального закона от 22.08.2004 № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов „О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации““ и „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“» (далее — Закон № 122-ФЗ)¹⁸. Однако и эти Законы интересующий нас вопрос прямо не регулируют.

Положения Закона № 122-ФЗ можно рассматривать как ограничение для рассматриваемого случая реорганизации. Ведь все регулирование построено исходя из того, какое имущество может / не может находиться в федеральной собственности; также большое значение придается специальному порядку передачи, в основе которого лежат «предложения о передаче имущества». В ч. 11 ст. 154 Закона № 122-ФЗ даже подчеркивается, что «передача в федеральную собственность из собственности субъекта Российской Федерации или муниципальной собственности и в собственность субъекта Российской Федерации из муниципальной собственности имущества, не включенного в указанные предложения, не допускается». В то же время можно рассмотреть вопрос и об использовании этих положений (порядка) при проведении такой реорганизации, поскольку в обоих случаях речь пойдет о безвозмездной передаче имущества.

Наиболее определенно решен вопрос в отношении автономных учреждений: ст. 18 Закона об автономных учреждениях указывает, что «автономные учреждения могут быть реорганизованы в форме слияния... *если они созданы на базе имущества одного и того же собственника*». Соответственно, слияние федерального автономного учреждения с автономным учреждением, созданным иным собственником, невозможно¹⁹;

¹⁸ Анализ этого закона также см.: Голубцов В.Г. Российская Федерация как субъект гражданского права. М., 2019. С. 174–177.

¹⁹ Иногда это правило комментируется так: «...при реорганизации автономного учреждения недопустим переход имущества от одного собственника к другому (например, от Российской Федерации к субъекту РФ или муниципальному образованию)» (см.: Куревина Л. Реорганизация и сокращение штата в автономном учреждении // Автономные учреждения: бухгалтерский учет и налогообложение. 2018. № 9. С. 59–68; СПС «КонсультантПлюс»).

г) о слиянии государственного или муниципального учреждения (бюджетного или казенного) с частным учреждением, в результате которого создается частное учреждение, в настоящее время следует высказаться однозначно отрицательно. Этот вариант

О СЛИЯНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ (БЮДЖЕТНОГО ИЛИ КАЗЕННОГО) С ЧАСТНЫМ УЧРЕЖДЕНИЕМ, В РЕЗУЛЬТАТЕ КОТОРОГО СОЗДАЕТСЯ ЧАСТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ, В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ СЛЕДУЕТ ВЫСКАЗАТЬСЯ ОДНОЗНАЧНО ОТРИЦАТЕЛЬНО

в принципе не может быть реализован, поскольку влечет утрату права собственности государством (муниципалитетом), а такой случай прекращения права государственной (муниципальной) собственности законом не предусмотрен²⁰;

д) вопрос слияния государственного или муниципального учреждения (бюджетного или казенного) с частным учреждением, в результате которого создается новое государственное учреждение, не так однозначен.

Здесь нет принципиальных ограничений, если в результате такой реорганизации будет зафиксирован отказ частного учредителя от права собственности на имущество в пользу государства. Однако механизма проведения такой реорганизации в настоящее время нет.

Применительно к присоединению отметим следующее:

а) мы не усматриваем никаких ограничений в части присоединения к государственному учреждению одного типа (бюджетному, казенному или автономному) одного или нескольких государственных учреждений других типов в том случае, если учредителем присоединяющего и присоединяемых учреждений является одно и то же лицо, а функции учредителя всех указанных учреждений в части принятия решения о реорганизации также выполняет одно лицо (орган).

В обоснование этого вывода можно привести уже упоминавшиеся при анализе различных вариантов слияния ст. 17.1 Закона о некоммерческих организациях и ст. 5 Закона об автономных учреждениях. Также следует отметить, что на возможность таких присоединений прямо указывает п. 9 Порядка создания, реорганизации, изменения типа и ликвидации учреждений («в случае присоединения федерального бюджетного или автономного учреждения к казенному учреждению»).

Регулирование реорганизации автономного учреждения в форме присоединения отличается от подходов, используемых при слиянии: ст. 18 Закона об автономных учреждениях указывает, что реорганизация автономного учреждения может быть осуществлена в форме «присоединения к автономному учреждению *одного учреждения или нескольких учреждений соответствующей формы собственности*». Таким обра-

²⁰ На этот момент в более общем виде обращали внимания и иные авторы. Так, В.А. Болдырев, анализируя еще дореформенное законодательство, касательно бюджетного учреждения писал: «...само по себе преобразование бюджетного учреждения в любую иную некоммерческую организацию автоматически влечет приватизацию имущества публичного образования, то есть переход в частную (нового юридического лица) собственность имущества публичного образования» (Болдырев В.А. Реорганизация и видоизменение юридических лиц несобственников // Право и политика. 2009. № 3. С. 695–702; СПС «КонсультантПлюс»).

зом, нет ограничений на участие в реорганизации в форме слияния одновременно автономного учреждения и государственного учреждения иного типа²¹;

б) следует принципиально высказаться положительно о присоединении к государственному учреждению одного типа государственного учреждения другого типа (или иных типов) при том условии, что у участвующих в реорганизации учреждений один учредитель, но его функции в части принятия решения о реорганизации выполняют различные органы или организации. Аргументы здесь аналогичны тем, что выше были высказаны в отношении слияния;

в) относительно возможности участия в реорганизации в форме присоединения государственных учреждений одного (или разных типов) при различности собственников их имущества можно отметить ситуацию, сходную со слиянием: неопределенность в регулировании. Исключение — автономные учреждения, применительно к которым действует вполне определенное правило, исключающее их участие в такой реорганизации: «...автономные учреждения могут быть реорганизованы в форме... присоединения, если они созданы на базе имущества одного и того же собственника» (ст. 18 Закона об автономных учреждениях)²²;

г) о реорганизации в форме присоединения, при которой к частному учреждению (присоединяющее лицо) присоединяется государственное или муниципальное учреждение (бюджетное или казенное), следует высказаться отрицательно с тем же обоснованием, что и в части слияния;

д) по поводу реорганизации в форме присоединения, при которой к государственному или муниципальному учреждению (бюджетному или казенному) присоединяется частное учреждение (присоединяемое лицо), принципиально следует высказаться положительно, если в результате такой реорганизации будет зафиксирован отказ частного учредителя от права собственности на имущество в пользу государства. Однако этот вариант, как и в случае со слиянием, требует детального описания в специальном законе; в настоящее время механизма такого присоединения нет.

Применительно к разделению отметим следующее:

а) при разделении государственного учреждения одного типа (бюджетного, казенного или автономного) могут возникнуть два и более государственных учреждения других типов (ст. 17.1 Закона о некоммерческих организациях, ст. 5 и 18 Закона об автономных учреждениях; п. 9 Порядка создания, реорганизации, изменения типа и ликвидации учреждений), в том числе с иной подведомственностью;

б) высказать однозначную позицию в отношении разделения федерального государственного учреждения любого типа (или государственного учреждения субъекта РФ

²¹ Отдельные авторы высказывают мнение, что вопрос о возможности такого присоединения с участием автономного учреждения «остается открытым» (см.: Новоселова Л.А. Автономные учреждения // Корпорации и учреждения: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2007. С. 194). Нам представляется, однако, что в части присоединения здесь вопросов нет.

²² Отметим тем не менее, что в литературе имеются примеры такого рода реорганизаций. К примеру, О.Е. Орлова в довольно свежей по времени (2019 г.) работе пишет: «...есть и случаи реорганизации с участием юридических лиц другой формы собственности. Например, муниципальное автономное учреждение «Служба заказчика, строительства и жилищно-коммунального хозяйства» было присоединено к межмуниципальному унитарному предприятию «Водоканал» (город Курган)» (Орлова О.Е. Реорганизация автономных учреждений: какие формы существуют и чем различаются? // Руководитель автономного учреждения. 2019. № 4. С. 37–40; СПС «КонсультантПлюс»).

или муниципального учреждения), при котором создается государственное учреждение субъекта РФ или муниципальное учреждение (соответственно, обратно федеральное государственное учреждение), невозможно в силу тех же причин, которые мы отметили выше в отношении слияния и присоединения.

Однозначно отрицательно вопрос решен в отношении автономных учреждений в ст. 18 Закона об автономных учреждениях, где указано, что реорганизация автономного учреждения может быть осуществлена в форме «разделения автономного учреждения на два учреждения или несколько учреждений *соответствующей формы собственности*»;

в) разделение федерального государственного учреждения любого типа (или государственного учреждения субъекта РФ, или муниципального учреждения), при котором создается частное учреждение, невозможно в силу тех же причин, которые мы отметили выше в отношении слияния и присоединения;

г) разделение частного учреждения, в результате которого создается государственное или муниципальное учреждение любого типа (хоть этот вариант не более чем экзотика), с нашей точки зрения, невозможно. Для государственных учреждений существует определенный порядок их создания (элементом которого является и установленный круг учредителей). Учредители государственных учреждений — это публично-правовые образования, что непосредственно определено законом (к примеру, согласно ст. 9.2 Закона о некоммерческих организациях «бюджетным учреждением признается некоммерческая организация, *созданная Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием*»).

Аналогичны выводам в части разделения и выводы, касающиеся реорганизации государственного учреждения в форме выделения.

3. Общих правил реорганизации учреждений действующее законодательство не содержит. Скорее всего, по той причине, что учреждение — это унитарная организация

**ОБЩИХ ПРАВИЛ РЕОРГАНИЗАЦИИ
УЧРЕЖДЕНИЙ ДЕЙСТВУЮЩЕЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО НЕ СОДЕРЖИТ.
СКОРЕЕ ВСЕГО, ПО ТОЙ ПРИЧИНЕ,
ЧТО УЧРЕЖДЕНИЕ – ЭТО УНИТАРНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ОДНОГО СОБСТВЕННИКА,
КОТОРЫЙ ВПРАВЕ В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ
(С УЧЕТОМ УСЛОВИЙ, КОТОРЫЕ
РАССМОТРИМ ДАЛЕЕ) ПРИНЯТЬ РЕШЕНИЕ
О РЕОРГАНИЗАЦИИ**

одного собственника, который вправе в любое время (с учетом условий, которые рассмотрим далее) принять решение о реорганизации. Следует отметить, что в отдельных случаях (и, видимо, на всякий случай) законодательные акты указывают на возможность реорганизации не только по воле учредителя. К примеру, ст. 23 Закона о библиотечном деле устанавливает, что библиотека может быть реорганизована «по решению ее собственника или учредителя, а *также в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации*».

Особый случай — реорганизация учреждения на основании самостоятельного федерального закона. В соответствии со ст. 5 Закона о РАН Российская академия наук,

действующая в качестве федерального государственного бюджетного учреждения, может быть реорганизована на основании федерального закона.

В части условий реорганизации²³ учреждений законодательство содержит довольно обширный материал для анализа (см. табл.).

Примеры условий реорганизации учреждений

Тип (вид) учреждения / форма (случай) реорганизации	Суть условия	Чем установлено
Реорганизация автономного учреждения во всех формах	Автономное учреждение может быть реорганизовано, если это не повлечет за собой нарушение конституционных прав граждан в социально-культурной сфере, в том числе прав граждан на получение бесплатной медицинской помощи и бесплатного образования или права на участие в культурной жизни	Статья 18 Закона об автономных учреждениях
Реорганизация государственной и (или) муниципальной образовательной организации	Принятие решения о реорганизации допускается на основании положительного заключения комиссии по оценке последствий такого решения	Статья 22 Закона об образовании
Реорганизация муниципальной общеобразовательной организации, расположенной в сельском поселении	Принятие решения не допускается без учета мнения жителей данного сельского поселения	Статья 22 Закона об образовании
Реорганизация библиотеки в форме слияния, присоединения, разделения, выделения, преобразования	Реорганизация библиотеки может происходить «как по инициативе учредителя библиотеки, так и по инициативе библиотеки <i>при согласии всех сторон</i> »	Статья 23 Закона о библиотечном деле
Реорганизация музеев	Изменение целей деятельности музеев в результате реорганизации не допускается	Статья 31 Закона о музеях
Реорганизация государственной научной организации	Должно обеспечиваться сохранение технологического единства научной и (или) научно-технической деятельности	Статья 5 Закона о науке
Реорганизация государственной научной организации в форме выделения	Не допускается выделение из состава государственной научной организации опытного, опытно-экспериментального, опытно-учебного, опытно-фармацевтического производства и лечебных баз	Статья 5 Закона о науке
Реорганизация воинской части, созданной в качестве юридического лица	Осуществляется в случае реформирования объединения, соединения или воинской части	Пункт 31 Единого типового устава управлений объединений, управлений соединений, воинских частей Вооруженных Сил Российской Федерации, созданных в качестве юридических лиц (утвержден приказом министра обороны РФ от 13.09.2016 № 560)

²³ Подробнее о понятии «условия реорганизации» см.: Габов А.В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект). М., 2014. С. 528–534.

Отметим, что увидеть какие-то закономерности в данных, собранных в таблице, очень сложно. Единственный вывод, который может быть сделан однозначно, состоит в том, что законодатель часто устанавливает условия исходя не из особенностей типа того или иного учреждения, а во многом *из сферы деятельности учреждения*.

4. Теперь обратимся к вопросу о том, кто принимает решение о реорганизации учреждения, — на первый взгляд он кажется предельно простым, поскольку понятно, что такое решение по общему правилу принимает учредитель.

Наиболее прост ответ на этот вопрос для частных учреждений: согласно ст. 17 Закона о некоммерческих организациях решение о преобразовании частного учреждения принимается его собственником. В реальности, конечно, общее правило (и именно оно должно быть закреплено в качестве общего) здесь такое: *решение о реорганизации частного учреждения в любой из форм принимается собственником имущества частного учреждения — его учредителем*.

Применительно к государственным и муниципальным учреждениям ситуация выглядит сложнее. Здесь существует несколько общих правил.

Первое касается *определения порядка принятия решения*. Согласно ст. 16 Закона о некоммерческих организациях принятие решения о реорганизации бюджетных или казенных учреждений, *если иное не установлено актом Правительства РФ*, осуществляется в порядке, предусмотренном:

— Правительством РФ — в отношении федеральных бюджетных или казенных учреждений;

— высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ — в отношении бюджетных или казенных учреждений субъекта РФ;

— местной администрацией муниципального образования — в отношении муниципальных бюджетных или казенных учреждений.

Как хорошо заметно из приведенного правила, нормативный акт Правительства РФ может установить специальный порядок принятия решения о реорганизации указанных учреждений и субъектом РФ, и муниципальным образованием, что, конечно, с точки зрения разделения полномочий и предметов ведения выглядит, мягко говоря, странно.

Второе общее правило сформулировано для федеральных государственных учреждений всех типов (бюджетных, казенных и автономных). Установленное п. 9 и 10 Порядка создания, реорганизации, изменения типа и ликвидации учреждений, оно *касается определения самого субъекта принятия решения* и заключается в следующем:

— решение о реорганизации федерального учреждения в форме разделения или выделения *принимается Правительством РФ* в порядке, аналогичном порядку создания федерального учреждения путем его учреждения (т.е., согласно п. 3 и 5 Порядка создания, реорганизации, изменения типа и ликвидации учреждений, на основании рас-

поряжения Правительства, проект которого подготавливается определенным федеральным органом исполнительной власти²⁴;

— решение о реорганизации федерального учреждения в форме слияния, если возникшее при слиянии юридическое лицо является федеральным казенным учреждением, *принимается Правительством РФ* в порядке, аналогичном порядку создания федерального учреждения путем его учреждения;

— решение о реорганизации федерального учреждения в форме присоединения, в случае присоединения федерального бюджетного или автономного учреждения к казенному учреждению, *принимается Правительством РФ* в порядке, аналогичном порядку создания федерального учреждения путем его учреждения;

— решение о реорганизации федерального учреждения в форме слияния или присоединения в остальных случаях принимается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции и полномочия по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в установленной сфере деятельности.

Таким образом, согласно указанным правилам решение принимается либо Правительством РФ, либо определенным федеральным органом исполнительной власти.

В реальности же число субъектов, принимающих решение о реорганизации федеральных учреждений, больше: сюда входят и государственные корпорации, и иные организации, в чьем конкретном ведении находится соответствующее учреждение; в отдельных случаях нормативные акты содержат указание на конкретный государственный орган, в компетенцию которого входит принятие решения²⁵.

Содержание решения о реорганизации учреждения зависит от его типа.

В РЕАЛЬНОСТИ ЖЕ ЧИСЛО СУБЪЕКТОВ, ПРИНИМАЮЩИХ РЕШЕНИЕ О РЕОРГАНИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ, БОЛЬШЕ: СЮДА ВХОДЯТ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОРПОРАЦИИ, И ИНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, В ЧЬЕМ КОНКРЕТНОМ ВЕДЕНИИ НАХОДИТСЯ СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ УЧРЕЖДЕНИЕ; В ОТДЕЛЬНЫХ СЛУЧАЯХ НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ СОДЕРЖАТ УКАЗАНИЕ НА КОНКРЕТНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРГАН, В КОМПЕТЕНЦИЮ КОТОРОГО ВХОДИТ ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ

²⁴ Согласно п. 5 Порядка создания, реорганизации, изменения типа и ликвидации учреждений проект распоряжения Правительства РФ о создании федерального учреждения подготавливается: федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции и полномочия по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в установленной сфере деятельности, в отношении федеральных государственных учреждений, которые будут находиться в ведении этого органа или федеральных служб и федеральных агентств, подведомственных этому органу; либо федеральным органом исполнительной власти, руководство деятельностью которого осуществляет Президент или Правительство РФ, — в отношении федеральных государственных учреждений, которые будут находиться в ведении этого федерального органа.

²⁵ К примеру, в соответствии со ст. 4 Закона о Курчатовском институте указанный институт осуществляет от имени Российской Федерации полномочия учредителя и собственника имущества в отношении организаций, перечень которых утверждается РФ, в порядке и объеме, которые устанавливаются Правительством. В соответствии с п. 4 Единого типового устава органа управления соединения и воинской части войск национальной гвардии Российской Федерации (утвержден приказом Росгвардии от 25.07.2016 № 46) решение о реорганизации воинских частей, созданных в организационно-правовой форме государственного казенного учреждения, принимается директором Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации — главнокомандующим войсками национальной гвардии Российской Федерации.

К примеру, нет никаких положений о содержании решения о реорганизации частного учреждения.

К реорганизации федеральных государственных учреждений, решение о реорганизации которых принимается Правительством РФ (п. 9 и 11 Порядка создания, реорганизации, изменения типа и ликвидации учреждений), применяются правила о создании государственного учреждения. Соответственно, реорганизация осуществляется на основании распоряжения Правительства РФ, которое, согласно п. 4 Порядка создания, реорганизации, изменения типа и ликвидации учреждений, должно содержать:

— основные цели деятельности создаваемого федерального учреждения, определенные в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами;

— наименование федерального органа исполнительной власти, который будет осуществлять функции и полномочия учредителя создаваемого федерального учреждения;

— сведения о недвижимом имуществе (в том числе земельных участках), которое планируется закрепить (предоставить в постоянное (бессрочное) пользование) за создаваемым федеральным учреждением;

— предельную штатную численность работников (для казенного учреждения);

— перечень мероприятий по созданию федерального учреждения с указанием сроков их проведения.

Решение о реорганизации федерального учреждения в форме слияния или присоединения в остальных случаях принимается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции и полномочия по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в установленной сфере деятельности (п. 10 Порядка создания, реорганизации, изменения типа и ликвидации учреждений²⁶). Такое решение должно содержать:

— наименование федеральных учреждений, участвующих в процессе реорганизации, с указанием их типов;

— форму реорганизации;

— наименование федерального учреждения (учреждений) после завершения процесса реорганизации;

— наименование федерального органа (органов) исполнительной власти, осуществляющего функции и полномочия учредителя реорганизуемого федерального учреждения (учреждений);

²⁶ Также см.: Методические рекомендации ФАНО России 2018 г.

— информацию об изменении (сохранении) основных целей деятельности реорганизуемого учреждения (учреждений);

— информацию об изменении (сохранении) штатной численности (для казенных учреждений);

— перечень мероприятий по реорганизации федерального учреждения с указанием сроков их проведения.

Отметим, что данные правила не в полной мере соотносены с общими положениями ГК РФ о реорганизации. Как хорошо видно, ни в одном случае не указано, что соответствующим актом в первую очередь принимается само решение о реорганизации.

С нашей точки зрения, текущее регулирование в части содержания решения о реорганизации учреждения не может быть признано адекватным. Оно очень сложно, запутанно, к тому же для государственных учреждений находится в подзаконном акте.

5. Общих положений о порядке реорганизации учреждений нет; регулирование очень сильно зависит от типа учреждения.

Для частных учреждений регулирование отсутствует, т.е. при их реорганизации необходимо ориентироваться на общие положения о реорганизации (ст. 57–60.2 ГК РФ) и использовать при отсутствии правовых решений нормы иного законодательства.

Для государственных учреждений ситуация немногим лучше. По существу, здесь также применяется общий порядок²⁷; для федеральных учреждений подробно описывается процедура подготовки и согласования документа, который является решением о реорганизации; специальное регулирование в части согласования решения о реорганизации установлено для научных организаций, которые в ходе реформы Российской академии наук были переданы ФАНО России (см.: Регламент взаимодействия ФАНО и РАН).

Для федеральных учреждений также определяются (если реорганизация осуществляется на основании распоряжения Правительства РФ):

— обязательность подготовки и представления в Правительство (одновременно с проектом распоряжения Правительства) уполномоченным федеральным органом, подготовившим проект, пояснительной записки, которая должна содержать: обоснование

**ТЕКУЩЕЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
В ЧАСТИ СОДЕРЖАНИЯ РЕШЕНИЯ
О РЕОРГАНИЗАЦИИ УЧРЕЖДЕНИЯ
НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПРИЗНАНО АДЕКВАТНЫМ.
ОНО ОЧЕНЬ СЛОЖНО, ЗАПУТАННО,
К ТОМУ ЖЕ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ НАХОДИТСЯ
В ПОДЗАКОННОМ АКТЕ**

²⁷ К примеру, см.: Зачиняева Т.А. Реорганизация учреждений // Бюджетный учет. 2011. № 2. С. 26–28; № 3. С. 15–19; № 4. С. 22–23; СПС «КонсультантПлюс».

целесообразности создания федерального учреждения; информацию о предоставлении создаваемому федеральному учреждению права выполнять государственные функции (для казенного учреждения) (п. 6 Порядка создания, реорганизации, изменения типа и ликвидации учреждений);

— порядок утверждения устава создаваемого в результате реорганизации нового учреждения, если реорганизация осуществляется на основании распоряжения Правительства: после издания распоряжения Правительства о создании федерального учреждения правовым актом федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции и полномочия учредителя, утверждается устав этого федерального учреждения (п. 7 Порядка создания, реорганизации, изменения типа и ликвидации учреждений).

Специфика (бюджетно-правовая) порядка реорганизации федеральных государственных учреждений отчасти регулируется отдельными нормативными актами (п. 68, 108 Порядка открытия и ведения лицевых счетов территориальными органами Федерального казначейства (утвержден приказом Казначейства России от 17.10.2016 № 21н; далее — Порядок открытия и ведения лицевых счетов территориальными органами Федерального казначейства), разъяснениями нормативного характера, данными Минфином и Казначейством России (см.: письма от 06.12.2010, от 28.04.2017).

В редких случаях, когда речь идет о реорганизации учреждений, созданных на основании отдельных законов, можно встретить указания на специфику их реорганизации. К примеру, п. 156 Устава МГУ предусматривает, что Московский университет может быть реорганизован по решению Правительства РФ, п. 148 Устава записывает в полномочия ученого совета МГУ рассмотрение «предложения ректора Московского университета по вопросу реорганизации Московского университета» (но как это полномочие соотносится с полномочиями Правительства РФ, неясно).

При анализе порядка реорганизации нельзя не упомянуть детальное описание порядка реорганизации для научных организаций в Методических рекомендациях ФАНО России 2018 г. Этот документ имеет узкое действие по кругу охватываемых субъектов, однако по тщательности описания процедуры реорганизации вполне может быть использован в качестве ориентира и для других учреждений. Хотя нельзя не отметить, что отдельные его положения в части соответствия требованиям ГК РФ выглядят несколько сомнительно (например, к ним можно отнести вопросы оформления правопреемства — п. 5.5).

Права кредиторов в отношении учреждений спецификой не обладают. Здесь действуют общие правила, предусмотренные в настоящее время ст. 60 ГК РФ, за исключением случая реорганизации казенного учреждения: в соответствии со ст. 16 Закона о некоммерческих организациях при реорганизации казенного учреждения кредитор не вправе требовать досрочного исполнения соответствующего обязательства, а также прекращения обязательства и возмещения связанных с этим убытков.

Завершение реорганизации учреждения не отличается от общего порядка, предусмотренного действующим законодательством (ст. 57 ГК РФ и ст. 16 Закона о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей).

6. С точки зрения оценки последствий реорганизации учреждения следует отметить, что здесь имеется определенная специфика в части бюджетных отношений, а именно в части выполнения так называемых приемо-передаточных процедур (такая терминология используется в письме Минфина и Казначейства России от 28.04.2017), необходимости / отсутствия необходимости открытия/закрытия/переоформления лицевых счетов (см. Порядок открытия и ведения лицевых счетов территориальными органами Федерального казначейства), а также изменения государственного задания (см.: Положение о формировании государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) в отношении федеральных государственных учреждений и финансовом обеспечении выполнения государственного задания (утверждено Постановлением Правительства РФ от 26.06.2015 № 640).

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОЦЕНКИ ПОСЛЕДСТВИЙ РЕОРГАНИЗАЦИИ УЧРЕЖДЕНИЯ СЛЕДУЕТ ОТМЕТИТЬ, ЧТО ЗДЕСЬ ИМЕЕТСЯ ОПРЕДЕЛЕННАЯ СПЕЦИФИКА В ЧАСТИ БЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ, А ИМЕННО В ЧАСТИ ВЫПОЛНЕНИЯ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ПРИЕМО-ПЕРЕДАТОЧНЫХ ПРОЦЕДУР

В отдельных случаях можно встретить указания на специальные последствия реорганизации. Так, согласно п. 159 Устава МГУ Московский университет обязан обеспечить учет и сохранность документов личного состава, а также своевременную передачу их на государственное хранение в установленном порядке при реорганизации. Иную обязанность в отношении документов содержит Устав СПбГУ (п. 142): «...при реорганизации Санкт-Петербургского университета все документы (управленческие, финансовые, по личному составу и другие) передаются в соответствии с законодательством Российской Федерации правопреемнику Санкт-Петербургского университета. При отсутствии правопреемника документы постоянного хранения передаются на государственное хранение в соответствующие архивы».

Выводы

Как показывает проведенный анализ, структура нормативного регулирования реорганизации учреждения очень сложна и запутанна; регулирование (даже его основы) не сконцентрировано в одном акте, имеется множество документов, в которых регулируются вопросы реорганизации учреждений.

Сложная структура регулирования правового положения учреждения в целом критиковалась в Концепции развития гражданского законодательства. В ней отмечалось, что «правовое положение учреждений (особенности создания, структуры органов управления, ликвидации и пр.), в зависимости от осуществляемых ими функций и видов деятельности, уточняется в многочисленных федеральных законах, нормы которых в ряде случаев противоречат ГК». В документе предлагалась даже «унификация содержащихся в отдельных законах норм, регулирующих гражданско-правовой статус учреждений, посредством их включения в ГК».

К сожалению, по итогам реформы гражданского законодательства можно констатировать следующее: упрощения структуры регулирования учреждений не произошло

К СОЖАЛЕНИЮ, ПО ИТОГАМ РЕФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА МОЖНО КОНСТАТИРОВАТЬ СЛЕДУЮЩЕЕ: УПРОЩЕНИЯ СТРУКТУРЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ НЕ ПРОИЗОШЛО (НАОБОРОТ, КАК ХОРОШО ВИДНО, УЖЕ В ПЕРИОД РЕАЛИЗАЦИИ РЕФОРМЫ БЫЛО ПРИНЯТО НЕСКОЛЬКО АКТОВ); ВКЛЮЧЕНИЕ РЯДА НОВЫХ ПОЛОЖЕНИЙ В ГК РФ НЕ СОПРОВОЖДАЛОСЬ ПРИЗНАНИЕМ УТРАТИВШИМИ СИЛУ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗАКОНОВ; ГК РФ В РЕАЛЬНОСТИ НЕ ИГРАЕТ (КАК И ДО РЕФОРМЫ) ВЕДУЩЕЙ РОЛИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ЦЕЛОГО РЯДА ЭЛЕМЕНТОВ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЯ

(наоборот, как хорошо видно, уже в период реализации реформы было принято несколько актов); включение ряда новых положений в ГК РФ не сопровождалось признанием утратившими силу специальных законов; ГК РФ в реальности не играет (как и до реформы) ведущей роли в определении целого ряда элементов правового положения учреждения.

Все это в полной мере относится и к реорганизации. Правовое регулирование реорганизации учреждений после проведенной реформы законодательства о юридических лицах нисколько не улучшилось. По существу, можно отметить, что никакой реформы как минимум в части реорганизации в реальности не произошло.

Многие гражданско-правовые аспекты реорганизации государственных учреждений, вместо федеральных законов регулируются подзаконными актами Правительства РФ.

В части определения порядка реорганизации имеет место «вторжение» в пределы федеральной компетенции законодательства субъектов РФ (и даже актов местных органов власти). Причем в некоторых законах оно закреплено нормативно. К примеру, до сих пор действует норма ст. 16 Закона о некоммерческих организациях, в соответствии с которой принятие решения о реорганизации в отношении бюджетных или казенных учреждений субъекта РФ осуществляется *в порядке, установленном* высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ, а в отношении муниципальных бюджетных или казенных учреждений — *в порядке, установленном* местной администрацией муниципального образования. Статья 29 Закона о музеях указывает, что реорганизация государственных музеев, находящихся в ведении субъектов РФ, осуществляется *в порядке, определенном* высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ, если иное не установлено законами субъекта РФ.

Имеется явная диспропорция в регулировании: реорганизация государственных учреждений регулируется подробным образом, а реорганизация частных учреждений практически не регулируется вовсе.

ИМЕЕТСЯ ЯВНАЯ ДИСПРОПОРЦИЯ В РЕГУЛИРОВАНИИ: РЕОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РЕГУЛИРУЕТСЯ ПОДРОБНЫМ ОБРАЗОМ, А РЕОРГАНИЗАЦИЯ ЧАСТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПРАКТИЧЕСКИ НЕ РЕГУЛИРУЕТСЯ ВО ВСЕ

Недостатки в регулировании отчасти демпфируются организационной простотой учреждения — это унитарная организация одного лица (учредителя), соответственно, при ее реорганизации не возникает сложных

проблем баланса интересов меньшинства и большинства, выкупа доли участия и/или ее трансформации.

И тем не менее, с нашей точки зрения, оставлять регулирование в таком состоянии было бы неправильным. Достаточно сказать, что вопросы реорганизации учреждений (как частных, так и государственных) в самое ближайшее время могут обрести большую актуальность в связи с задачами оптимизации образовательных учреждений, обозначенных Президентом РФ В.В. Путиным в выступлении на Совместном расширенном заседании президиума Государственного совета и Совета при Президенте по науке и образованию 6 февраля 2020 г.²⁸

Идеальным вариантом представляется тот, который был предложен еще в Концепции развития гражданского законодательства, — унификация содержащихся в отдельных законах норм, регулирующих гражданско-правовой статус учреждений.

Такая унификация, по нашему мнению, должна заключаться как в создании корпуса общих положений о реорганизации учреждений в ГК РФ (что не случилось в результате реформы гражданского законодательства), так и в принятии специального федерального закона, регулирующего особенности правового положения учреждения как организационно-правовой формы юридического лица, в том числе в части реорганизации²⁹.

²⁸ См.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62744> (дата обращения: 16.03.2020). На указанном заседании Президент РФ отметил: «...нужно и дальше последовательно убирать вузы-пустышки... Нам важно консолидировать ресурсный потенциал учебных заведений и научных институтов и там, где это обоснованно, ставить вопрос об их юридическом объединении... речь идет не о чисто механическом слиянии. Нужно найти такие решения, которые повысят престиж, научный статус и доходы преподавателей и профессоров в регионах, обеспечат значительный рост качества образования и исследований в вузах».

²⁹ Некоторые авторы предлагают принимать законы или для отдельных типов учреждений, или для учреждений, действующих в отдельных сферах. К примеру, Т.В. Ерохина в одной работе предлагает принять федеральный закон «О государственных (муниципальных) учреждениях», в котором среди прочего урегулировать и порядок реорганизации таких учреждений // *Административное право и процесс*. 2016. № 8. С. 62–66; СПС «КонсультантПлюс»), а в другой — федеральный закон «Об основах организации и деятельности медицинского учреждения» (Ерохина Т.В. Структура административно-правового статуса медицинских учреждений // *Медицинское право*. 2010. № 4. С. 17–21; СПС «КонсультантПлюс»). На наш взгляд, наиболее предпочтительным подходом было бы все-таки принятие единого федерального закона об учреждениях.

Состав и организация деятельности Совета магистратуры Аргентинской Республики, его органы управления и структурные подразделения

НАСТОЯЩАЯ СТАТЬЯ ПОСВЯЩЕНА КЛЮЧЕВЫМ ПРОБЛЕМАМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВЕТА МАГИСТРАТУРЫ АРГЕНТИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. АВТОР, ПРОДОЛЖАЯ ИЗУЧЕНИЕ РЕЛЕВАНТНОГО ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА, АНАЛИЗИРУЕТ СОСТАВ И ПОРЯДОК ФОРМИРОВАНИЯ ДАННОГО ОРГАНА СУДЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА, ОБОЗНАЧАЕТ ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ЕГО ЧЛЕНАМ, ИССЛЕДУЕТ ПРАВОВОЙ СТАТУС ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ И СТРУКТУРНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СОВЕТА МАГИСТРАТУРЫ, А ТАКЖЕ ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ НА КЛЮЧЕВЫХ ВОПРОСАХ ОРГАНИЗАЦИИ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

Андрей Александрович Соловьев, заместитель председателя Арбитражного суда Московской области, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории и истории государства и права Московского педагогического государственного университета, доктор юридических наук

Ключевые слова: зарубежный опыт, Аргентинская Республика, органы судейского сообщества, Совет магистратуры Аргентинской Республики, состав, организация деятельности, органы управления, структурные подразделения

Реформа органов судейского сообщества Российской Федерации в значительной степени актуализирует необходимость изучения релевантного зарубежного опыта (в том числе организационных основ функционирования таких органов), что позволяет получить ценный эмпирический материал.

В настоящей статье мы, продолжая исследование соответствующей правовой регламентации¹, обратимся к Совету магистратуры Аргентинской Республики.

¹ См., напр.: *Соловьев А.А.* Высший совет юстиции Королевства Бельгия: структура и полномочия его подразделений // *Право и образование.* 2016. № 3 С. 73–79; *Он же.* Особенности правового положения Высшего совета магистратуры

В соответствии со ст. 1 Закона Аргентинской Республики от 10.12.1997 № 24.937 «О Совете магистратуры», текст которого утвержден Указом от 26.07.1999 № 816/1999² (далее — Закон о Совете магистратуры), Совет магистратуры является постоянно действующим органом судебной власти Аргентинской Республики, осуществляющим полномочия, предусмотренные ст. 114 Национальной конституции 1853 г.³, в рамках представительной, республиканской и федеративной формы правления, принятой в Аргентинской Республике, что требует особого соблюдения принципов публичности актов правительства, прозрачности управления, общественного контроля за принятием решений и избрания членов Совета магистратуры посредством механизмов, не допускающих дискриминации и способствующих участию в нем граждан.

Согласно упомянутой ст. 114 Национальной конституции Совет магистратуры отвечает за подбор кандидатур на должности судей, а также за организацию отправления правосудия.

Состав Совета детально определен Законом о Совете магистратуры и **включает в себя девятнадцать членов**, а именно:

**СОГЛАСНО СТ. 114 НАЦИОНАЛЬНОЙ
КОНСТИТУЦИИ СОВЕТ МАГИСТРАТУРЫ
ОТВЕЧАЕТ ЗА ПОДБОР КАНДИДАТУР
НА ДОЛЖНОСТИ СУДЕЙ,
А ТАКЖЕ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ
ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ**

— трех судей национальной судебной власти, избираемых гражданами Аргентинской Республики путем всеобщего голосования. Два представителя отбираются из списка победителей, определенных простым большинством, и один — из списка кандидатов, занявших второе место;

— трех адвокатов, включенных в федеральный реестр, избираемых гражданами Аргентинской Республики путем всеобщего голосования. Два представителя отбираются из списка победителей, определенных простым большинством, и один — из списка кандидатов, занявших второе место;

— шестерых представителей академического и научного сообщества, имеющих стаж работы и квалификацию по одной из официально признанных специальностей, избираемых гражданами Аргентинской Республики путем всеобщего голосования. Четыре представителя отбираются из списка победителей, определенных простым большинством, и два — из списка кандидатов, занявших второе место;

Французской Республики // Право и образование. 2014. № 7. С. 56–71; *Он же*. О составе Высшего совета юстиции Королевства Бельгия и требованиях, предъявляемых к его членам // Право и образование. 2016. № 2. С. 100–106; *Он же*. О составе и структуре Высшего совета магистратуры Итальянской Республики // Административное и муниципальное право. 2017. № 3. С. 1–10; *Он же*. О полномочиях Генерального совета судебной власти Королевства Испания // Право и государство: теория и практика. 2017. № 1. С. 36–39; *Он же*. Порядок формирования Высшего совета магистратуры Итальянской Республики и правовое положение его членов // Право и образование. 2017. № 1. С. 98–106; *Он же*. Рабочие органы и персонал Генерального совета судебной власти Королевства Испания // Право и образование. 2019. № 3. С. 126–137; *Он же*. Состав Генерального совета судебной власти Королевства Испания, порядок его формирования // Юридические исследования. 2017. № 3. С. 1–9.

² Ley del Consejo de la Magistratura (Texto Ordenado por Decreto № 816/1999). URL: <http://servicios.infoleg.gov.ar/infolegInternet/anexos/45000-49999/48231/texact.htm> (дата обращения: 31.03.2020).

³ Constitucion de la Nacion Argentina de 1853. URL: <http://servicios.infoleg.gov.ar/infolegInternet/anexos/0-4999/804/norma.htm> (дата обращения: 31.03.2020).

— шестерых представителей законодательной власти. Для этой цели председатели Сената и Палаты депутатов (соответственно, верхней и нижней палат парламента страны) по предложению парламентских блоков политических партий назначают трех представителей законодательной власти из каждой партии, два из которых представляют большинство, один — первое меньшинство;

— одного представителя исполнительной власти.

Таким образом, мы видим, что в Совете магистратуры обеспечено сбалансированное представительство как различных ветвей власти, так и юридической, а также научной общественности.

В СОВЕТЕ МАГИСТРАТУРЫ ОБЕСПЕЧЕНО СБАЛАНСИРОВАННОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО КАК РАЗЛИЧНЫХ ВЕТВЕЙ ВЛАСТИ, ТАК И ЮРИДИЧЕСКОЙ, А ТАКЖЕ НАУЧНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Члены Совета магистратуры при вступлении в должность приносят перед председателем Верховного суда Аргентинской Республики присягу о том, что будут добросовестно исполнять свои обязанности.

В Совете магистратуры также реализован **институт заместителей**. Так, каждый член Совета имеет заместителя, который избирается в том же порядке (подробнее см. далее) и исполняет обязанности члена Совета магистратуры в случае его отставки, отстранения от должности или смерти.

В Совете магистратуры также реализован **институт заместителей**. Так,

Срок полномочий членов Совета магистратуры составляет четыре года, и они не могут быть избраны на два срока подряд. Если члены Совета магистратуры, которые

в момент избрания являлись представителями академического и научного сообщества, действующими судьями, представителями законодательной власти или адвокатами, включенными в федеральный реестр, утратят такой статус, они выходят из состава Совета магистратуры, а их полномочия до истечения их срока осуществляют заместители или вновь назначенные представители в порядке, предусмотренном Законом о Совете магистратуры.

СРОК ПОЛНОМОЧИЙ ЧЛЕНОВ СОВЕТА МАГИСТРАТУРЫ СОСТАВЛЯЕТ ЧЕТЫРЕ ГОДА, И ОНИ НЕ МОГУТ БЫТЬ ИЗБРАНЫ НА ДВА СРОКА ПОДРЯД

Такого замещения не считается периодом для целей переизбрания.

Кроме того, Законом детально регламентирована **процедура избрания представителей академического и научного сообщества, судей и адвокатов, включенных в федеральный реестр, в состав Совета магистратуры**. Выборы производятся одновременно с общенациональными выборами, на которых избирается президент Республики.

Члены Совета магистратуры избираются по предварительному списку кандидатов, выдвинутых национальными политическими партиями, которые формируют предварительные списки кандидатов в президенты страны, посредством первичных обязатель-

ных и открытых выборов. Политические партии не могут быть созданы с единственной целью выдвижения кандидатов в состав Совета магистратуры. Кандидаты не могут претендовать на несколько должностей и не могут быть выдвинуты несколькими политическими партиями.

Составляется единый список предварительных кандидатов и, в соответствующих случаях, кандидатов в состав Совета магистратуры, в который включаются четыре представителя академического и научного сообщества и два заместителя, два судьи и один заместитель, два адвоката, включенных в федеральный реестр, и один заместитель. Данный список вносится в избирательный бюллетень, в который включаются кандидаты в органы законодательной власти от партии, которой они выдвигаются.

Партия выражает волеизъявление о включении кандидатов в указанный список путем подачи согласия национального поверенного в Федеральный суд по избирательным делам федеральной столицы. Регистрация кандидатов и запрос о придании официального статуса списков кандидатов в состав Совета магистратуры производятся в одном и том же суде.

Процедура избрания представителей академического и научного сообщества, судей и адвокатов, включенных в федеральный реестр, в состав Совета магистратуры во всем, что не предусмотрено Законом о Совете магистратуры и не противоречит ему, регламентируется нормами избирательного законодательства.

Рассмотрим **основные требования к членам Совета магистратуры.**

Чтобы стать таковым, необходимо отвечать минимальным требованиям, предъявляемым к депутатам. Не могут быть членами Совета магистратуры лица, занимавшие руководящую должность или состоявшие на государственной службе в период последней военно-гражданской диктатуры (специфика исторического развития Аргентины, пережившей не одну диктатуру), или лица, которые не соблюдают этические нормы, что проявляется в неуважении к демократическим институтам и правам человека.

Для членов Совета магистратуры действует принцип неприкосновенности, а также требования в части несовместимости должностей, установленные применительно к их статусу по основной занимаемой ими должности. Для представителей органов исполнительной власти, адвокатов, представителей академического и научного сообщества, которые являются членами Совета магистратуры, действует принцип неприкосновенности и требования в части несовместимости должностей, установленные для судей.

**ПРОЦЕДУРА ИЗБРАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
АКАДЕМИЧЕСКОГО И НАУЧНОГО
СООБЩЕСТВА, СУДЕЙ И АДВОКАТОВ,
ВКЛЮЧЕННЫХ В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ РЕЕСТР,
В СОСТАВ СОВЕТА МАГИСТРАТУРЫ
ВО ВСЕМ, ЧТО НЕ ПРЕДУСМОТРЕНО
ЗАКОНОМ О СОВЕТЕ МАГИСТРАТУРЫ
И НЕ ПРОТИВОРЕЧИТ ЕМУ,
РЕГЛАМЕНТИРУЕТСЯ НОРМАМИ
ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Члены Совета магистратуры **не вправе принимать участие в конкурсе на замещение должностей судей и не могут получать повышения по службе**, если они уже являются таковыми, в период осуществления полномочий в составе Совета магистратуры и в течение одного года после истечения срока, на который они были в него назначены.

Теперь дадим краткую характеристику **органам управления и структурным подразделениям Совета магистратуры**.

Общее управление Советом магистратуры осуществляют его **председатель, а также заместитель председателя**.

Председатель избирается простым большинством голосов от общего числа членов Совета магистратуры и осуществляет полномочия, которые возложены на него Законом о Совете магистратуры и регламентами, принимаемыми Советом. Срок его полномочий составляет один год с правом переизбрания через один срок. Председатель имеет те же права и несет те же обязанности, что и другие члены Совета. Он имеет право голоса, а в случае разделения голосов поровну его голос засчитывается за два.

Заместитель председателя избирается простым большинством голосов от общего числа членов Совета магистратуры и выполняет административные функции, установленные внутренними регламентами. Он также замещает председателя в случае его отсутствия, отставки, невозможности исполнения им своих обязанностей или смерти. Срок его полномочий составляет один год с правом переизбрания через один срок.

В качестве **структурных подразделений Совета магистратуры можно выделить комиссии, административно-финансовое управление и генеральный секретариат**.

В составе Совета магистратуры имеются четыре комиссии, формируемые следующим образом:

1) комиссия по отбору судей и делам Судебной школы: два судьи, три представителя законодательной власти, два адвоката, представитель исполнительной власти и три представителя академического и научного сообщества;

2) комиссия по дисциплинарным вопросам и предъявлению обвинения: два судьи, три представителя законодательной власти, два адвоката, три представителя академического и научного сообщества и представитель исполнительной власти;

3) комиссия по административным и финансовым вопросам: два судьи, два представителя законодательной власти, один адвокат, представитель исполнительной власти и три представителя академического и научного сообщества;

4) комиссия по регламентам: два судьи, три представителя законодательной власти, один адвокат и три представителя академического и научного сообщества.

Заседания комиссий являются открытыми. Каждая комиссия устанавливает распорядок своей работы и избирает из числа членов Совета магистратуры председателя

со сроком полномочий один год, который может быть однократно переизбран на эту должность.

Рассмотрим **функции комиссий** подробнее.

Комиссия по отбору судей и делам Судебной школы

В компетенцию комиссии входит объявление открытых конкурсов на замещение вакантных должностей судей, подведение их итогов, назначение жюри, оценка личности и деловых качеств кандидатов, выработка предложений по формированию списков из трех кандидатов для вынесения на пленарное заседание Совета магистратуры, а также выполнение других функций, предусмотренных Законом о Совете магистратуры и соответствующим регламентом.

Комиссия также осуществляет руководство деятельностью Судебной школы с целью обеспечения подготовки и повышения квалификации государственных служащих и кандидатов на должности судей.

Прохождение обучения на курсах или по программам постуниверситетского образования в Судебной школе Совета магистратуры или других учебных заведениях, утвержденных Министерством юстиции и прав человека, учитывается при проведении конкурсов для назначения судей и при продвижении по службе лиц, работающих в судебных органах, как специально соответствующее.

В полномочия комиссии также входит выработка **предложений о назначении национальных и федеральных заместителей судей** в соответствии с действующими нормативными актами и внесение данных предложений на рассмотрение пленарного заседания.

Комиссия по дисциплинарным вопросам и предъявлению обвинения

В компетенцию данной комиссии входит вынесение на пленарное заседание Совета магистратуры предложений по наложению дисциплинарных взысканий на судей, заместителей судей и судей в отставке, осуществляющих полномочия, а также выдвижение против них обвинения для отстранения от должности.

Комиссия по регламентам

В компетенцию комиссии входит:

— анализ и подготовка заключения по проектам регламентов, направляемых ей председателем Совета магистратуры, пленарным заседанием и комиссиями;

— подготовка проектов регламентов по поручению органов, указанных в предыдущем пункте;

— в рамках подготовки заключений представление на рассмотрение пленарного заседания через председателя Совета магистратуры предложений по внесению изменений и дополнений в действующие регламенты с целью их совершенствования, обновления, переработки или пересмотра;

— подготовка заключения по требованию председателя, пленарного заседания, других комиссий или любого члена Совета магистратуры в случае возникновения разногласий при толковании регламентов, подлежащих применению.

Комиссия по административным и финансовым вопросам

В компетенцию данной комиссии входит контроль за деятельностью административно-финансового управления, осуществление аудиторских проверок и контроль за соблюдением законности органами судебной власти. О выполнении этих задач комиссия регулярно информирует Совет магистратуры на его пленарных заседаниях.

Административно-финансовое управление

Административно-финансовое управление находится под руководством главного администратора органов судебной власти и выполняет следующие функции:

— разрабатывает предварительный годовой проект бюджета органов судебной власти и представляет его для рассмотрения председателем Совета магистратуры;

— исполняет годовой бюджет органов судебной власти;

— руководит деятельностью управления по подготовке смет и производит расчет и выплату заработной платы;

— руководит деятельностью управления по вопросам структуры судебной системы;

— ведет статистику и электронный судебный реестр;

— выносит на рассмотрение комиссии по административным и финансовым вопросам предложения по вопросу приобретения, строительства и продажи объектов недвижимого имущества и распоряжения движимым имуществом, применяя процедурные нормы, обеспечивающие свободную и равную конкуренцию участников торгов;

— ведет инвентарный учет и реестр назначения движимого и недвижимого имущества;

— проводит закупки для органов судебной власти, согласовывая потребности в расходных материалах и других ресурсах с различными судами, применяя процедурные нормы, обеспечивающие свободную и равную конкуренцию участников торгов;

— вносит предложения относительно внутренних регламентов, необходимых для осуществления деятельности, регламентов по управлению финансами органов судебной власти и других регламентов, необходимых для эффективного отправления правосу-

дия, включая предложения относительно упразднения, преобразования или объединения вышеуказанных подразделений;

— выполняет другие функции, предусмотренные внутренними регламентами.

На решения главного администратора органов судебной власти может быть подана жалоба только в Совет магистратуры, которая рассматривается на его пленарном заседании. Жалоба также должна быть предварительно рассмотрена комиссией по административным и финансовым делам, которая выносит заключение.

Генеральный секретариат

Генеральный секретариат оказывает непосредственную помощь председателю, заместителю председателя и Совету магистратуры на его пленарном заседании, организует созыв пленарного заседания, координирует действия комиссий Совета магистратуры, готовит повестку дня и обеспечивает ведение протоколов. Генеральный секретариат также выполняет другие функции, предусмотренные внутренними регламентами. Руководитель генерального секретариата не может быть членом Совета магистратуры.

Совет магистратуры осуществляет свою деятельность в пленарных заседаниях, а также посредством создаваемых им комиссий, административно-финансового управления и генерального секретариата.

Наиболее широкие полномочия предоставлены именно **пленарному заседанию Совета магистратуры**.

Такого рода полномочия можно условно **разделить на несколько видов**.

1. Полномочия общего и организационно-кадрового характера:

— принимать свой общий регламент;

— принимать регламенты, необходимые для осуществления полномочий, предусмотренных Национальной конституцией и Законом о Совете магистратуры, с целью обеспечения эффективного отправления правосудия;

— назначать председателя и заместителя председателя Совета магистратуры из числа своих членов;

— назначать членов каждой комиссии простым большинством голосов от числа присутствующих членов Совета магистратуры;

— освобождать судей, адвокатов, включенных в федеральный реестр, представителей академического и научного сообщества, входящих в состав Совета магистратуры, от исполнения их обязанностей тремя четвертями голосов от общего числа членов Совета магистратуры, используя для этого процедуру, которая гарантирует право обвиняемого на защиту. Основанием для этого является ненадлежащее исполнение ими соответствующих обязанностей либо совершение преступления в ходе исполнения

своих функций. Лицо, в отношении которого выдвинуто обвинение, не вправе принимать участие в голосовании при разрешении данного вопроса;

— устанавливать регламенты генерального секретариата, административно-финансового управления, ревизионного органа судебной власти и других вспомогательных подразделений, которые создает Совет магистратуры;

— рассматривать предварительный проект годового бюджета органов судебной власти, который представляет председатель Совета магистратуры, и предлагать замечания для их направления в Верховный суд Аргентинской Республики, соблюдая требования прозрачности и эффективного управления государственными средствами;

— назначать ряд должностных лиц, в том числе: генерального управляющего органами судебной власти Аргентинской Республики, генерального секретаря Совета магистратуры и секретаря ревизионного органа судебной власти по предложению председателя Совета магистратуры, а также руководителей создаваемых вспомогательных подразделений и освобождать назначенных лиц от должности простым большинством голосов от общего числа членов Совета магистратуры;

— определять кадровый состав аппарата Совета магистратуры, определять количество и категории должностей, требуемых для организации его деятельности, утверждать процедуру квалификационного отбора и замещения новых должностей, обеспечивать замещение должностей и осуществлять перераспределение или перевод сотрудников на другое место работы;

— осуществлять управление кадрами аппарата Совета магистратуры, включая организацию повышения квалификации, прием и продвижение по службе, а также установление размера оклада.

2. Полномочия, связанные с формированием судейского корпуса и повышением его квалификации:

— регламентировать процедуру проведения открытых конкурсов на замещение вакантных должностей с обязательным установлением предусмотренных законодательством механизмов. Для этой цели, среди прочих условий, Совет магистратуры должен: незамедлительно объявлять об открытии новых конкурсов при появлении соответствующих вакантных должностей; оперативно и эффективно проводить конкурсы и обрабатывать их результаты; осуществлять контроль за обеспечением равного доступа при поступлении на судебную службу на конкурсной основе; обеспечивать равенство и не допускать дискриминации при проведении конкурсов на замещение должностей судей среди лиц, имеющих соответствующую квалификацию в области профессиональной, академической или научной деятельности, а также лиц, работающих в судебных органах; обеспечивать постоянное повышение квалификации;

— простым большинством голосов от общего числа членов Совета магистратуры поручить комиссии по отбору судей и делам Судебной школы объявлять конкурсы до появления вакантных должностей, руководствуясь законодательством о судебной си-

стеме и юрисдикцией. Кандидаты, утвержденные для участия в конкурсе, вносятся в список, срок действия которого составляет пять лет. В течение этого периода, в зависимости от появившихся вакантных должностей, Совет магистратуры на пленарном заседании определяет количество списков из трех кандидатов, включенных в список, в порядке очередности. После того, как указанные списки из трех кандидатов будут сформированы, поименный список кандидатов утрачивает силу;

— утверждать результаты конкурсов и представлять органам исполнительной власти обязательные списки из трех кандидатов на должности судей простым большинством голосов от общего числа членов Совета магистратуры;

— организовывать деятельность Судебной школы, принимать ее регламент, утверждать ее учебные программы, определять значимость пройденных кандидатами программ для их последующего участия в конкурсе для назначения судей и государственных служащих и планировать курсы повышения квалификации для судей, государственных служащих и работников органов судебной власти с целью эффективного отправления правосудия по согласованию с комиссией по отбору судей и делам Судебной школы;

— принимать регламенты для назначения заместителей судей и назначать заместителей судей в случае временного освобождения или временного отстранения судьи от должности, а также в случае появления вакантных должностей в нижестоящих судах в соответствии с действующим законодательством.

3. Дисциплинарные полномочия:

— принимать решение о начале процедуры отстранения от должности судей, заместителей судей и судей в отставке, осуществляющих полномочия. Получив заключение комиссии по дисциплинарным вопросам и предъявлению обвинения, выдвигать обвинение перед судебной дисциплинарной коллегией. При необходимости принимать решение о временном отстранении судьи от должности. Для принятия указанного решения необходимо простое большинство голосов от общего числа членов Совета магистратуры. Это решение не подлежит какому-либо обжалованию в судебном или административном порядке. Решение о возбуждении процедуры отстранения от должности должно быть принято в течение трех лет с момента подачи жалобы на судью. Если по истечении указанного срока комиссия не рассмотрит дело, оно представляется для немедленного рассмотрения на пленарном заседании Совета магистратуры;

— по предложению комиссии по дисциплинарным вопросам и предъявлению обвинения налагать взыскания на судей, заместителей судей и судей в отставке, осуществляющих полномочия. Соответствующие решения должны приниматься простым большинством голосов от числа членов Совета, присутствующих на заседании. Совет магистратуры также осуществляет дисциплинарные полномочия в отношении государственных служащих и работников органов судебной власти Аргентинской Республики в соответствии с действующими законами и регламентами. Решение о возбуждении процедуры должно быть принято в течение трех лет с момента подачи жалобы на судью. Если по истечении указанного срока комиссия не рассмотрит дело, оно представляется для немедленного рассмотрения на пленарном заседании Совета магистратуры;

— восстанавливать в должности судей, заместителей судей и судей в отставке, осуществляющих полномочия, временно отстраненных от исполнения своих обязанностей, если они, представ перед судебной дисциплинарной коллегией, не были сняты с должности либо если судебная дисциплинарная коллегия не приняла решение в установленный срок.

Совет магистратуры собирается на открытые ординарные пленарные заседания с периодичностью, устанавливаемой его внутренним регламентом или по решению его председателя (в его отсутствие — заместителя председателя) либо по требованию восьми его членов.

РАССМОТРЕНИЕ ДЕЛ СОВЕТОМ МАГИСТРАТУРЫ, В ЧАСТНОСТИ ЖАЛОБ, ПОДАННЫХ НА СУДЕЙ, — ОТКРЫТОЕ

Рассмотрение дел Советом магистратуры, в частности жалоб, поданных на судей, — открытое.

Кворум для проведения заседания составляет десять членов Совета магистратуры. Решения принимаются простым большинством голосов от

числа членов Совета магистратуры, присутствующих на заседании, если Законом о Совете магистратуры не предусмотрено квалифицированное большинство.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что **Совет магистратуры Аргентины обладает не только широкими организационно-распорядительными полномочиями, но и весьма эффективным механизмом для их реализации.**

О мерах по предупреждению банкротства стратегических предприятий и организаций

В СТАТЬЕ РАССМОТРЕНЫ МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ИХ БАНКРОТСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. ОСУЩЕСТВЛЕН АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЙ ПРОЕКТА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ „О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)“ И „ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ“ В ЧАСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕДУР, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ». СДЕЛАН ВЫВОД О НЕДОПУСТИМОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРИЗНАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ПРОЕКТОМ МЕР, НАРУШАЮЩИХ ПРАВА КРЕДИТОРОВ ОРГАНИЗАЦИЙ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ, ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПОРОЖДАЮЩИХ БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ТАКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ.

Олег Григорьевич Мишаков,
соискатель Института государства и права
Российской академии наук

Ключевые слова: стратегические организации, несостоятельность (банкротство), предупреждение банкротства, кредиторы, единый производственно-технологический комплекс

Количество банкротств стратегических организаций в России за последние годы существенно возросло¹. Эта тенденция негативно сказывается как на состоянии российской экономики в целом, так и на ее военном потенциале, поскольку санкционная политика в отношении отечественных компаний, несовершенство банкротного законодательства и совокупность иных не менее значимых причин приводят к тому, что в результате банкротства стратегические предприятия и организации лишаются основных производственных мощностей и ликвидируются.

¹ Статистика по делам о банкротстве за первое полугодие 2019 г. URL: <https://долг.рф/stat/ekonomika/statistika-po-delam-o-bankrotstve-za-pervoe-polugodie-2019-goda> (дата обращения: 24.03.2020).

Несомненно, в этих условиях одной из приоритетных целей государственной поддержки стратегических предприятий и организаций является предупреждение их банкротства, т.е. поиск и устранение факторов, приводящих к несостоятельности.

ОДНОЙ ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ ЦЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ ЯВЛЯЕТСЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ИХ БАНКРОТСТВА, Т.Е. ПОИСК И УСТРАНЕНИЕ ФАКТОРОВ, ПРИВОДЯЩИХ К НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Для этого еще в 2006 г. Правительством РФ был разработан комплекс мероприятий по предупреждению банкротства стратегических организаций, предусматривающих в том числе учет и анализ финансового состояния таких организаций, их реорганизацию, проведение досудебной санации и реструктуризации имеющейся задолженности, а также иные, в частности правовые, меры². В 2011 г. Правительством был внесен в Государственную Думу проект федерального закона № 497144-5 «О внесении изменений в федераль-

ные законы „О несостоятельности (банкротстве)“ и „Об исполнительном производстве“ в части совершенствования процедур, применяемых в деле о банкротстве стратегических организаций» (далее — Законопроект), направленный на защиту стратегических организаций от необоснованного банкротства и формального применения банкротных процедур, которые приводят к утрате производственных комплексов этих субъектов, имеющих особое значение для экономики, обороноспособности и безопасности России, защиты нравственности, прав и законных интересов российских граждан.

На сегодняшний день Законопроект так и не принят, хотя он предусматривает меры по сдерживанию роста числа банкротств стратегических организаций и содержит немало прогрессивных идей. В частности, в нем предусматривается изменение признаков несостоятельности стратегических организаций в части увеличения суммы задолженности (более чем 5 млн руб.) и срока неисполнения обязательств (6 месяцев с даты их исполнения). Устанавливаются еще более строгие в сравнении с действующими требования к арбитражному управляющему, назначаемому для ведения рассматриваемых процедур. Так, арбитражный управляющий должен участвовать не менее чем в трех процедурах, применяемых в деле о банкротстве, за исключением процедур, применяемых в деле о банкротстве отсутствующего должника, из которых не менее одной должно быть завершено прекращением производства в связи с восстановлением платежеспособности должника, или в связи с удовлетворением всех требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, или в связи с заключением мирового соглашения; у него должна отсутствовать неснятая или непогашенная судимость; в течение последних трех лет отсутствовать случаи привлечения к административной ответственности за правонарушения в сфере законодательства о несостоятельности (банкротстве) и др. (ст. 193 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) в ред. Законопроекта).

² См.: Постановление Правительства РФ от 22.05.2006 № 301 «О реализации мер по предупреждению банкротства стратегических предприятий и организаций, а также организаций оборонно-промышленного комплекса».

Суть предлагаемых Законопроектом изменений заключается в совершенствовании процедур финансового оздоровления и внешнего управления, которые в настоящее время недостаточно эффективны в отношении стратегических организаций, а также в выделении в составе имущества данных организаций единого производственно-технологического комплекса (далее — ЕПТК), т.е. имущества, непосредственно используемого для основной производственной деятельности стратегической организации (п. 6 ст. 190 Закона о банкротстве в ред. Законопроекта), на приобретение которого Российской Федерации предоставлено преимущественное право (п. 1 ст. 195.1 Закона о банкротстве в ред. Законопроекта).

СУТЬ ПРЕДЛАГАЕМЫХ ЗАКОНОПРОЕКТОМ ИЗМЕНЕНИЙ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРОЦЕДУР ФИНАНСОВОГО ОЗДОРОВЛЕНИЯ И ВНЕШНЕГО УПРАВЛЕНИЯ, КОТОРЫЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НЕДОСТАТОЧНО ЭФФЕКТИВНЫ В ОТНОШЕНИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Законопроект содержит и иные значимые изменения, которые, как следует из имеющихся на этот счет научных публикаций, концептуально одобряются экспертами³. Однако отдельные поправки вызывают опасение у кредиторов стратегических организаций, поскольку могут повлечь негативные для них последствия⁴. В частности, отмечается, что:

— введение финансового оздоровления стратегических организаций при отсутствии возможности восстановить платежеспособность может увеличить уже имеющуюся задолженность и снизить процент удовлетворения требований кредиторов;

— установление обязанности арбитражного суда ввести процедуру внешнего управления вопреки позиции кредиторов по ходатайству уполномоченного государственного органа фактически позволяет по его решению не выполнять обязательства стратегической организации на срок до 5 лет;

— закрепление закрытого перечня мер по восстановлению платежеспособности стратегической организации может снизить эффективность внешнего управления и поставить под угрозу признания незаконными преобразований, которые могут совершаться внешним управляющим для восстановления платежеспособности должника⁵.

Критику вызвало и предложение о безвозмездном изъятии стратегических организаций в пользу государства — в том случае, если покупатель не обеспечил сохранение целевого назначения ЕПТК⁶. В Законе о банкротстве аналогичная правовая норма действует в отношении стратегических организаций, выполняющих работы по госу-

³ См., напр.: *Гаврилов С.А.* Развитие правового регулирования несостоятельности (банкротства) в России. URL: <http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-26/II/Gavrilov.pdf> (дата обращения: 24.03.2020).

⁴ См. об этом: *Шохин А.Н.* Крупный бизнес напугали поправки о банкротстве стратегических предприятий. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/09/2015/55f705479a79474155327294> (дата обращения: 24.03.2020).

⁵ См.: Замечания и предложения Российского союза промышленников и предпринимателей к проекту федерального закона № 497144-5 «О внесении изменений в Федеральные законы „О несостоятельности (банкротстве)“ и „Об исполнительном производстве“ в части совершенствования процедур, применяемых в деле о банкротстве стратегических организаций». URL: <https://media.rspp.ru/document/1/5/4/54575f928cfc32e4b68a492c026d3b0f.pdf> (дата обращения: 24.03.2020).

⁶ Там же.

дарственному оборонному заказу, обеспечению федеральных государственных нужд в области поддержания обороноспособности и безопасности России. Так, согласно ст. 195 в случае существенного нарушения покупателем условий конкурса об обеспечении сохранности целевого назначения имущества должника мобилизационного назначения договор купли-продажи такого предприятия подлежит расторжению, а предприятие — передаче в федеральную собственность. При этом указанная норма не предусматривает выплату покупателю какой-либо соразмерной компенсации.

В правовой доктрине высказываются две противоположные точки зрения относительно обоснованности приведенного законодательного подхода. По мнению одних авторов, рассматриваемая правовая норма предоставляет федеральной собственности чрезмерную защиту, нарушая права кредиторов и принцип равной защиты форм собственности. Например, А.Н. Шохин утверждает, что безвозмездное изъятие стратегических организаций в пользу государства ущемляет права кредиторов и несет опасность для бизнеса⁷. О.А. Москвитин подчеркивает, что согласно Гражданскому кодексу (ГК) РФ при расторжении договора купли-продажи продавец в лице государства вправе вернуть назад свое имущество, однако должен передать покупателю уплаченные за него денежные средства. Тем самым возврат «стратегов» в казну не должен быть безвозмездным⁸.

Другие ученые настаивают на конфискационном характере рассматриваемой меры, применение которой не предполагает выплату покупателю какой-либо компенсации⁹.

ПО СВОЕЙ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ВОЗВРАТ ПРЕДПРИЯТИЯ В ФЕДЕРАЛЬНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ ЯВЛЯЕТСЯ СПОСОБОМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРОДАВЦА ПО ДОГОВОРУ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ПРЕДПРИЯТИЯ И СЛЕДСТВИЕМ НАРУШЕНИЯ ПОКУПАТЕЛЕМ УСЛОВИЙ ДАННОГО ДОГОВОРА. ПРИ ЭТОМ В ОТЛИЧИЕ ОТ КОНФИСКАЦИИ, ПРИ КОТОРОЙ СОГЛАСНО СТ. 243 ГК РФ У СОБСТВЕННИКА В КАЧЕСТВЕ САНКЦИИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ МОЖЕТ БЫТЬ ИЗЪЯТО ЛЮБОЕ ИМУЩЕСТВО, ОБЪЕКТОМ ВОЗВРАТА МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО ПРЕДМЕТ ПРЕКРАЩАЕМОГО ДОГОВОРНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Данное мнение отстаивают и представители Минэкономразвития, поскольку передача предприятия-должника в федеральную собственность предусмотрена только в случае существенного нарушения покупателем условий конкурса, а это может создать угрозу национальной безопасности России и риски невыполнения государственного оборонного заказа¹⁰.

Полагаем, что вторую позицию нельзя признать обоснованной. По своей правовой природе возврат предприятия в федеральную собственность является способом защиты прав продавца по договору купли-продажи предприятия и следствием нарушения покупателем условий данного договора. При этом в отличие от конфиска-

⁷ Шохин А.Н. Указ. соч.

⁸ См.: Крупный бизнес опасается, что из-за новых поправок правительства государство сможет безвозмездно изымать стратегические компании и нарушать финансовые права кредиторов при банкротстве. URL: http://www.lin.ru/news_item.htm?id=6191872854997796183 (дата обращения: 24.03.2020).

⁹ См., напр.: Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / под ред. В.В. Витрянского. М., 2003. С. 36.

¹⁰ Стенограмма к законопроекту № 497144-5 «О внесении изменений в Федеральные законы „О несостоятельности (банкротстве)“ и „Об исполнительном производстве“ в части совершенствования процедур, применяемых в деле о банкротстве стратегических организаций». URL: <https://lawmon.ru/law/497144-5.html> (дата обращения: 24.03.2020).

ции, при которой согласно ст. 243 ГК РФ у собственника в качестве санкции за совершение правонарушения может быть изъято любое имущество, объектом возврата может быть только предмет прекращаемого договорного обязательства.

Поскольку в рассматриваемом случае предметом договора купли-продажи является предприятие, возврат исполненного при расторжении данного договора может быть охарактеризован как исключительный на фоне общего запрета недопустимости возврата исполненного по договору (п. 4 ст. 453 ГК РФ). В частности, из ст. 566 ГК РФ следует, что правила о расторжении договора купли-продажи, предусматривающие возврат или взыскание в натуре полученного по договору с одной или с обеих сторон, применяются к договору продажи предприятия, если такие последствия существенно не нарушают права и охраняемые законом интересы кредиторов продавца и покупателя, других лиц и не противоречат общественным интересам. Следовательно, расторжение договора купли-продажи предприятия на основании данной правовой нормы должно повлечь не только передачу предприятия в федеральную собственность, но и возврат покупателю средств, затраченных на его приобретение. Также должно быть учтено состояние передаваемого в федеральную собственность объекта.

В одном из дел Президиум Высшего Арбитражного Суда (ВАС) РФ указал, что на момент продажи предприятие находилось в аварийном состоянии и было приобретено по незначительной цене. В дальнейшем оно было восстановлено покупателем за свой счет, на дату предъявления продавцом требования о его возврате являлось действующим и включало больше объектов, чем было продано по договору купли-продажи. Суды первой и апелляционной инстанций необоснованно оставили без внимания данные факты, чем нарушили права и охраняемые законом интересы истца (покупателя)¹¹.

Также обратим внимание на то, что отстаиваемый нами подход поддержан законодателем в п. 3 ст. 201 Закона о банкротстве при формулировании особенностей продажи имущества должника — субъекта естественной монополии: при неисполнении покупателем имущества должника, используемого для производства товаров (работ, услуг) в условиях естественной монополии, обязательных условий такого договора, он подлежит расторжению арбитражным судом. Имущество передается в федеральную собственность, а покупателю за счет средств федерального бюджета возмещаются средства, затраченные на его приобретение.

По нашему мнению, аналогичное правило должно быть воспринято при законодательном совершенствовании п. 9 ст. 195 Закона о банкротстве и дальнейшей доработке положений Законопроекта. В обратном случае действующее и предлагаемое на сегодняшний день правовое регулирование нарушает принципы равной защиты форм собственности и равенства участников отношений, регулируемых гражданским законодательством (ч. 2 ст. 8 Конституции, п. 1 ст. 1 ГК РФ). Это также касается содержащегося в Законопроекте предложения о введении процедур финансового оздоровления и внешнего управления стратегических организаций вопреки решению собрания кредиторов, в том числе без предоставления какого-либо обеспечения. Исходя из этого, в случае неэффективности данных реабилитационных процедур кредиторы

¹¹ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.02.2001 № 60 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением арбитражными судами Федерального закона „О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации“» (п. 5).

рискует остаться без причитающихся им денежных средств. Однако в Законопроекте на этот счет отсутствуют какие-либо гарантии защиты их интересов.

Оценивая в целом положения Законопроекта, заметим, что в современный период стратегические предприятия, несомненно, нуждаются в государственной поддержке и принятии мер по предупреждению их банкротства. В связи с этим считаем вполне оправданными предложения авторов Законопроекта о повышении требований к арбитражному управляющему по таким делам, об усилении роли профильных министерств по отношению к деятельности стратегических предприятий, а также установлению исполнительного иммунитета в отношении имущества, входящего в состав ЕПТК. Дополним, что аналогичная положительная практика имеется в законодательстве Германии в отношении юридических лиц применительно к публичному праву. Так, абз. 2 § 882a Гражданского процессуального кодекса ФРГ не до-

пускает принудительное взыскание в отношении объектов, которые являются крайне необходимыми для выполнения публичных задач должником, либо в отношении вещей, отчуждению которых противостоит публичный интерес¹².

**ПРИНЯТИЕ ГОСУДАРСТВОМ МЕР
ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ БАНКРОТСТВА
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
НЕ ДОЛЖНО СОЗДАВАТЬ ПОЧВУ
ДЛЯ РАЗЛИЧНЫХ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЙ
И СПОСОБСТВОВАТЬ НИЗКОЙ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САМИХ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ДЕЛАЯ
ИХ БЕЗОТВЕТСТВЕННЫМИ СУБЪЕКТАМИ
ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ**

В то же время, по нашему убеждению, принятие государством мер по предупреждению банкротства стратегических организаций не должно создавать почву для различных злоупотреблений и способствовать низкой эффективности деятельности самих стратегических организаций, делая их безответственными субъектами гражданских правоотношений.

В юридической литературе по этому поводу справедливо отмечалось, что «излишняя поддержка стратегических предприятий нарушает естественную конкуренцию и, может быть, возвращает экономику к докризисному периоду, но точно не помогает ей прогрессировать»¹³.

В свете сказанного полный запрет на применение к стратегическим организациям норм о несостоятельности (банкротстве) видится недопустимым. Это было бы возможно, если бы публичное образование отвечало по долгам данных организаций, как, например, в случае с казенными предприятиями (ст. 15 ГК РФ). Однако, как верно писал еще в 1990-е гг. А. Ершов, «принятие таких обязательств по всем стратегическим организациям для государства обременительно и малоэффективно»¹⁴. Это актуально и для современной России.

¹² URL: <https://lawbook.online/protsess-zarubejnyih-grajdanskij-grajdanskij-protsessualnyiy-kodeks-56683.html> (дата обращения: 24.03.2020).

¹³ Шаститко А., Авдашева С., Голованова С. Конкурентная политика в период кризиса // Вопросы экономики. 2009. № 3. С. 54–69.

¹⁴ Ершов А. Дело о первом банкротстве в России // Закон. 1994. № 2. С. 9–11.

Кроме того, отсутствие дисциплинирующего воздействия законодательства о банкротстве лишает данных субъектов, в частности их менеджмент, стимулов для эффективного управления. В научной литературе обоснованно подчеркивается, что если ответственность за неэффективную деятельность законодательством не предусмотрена, то «можно плодить такие предприятия, не имея необходимости внедрения лучших практик управления, прогрессивных технологий и сокращения неэффективных производств»¹⁵. Следовательно, активы таких организаций не переходят к тем собственникам, которые могли бы их использовать наиболее эффективным способом. Поэтому в отдельных случаях для сохранения стратегически важных производств максимально разумным представляется не запрет на применение инструментария о банкротстве, а, напротив, его контролируемое использование, в том числе в целях реализации производственных активов более эффективным собственникам.

**ОТСУТСТВИЕ ДИСЦИПЛИНИРУЮЩЕГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О БАНКРОТСТВЕ ЛИШАЕТ
ДАННЫХ СУБЪЕКТОВ,
В ЧАСТНОСТИ ИХ МЕНЕДЖМЕНТ,
СТИМУЛОВ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ**

В качестве общего вывода отметим, что принятие государством мер по сохранению и предупреждению банкротства стратегически важных организаций, несмотря на особую значимость таких организаций, не должно нарушать права кредиторов и принципы правового регулирования гражданских отношений: возможность несоблюдения общих для всех участников гражданского оборота правил не только порождает безответственность данных субъектов, но и, как верно заметил Е.А. Суханов, «превращает их в весьма опасных контрагентов»¹⁶.

¹⁵ Управление хозяйственной деятельностью муниципальных образований: учеб. пособие / под ред. Э. Маркварта. М., 2015. С. 78.

¹⁶ Суханов Е.А. О гражданской правосубъектности государственных юридических лиц // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 5–15.

ПРОТОКОЛ № 18 заседания Научно- консультативного совета при Арбитражном суде Московского округа

г. Москва

29 ноября 2019 г.

Присутствовали:

члены Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Московского округа:

от Арбитражного суда Московского округа:

председатель суда кандидат юридических наук Кресс В.В.; заместитель председателя суда Окулова Н.О.; заместитель председателя суда Карпова Г.А.; заместитель председателя суда Буянова Н.В.; председатель 1-го судебного состава кандидат юридических наук Анциферова О.В.; председатель 2-го судебного состава Латыпова Р.Р.; председатель 5-го судебного состава Краснова С.В.; председатель 7-го судебного состава Мысак Н.Я.; судья Дунаева Н.Ю.; судья доктор юридических наук Зверева Е.А.; судья Кобылянский В.В.; судья Кузнецов В.В.; судья кандидат юридических наук Малюшин А.А.; судья кандидат психологических наук Петрова Е.А.; судья кандидат юридических наук Петрова В.В.; судья Тутубалина Л.А.; судья кандидат юридических наук Федулова Л.В.;

от Девятого арбитражного апелляционного суда:

заместитель председателя суда Мишаков О.Г.; председатель судебного состава Елоев А.М.;

от Десятого арбитражного апелляционного суда:

заместитель председателя суда Мищенко Е.А.;

от Арбитражного суда города Москвы:

заместитель председателя суда Крылов Д.К.; председатель судебного состава Нагорная А.Н.; председатель судебного состава Пулова Л.В.; судья доктор юридических наук Лаптев В.А.; судья Немова О.Ю.;

от Арбитражного суда Московской области:

и.о. председателя суда Смирнов О.В.; заместитель председателя суда доктор юридических наук Соловьев А.А.; председатель судебного состава кандидат юридических наук Борсова Ж.П.; председатель судебного состава Горшкова М.П.; и.о. председателя судебного состава кандидат юридических наук Ремизова О.Н.;

от Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА):

профессор, ректор, кандидат юридических наук, Блажеев В.В.; доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства, кандидат юридических наук Михайлов С.М.;

от Российского государственного университета правосудия:

профессор, ректор, заведующий кафедрой теории права, государства и судебной власти, доктор юридических наук Ершов В.В.; профессор, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства, доктор юридических наук Никитин С.В.; доцент, заведующий кафедрой финансового права, кандидат юридических наук Цинделиани И.А.;

от Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации:

профессор, председатель совета (руководитель), доктор юридических наук Михеева Л.Ю.; магистр частного права, кандидат юридических наук Ширвиндт А.М.;

от Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации:

заместитель директора института, ведущий научный сотрудник отдела гражданского законодательства и процесса, доктор юридических наук Сеницын С.А.; и.о. заместителя заведующего отделом гражданского законодательства и процесса доктор юридических наук Гутников О.В.; старший научный сотрудник отдела гражданского законодательства и процесса кандидат юридических наук Долова М.О.;

от Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова:

профессор, доктор юридических наук Цветков И.В.; доцент, кандидат юридических наук Моисеев С.В.;

от Института государства и права Российской академии наук:

член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник, доктор юридических наук Габов А.В.;

от Российского университета дружбы народов:

профессор, директор Юридического института, заведующий кафедрой административного и финансового права, доктор юридических и экономических наук Ястребов О.А.;

от Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации:

профессор кафедры гражданского и предпринимательского права кандидат юридических наук Васильева Е.Н.;

представители судейского сообщества и сотрудники аппарата судов:

от Верховного Суда Российской Федерации:

председатель судебного состава Разумов И.В.; главный консультант отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики по делам об экономических спорах Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Копылова М.В.;

от Арбитражного суда Московского округа:

судья Гречишкин А.А.; судья Дзюба Д.И.; судья Зенькова Е.Л.; судья Каменская О.В.; и.о. председателя 4-го судебного состава Хвостова Н.О.; судья Чалбышева И.В.; заместитель начальника отдела обобщения судебной практики, учета и статистики Солодченко Л.С.; сотрудники отдела обобщения судебной практики, учета и статистики Логинова Д.А., Петрова В.А., Юрищева Е.В.;

от Девятого арбитражного апелляционного суда:

судья Чеботарева И.А.; начальник отдела анализа и обобщения судебной практики, законодательства и статистики Трифонова М.А.;

от Десятого арбитражного апелляционного суда:

председатель судебного состава Марченкова Н.В.; председатель судебного состава Мизяк В.П.;

от Арбитражного суда города Москвы:

заместитель председателя суда Александрова О.Е.; заместитель председателя суда Кузнецова С.А.; судья Готыжева З.М.; судья Регнацкий В.В.; судья Сулиева Д.В.; заместитель начальника организационно-аналитического и контрольного отдела Фролов В.А.; консультант организационно-аналитического и контрольного отдела Баркова Л.А.;

от Арбитражного суда Московской области:

заместитель председателя суда Богатина Ю.Г.;

от Суда по интеллектуальным правам:

начальник отдела обобщения судебной практики и статистики Осадчая О.А.

Ответственный секретарь НКС при Арбитражном суде Московского округа — Михайлова А.Э.

Повестка дня:

относятся ли к компетенции арбитражных судов или судов общей юрисдикции дела об оспаривании решений административных органов о привлечении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к административной ответственности, предусмотренной ст. 8.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ)?

в каком порядке должно рассматриваться требование о взыскании процентов, начисленных на сумму, подлежащую возврату ответчику в связи с поворотом исполнения судебного акта: в рамках рассмотрения вопроса о повороте исполнения судебного акта или в качестве самостоятельного искового требования о взыскании процентов?

вправе ли конкурсный кредитор обжаловать судебный акт, на котором основано требование конкурирующего кредитора, если он был вынесен и соответствующие обстоятельства были установлены с применением стандартов доказывания и правил рассмотрения (другого) дела о банкротстве, по смыслу разъяснений, изложенных в п. 24 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»?

какие критерии заинтересованности (аффилированности) лиц, имеющих фактически брачные отношения, когда брак расторгнут или не зарегистрирован, могут быть применены при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве)?

По первому вопросу слушали:

Латыпову Р.Р., указавшую на наличие двух подходов к решению данного вопроса, в поддержку которых приведены соответствующие аргументы.

Докладчица отметила, что судьи Арбитражного суда (АС) Московского округа придерживаются первой позиции, согласно которой такие споры не относятся к компетенции арбитражных судов, поскольку не имеют экономического характера и не связаны с предпринимательской деятельностью.

Выступили:

Никитин С.В. поддержал первую позицию, указав, что в случаях, когда суть предпринимательской деятельности заключается в транспортировании, обработке, утилизации или обезвреживании отходов производства и потребления, не исключается подведомственность споров арбитражным судам;

Гутников О.В. отметил, что данный вопрос является дискуссионным и в целях единообразия судебной практики рассмотрения таких споров следует исходить из того, что дела об оспаривании решений административных органов о привлечении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к административной ответственности, предусмотренной ст. 8.2 КоАП РФ, подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции.

Пояснил, что с научной точки зрения отходы производства не могут быть не связаны с осуществлением предпринимательской деятельности.

Выразил мнение, что в случае разделения содержащихся в ст. 8.2 КоАП РФ терминов «производство» и «потребление» споры, связанные с привлечением к административной ответственности за несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований при сборе, накоплении, транспортировании, обработке, утилизации или обезвреживании отходов производства, подлежали бы рассмотрению в арбитражных судах, а споры, связанные с привлечением к административной ответственности за несоблюдение таких требований для отходов, связанных с потреблением, — в судах общей юрисдикции. Между тем такая мера является неоправданной с политико-правовой точки зрения.

Отметил также, что первая позиция является правильной с политико-правовой точки зрения, но с научной стороны решение не так однозначно;

Моисеев С.В. указал, что при рассмотрении обсуждаемого вопроса следует исходить из объекта правоотношения, каковым являются общественные отношения в сфере охраны окружающей среды и конституционное право граждан на благоприятную окружающую среду, что не зависит от осуществления предпринимательской деятельности.

Выразил мнение, что такие споры подлежат рассмотрению судами общей юрисдикции;

Ершов В.В. отметил, что термин «подведомственность» является неверным, более корректно использовать термин «подсудность».

Напомнил, что Верховный Суд (ВС) РФ занимает четкую позицию, согласно которой арбитражные суды рассматривают споры, отнесенные законом к их ведению, все остальные споры относятся к компетенции судов общей юрисдикции.

Согласился с тем, что при решении поставленного вопроса следует исходить из объекта правонарушения, а также учитывать, что ст. 8.2 КоАП РФ находится в главе 8, при этом разделять подсудность между двумя судами не следует.

Поддержал позицию, что данные споры подлежат рассмотрению судами общей юрисдикции;

Синицын С.А. подчеркнул, что следует стремиться к единообразию правоприменительной практики. Исходя из структуры ст. 8.2 КоАП РФ, объектом правонарушения являются общественные отношения, которые не всегда связаны с осуществлением предпринимательской деятельности. При этом должен быть единый принцип рассмотрения таких дел, и разделять данные споры между арбитражным судом и судом общей юрисдикции непродуктивно, поскольку нарушится принцип построения единообразной правоприменительной практики.

Указал, что состав и правила оспаривания ст. 8.2 КоАП РФ ориентированы на более общие вопросы, чем предпринимательская деятельность и суть экономического спора, в связи с чем следует рассматривать такие споры в судах общей юрисдикции;

Соловьев А.А. отметил актуальность поставленного вопроса и обратил внимание на большое количество таких споров в производстве АС Московской области.

Поддержал позицию, что данные споры относятся к компетенции судов общей юрисдикции.

Выразил мнение, что при решении поставленного вопроса следует руководствоваться разъяснениями, изложенными в Постановлении Пленума ВС РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее — Постановление № 5) в совокупности с положениями Обзора судебной практики ВС РФ № 1 (2014), утвержденного Президиумом ВС РФ 24.12.2014 (далее — Обзор № 1).

Сообщил, что АС Московской области рассмотрено по существу одно дело об оспаривании решений административных органов о привлечении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к административной ответственности, предусмотренной ст. 8.2 КоАП РФ. В рамках данного дела рассматривалось заявление юридического лица, имевшего лицензию на осуществление деятельности по сбору, транспортированию, обработке и утилизации такого рода отходов, в связи с чем суд заключил, что данное конкретное дело подлежит рассмотрению в арбитражном суде. Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Обратил внимание на то, что по каждому конкретному делу данной категории необходимо учитывать объект правонарушения, а также ориентироваться на позицию, изложенную в Определении ВС РФ от 20.06.2018 № 305-АД18-864 по делу № А40-241271/2016;

Немова О.Ю. выступила в поддержку первой позиции.

Отметила, что деятельность по обращению с отходами является лицензируемой и ранее такие споры рассматривались в арбитражных судах.

Указала, что практика сформировалась с 2014 г. и в соответствии с разъяснениями, изложенными в Постановлении № 5, а также в Обзоре № 1, с учетом объекта правоотношения, данные споры подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции;

Мищенко Е.А. указала, что данный вопрос предложен к обсуждению на заседании НКС при АС Московского округа в связи с наличием в Российской Федерации различной судебной практики.

Отметила, что судьи Десятого арбитражного апелляционного суда придерживаются первой позиции;

Марченкова Н.В. выразила мнение в поддержку первой позиции.

Добавила, что при рассмотрении таких дел следует учитывать субъектный состав;

Габов А.В. отметил, что деятельность, связанная с производством, транспортировкой и утилизацией таких отходов, является экономической.

Поставил вопрос о том, насколько принципиально разделение компетенции судов по рассмотрению таких споров;

Ершов В.В. ответил, что разделение компетенции судов по рассмотрению данных споров чрезвычайно важно ввиду различия судебной практики;

Габов А.В. указал, что единство судебной практики обеспечивается ВС РФ, в связи с чем следует дождаться определенной позиции высшего суда по рассмотрению такой категории дел;

Ершов В.В. отметил, что ВС РФ формирует единство судебной практики в течение довольно продолжительного времени, между тем в этот период возникает масса проблем и вопросов, в связи с чем именно сейчас следует выработать определенный подход к решению поставленного вопроса;

Габов А.В. выразил мнение, что при решении данного вопроса субъект правоотношения не имеет существенного значения, а отталкиваться следует от сути правоотношений.

Выступил в поддержку позиции, согласно которой указанные споры относятся к компетенции арбитражных судов в случае, если характер вмененного правонарушения связан с осуществлением юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями предпринимательской или иной экономической деятельности (вторая позиция);

Чеботарева И.А. отметила, что в Девятый арбитражный апелляционный суд такие споры давно не поступают.

Поддержала первую позицию, указав, что при решении поставленного вопроса следует руководствоваться разъяснениями, изложенными в п. 33 Постановления № 5 и п. 10 раздела VI Обзора № 1;

Блажеев В.В. выразил мнение в поддержку второй позиции.

Указал, что если правонарушение связано с экономической деятельностью субъекта, то такой спор подведомствен арбитражным судам. В случае же, если с данным требованием обращается гражданин, спор относится к сфере потребителей и подлежит рассмотрению в судах общей юрисдикции;

Мишаков О.Г. предположил, что могут возникнуть сложности в квалификации таких споров, в том числе в случае, если нарушителем является индивидуальный предприниматель, и определить, в связи с чем были произведены данные отходы, практически невозможно.

Выразил мнение в поддержку первой позиции;

Копылова М.В. напомнила, что по данному вопросу имеются разъяснения ВС РФ, изложенные в Обзоре № 1 и устанавливающие, что оспаривание постановления административного органа о привлечении к ответственности за нарушение законодательства

в области охраны окружающей среды и природопользования относится к компетенции судов общей юрисдикции.

Подчеркнула, что следует придерживаться указанных разъяснений.

Отметила, что если сторона заявила в суде первой инстанции требование о рассмотрении дела в арбитражном суде, суд принял такое требование и рассмотрел дело по существу, то отменять решение и прекращать производство по делу только по основанию нарушения правил о подсудности, в ущерб устранению существенной судебной ошибки, неправильно.

Указала также, что рассмотрение заявления о передаче по подсудности затягивает решение вопросов о привлечении к ответственности, что, в свою очередь, может привести к пропуску срока привлечения и во избежание подобных ситуаций следует более бережно относиться к судебным актам судов нижестоящих инстанций;

Кресс В.В. подвел итоги обсуждения вопроса.

Выступил в поддержку первой позиции.

Указал, что судьи АС Московского округа придерживаются мнения о том, что не следует отменять решение и прекращать производство по делу только по основанию нарушения правил о подсудности.

Решили:

рекомендовать судам исходить из того, что дела об оспаривании решений административных органов о привлечении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к административной ответственности, предусмотренной ст. 8.2 КоАП РФ, относятся к компетенции судов общей юрисдикции. В случае, если арбитражный суд принял такое требование к производству и рассмотрел дело по существу, данное обстоятельство само по себе не является достаточным основанием для отмены решения и прекращения производства по делу.

По второму вопросу слушали:

Гречишкина А.А., представившего две позиции по данному вопросу, в поддержку которых приведены соответствующие аргументы.

Выступили:

Лаптев В.А. поддержал первую позицию, согласно которой требование ответчика о взыскании процентов не подлежит разрешению в рамках рассмотрения заявления о повороте исполнения судебного акта, указав на следующее.

Во-первых, положения ст. 325 Арбитражного процессуального кодекса (АПК) РФ закрепляют компетенцию суда исключительно по исследованию вопроса о повороте исполненного.

Во-вторых, заявление о взыскании процентов на сумму исполненного представляет собой денежное требование, в связи с чем в силу п. 43 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее — Постановление № 7) должны соблюдаться требования о претензионном порядке.

В-третьих, положения п. 59 указанного Постановления разъясняют два возможных подхода по периоду начисления процентов: общий (с момента вступления в силу судебного акта) и специальный (с момента зачисления денежных средств, например, при фальсификации доказательства).

Выразил мнение, что при признании возможности рассмотрения одновременно при повороте судебного акта вопроса о взыскании процентов потребуется фактически пересмотреть заново все доказательства по делу, что не является возможным;

Елоев А.М. указал, что поставленный вопрос возник при рассмотрении серии дел, по итогам которых АС города Москвы удовлетворены заявления о повороте исполнения судебных актов в порядке ст. 325 АПК РФ и взысканы проценты за пользование чужими денежными средствами.

Отметил, что первая позиция является правильной, но вторая позиция также имеет право на существование, в том числе в целях процессуальной экономии.

Выразил мнение, что поворот исполнения судебного акта — это отдельный процессуальный институт, и в данном случае у суда возникает процессуальная обязанность возвратить денежные средства, ранее взысканные по отмененному судебному акту. При этом требование о взыскании процентов, начисленных на сумму, подлежащую возврату ответчику в случае поворота исполнения судебного акта, также может быть рассмотрено судом в рамках рассмотрения самого заявления о повороте исполнения судебного акта.

Указал также, что п. 59 Постановления № 7 можно трактовать таким образом, что суд по своей инициативе без какого-либо заявления может взыскать эти проценты в порядке ст. 325 АПК РФ;

Окулова Н.О. выразила мнение, что единственно правильной является первая позиция, поскольку ст. 325 АПК РФ предполагает возврат ответчику всего того, что было с него взыскано, и институт поворота не предполагает рассмотрение новых требований, которые не являлись предметом судебного контроля. В то же время при решении вопроса о процентах суд проверяет расчет (период начисления, ставку).

Добавила, что такие требования следует рассматривать в самостоятельном порядке;

Ершов В.В. указал, что если спор отсутствует, то более разумным представляется рассмотреть требование о взыскании процентов в рамках рассмотрения самого заявления о повороте исполнения судебного акта;

Окулова Н.О. отметила, что суды не отменяли судебные акты, так как не было споров по требованию о процентах, но ни в одном из судебных актов, придерживающихся второй позиции, нет вывода о том, что такой вопрос должен рассматриваться в рамках

рассмотрения заявления о повороте исполнения судебного акта. Вместе с тем в ряде судебных актов суда кассационной инстанции содержался вывод о нарушении судами нижестоящих инстанций процессуальной формы, которая, в свою очередь, должна быть соблюдена;

Михайлов С.М. выступил в поддержку первой позиции;

Никитин С.В. выразил мнение, что первая позиция является формальной.

Пояснил, что убытки возникли вследствие принятия ошибочного судебного решения, при этом заинтересованное лицо вынуждено проходить стадии рассмотрения требования по второму кругу, с учетом того, что судебный акт выносит тот же судья, который рассмотрел дело по существу, а спор отсутствует;

Ершов В.В. указал, что ранее в судах осуществляли деятельность судебные приставы и по бесспорным делам в оперативном порядке выносились определения о взыскании денежных средств;

Габов А.В. выразил мнение, что с точки зрения логики в одном процессе рассмотреть материальный и процессуальный вопросы невозможно и это вопрос законодательной инициативы.

Отметил, что оптимальной в данном случае является первая позиция;

Гутников О.В. согласился с мнением о том, что это вопрос законодательного регулирования.

Выразил мнение, что, пока данный вопрос не урегулирован на законодательном уровне, суду следует придерживаться первой позиции;

Зверева Е.А. выступила в поддержку первой позиции, отметив, что такое словосочетание, как «процессуальная форма», не должно быть отражено в судебных актах.

Указала, что с данным вопросом можно обратиться в ВС РФ за разъяснениями.

Отметила также, что в случае применения второй позиции стороны не оплачивают государственную пошлину за рассмотрение требования;

Моисеев С.В. выразил мнение, что при решении данного вопроса следует исходить из сути правоотношений, заключающейся в том, что лицо, заявляя требование о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами в порядке ст. 395 Гражданского кодекса (ГК) РФ, требует привлечения другой стороны к гражданско-правовой ответственности и такие требования необходимо рассматривать в рамках отдельного процесса.

Отметил также, что процесс — это форма, и отступление от данной формы влечет неблагоприятные последствия, поэтому разрешение требования о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами в рамках рассмотрения заявления о повороте исполнения судебного акта недопустимо.

Указал, что соблюдение по таким спорам претензионного порядка — вопрос, требующий дополнительного обсуждения;

Михеева Л.Ю. отметила, что правовая природа таких процентов — это не сама ст. 395 ГК РФ, которая является лишь механизмом подсчета, а неосновательное обогащение.

Указала также, что в порядке главы 60 ГК РФ должнику надлежит немедленно вернуть такое неосновательное обогащение, и если он его вернет, то спора не будет. В случае же невозврата денежных средств добровольно суду следует рассматривать спор в процессуальном порядке;

Смирнов О.В. указал, что при решении вопроса о повороте судебного акта спор отсутствует, между тем вопрос о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами в порядке ст. 395 ГК РФ является, по сути, привлечением к ответственности за невозврат неосновательно полученных денежных средств.

Выступил в поддержку первой позиции;

Елоев А.М. выразил мнение, что с точки зрения соотношения материальных и процессуальных прав в данном случае можно применить разъяснения, изложенные в п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта», в которых указано на возможность присуждения процентов за пользование чужими денежными средствами в порядке ст. 395 ГК РФ на случай неисполнения судебного акта;

Мищенко Е.А. поддержала первую позицию.

Добавила также, что судебная практика придерживается противоположной позиции и исходит из того, что требование о взыскании процентов, начисленных на сумму, подлежащую возврату ответчику в случае поворота исполнения судебного акта, рассматривается арбитражным судом в рамках рассмотрения самого заявления о повороте исполнения судебного акта. При этом суды апелляционной и кассационной инстанций оставляют такие судебные акты без изменения, исходя из процессуальной экономии.

Выразила мнение, что по результатам обсуждения данного вопроса на заседании НКС суду округа необходимо закрепить позицию, дать определенные указания, и суды нижестоящих инстанций изменят сложившуюся практику по таким делам;

Ширвиндт А.М. предложил изложить рекомендации для судов в более общем контексте, поскольку в данной процессуальной форме нередко решаются и другие вопросы, которые требуют отдельных процессов, в частности об изъятии имущества у добросовестных приобретателей.

Указал, что судам необходимо дать разъяснения о повороте исполнения судебного акта и о том, какие материально-правовые вопросы не могут подпадать в данную процедуру;

Кобылянский В.В. выступил в поддержку второй позиции, указав, что в судебном заседании может быть рассмотрено несколько предметов судебной деятельности, в связи

с чем требование о взыскании процентов, начисленных на сумму, подлежащую возврату ответчику в случае поворота исполнения судебного акта, также может быть рассмотрено судом в рамках рассмотрения самого заявления о повороте исполнения судебного акта.

Выразил мнение, что в случае совместного порядка рассмотрения требований, в отношении вопроса о повороте судебного акта суду следует выносить определение, а в отношении процентов за пользование чужими денежными средствами — решение;

Разумов И.В. указал, что необходимо определиться с материальной природой требования о взыскании процентов, начисленных на сумму, подлежащую возврату ответчику в случае поворота исполнения судебного акта.

Согласился, что такие денежные средства являются не мерой ответственности, а доходом, который не получает потерпевший в связи с тем, что его денежные средства находятся во владении лица, которое неосновательно их приобретает.

Выступил в поддержку первой позиции.

Поддержал позицию суда округа о том, что в случае, если право стороны на судебную защиту не было нарушено и судом первой инстанции рассмотрено требование о взыскании процентов, начисленных на сумму, подлежащую возврату ответчику в случае поворота исполнения судебного акта в рамках рассмотрения самого заявления о повороте исполнения судебного акта, — судам вышестоящих инстанций отменять данный судебный акт не следует.

Кресс В.В. подвел итоги обсуждения вопроса.

Согласился, что требование ответчика о взыскании процентов не подлежит разрешению в рамках рассмотрения заявления о повороте исполнения судебного акта.

Решили:

рекомендовать судам исходить из того, что требование о взыскании процентов, начисленных на сумму, подлежащую возврату ответчику в связи с поворотом исполнения судебного акта, является предметом самостоятельного иска. Судебный акт о повороте исполнения, которым разрешен вопрос о взыскании указанных процентов, может быть оставлен судом вышестоящей инстанции без изменения в соответствующей части, если при этом не установлено нарушение права стороны на судебную защиту.

По третьему вопросу слушали:

Зенькову Е.Л., выступившую с докладом по вопросам о том:

— вправе ли конкурсный кредитор обжаловать судебный акт, на котором основано требование конкурирующего кредитора, если он был вынесен и соответствующие обстоятельства были установлены с применением стандартов доказывания и правил рассмотрения (другого) дела о банкротстве, по смыслу разъяснений, изложенных в п. 24 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуаль-

ных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (далее — Постановление № 35);

— имеет ли в данном случае значение факт проверки судом в деле о банкротстве, в рамках которого принят обжалуемый судебный акт, доводов и обстоятельств (встречное исполнение, действительность сделки), аналогичных тем, на которые ссылается заявитель жалобы (процессуальный эстоппель);

— если соответствующее право у конкурсного кредитора отсутствует, имеется ли такое право у арбитражного управляющего.

Докладчица сообщила о наличии двух позиций, в поддержку которых приведены соответствующие аргументы.

Отметила, что суд округа придерживается первой позиции, согласно которой кредитору по делу о банкротстве принадлежит право оспаривать в установленном порядке любые судебные акты, подтверждающие наличие и обоснованность требований других кредиторов. Данное процессуальное правило не содержит каких-либо ограничений, в том числе и по актам как судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов, в силу которых обжалование нарушающих права и законные интересы кредиторов судебных актов было бы невозможно в рамках другого дела о банкротстве. Единственный критерий для обжалования — нарушение судебным актом, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование, прав и законных интересов конкурсного кредитора.

Между тем предоставление кредиторам права на оспаривание судебного акта по п. 24 Постановления № 35 приведет к правовой неопределенности и нестабильности судебного акта об оспаривании сделки первоначального должника, в связи с чем докладчица выразила мнение о том, что вторая позиция также имеет право на существование.

Выступили:

Разумов И.В. попросил инициаторов вопроса — представителей Девятого арбитражного апелляционного суда — пояснить суть обозначенной проблемы;

Мишаков О.Г. сообщил, что вопрос возник в рамках рассмотрения одного дела о банкротстве. К субсидиарной ответственности привлекли генерального директора общества-должника. Позднее в рамках дела о банкротстве генерального директора как физического лица конкурсным управляющим к данному физическому лицу предъявлено требование, основанное на судебном акте о привлечении к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве общества-должника. Данный судебный акт оспаривают конкурирующие кредиторы в порядке п. 24 Постановления № 35 в рамках дела о банкротстве гражданина (генерального директора);

Разумов И.В. указал, что в данном случае возможны две ситуации: оспаривание сделки или привлечение к субсидиарной ответственности;

Мишаков О.Г. отметил, что судьи Девятого арбитражного апелляционного суда придерживаются позиции, согласно которой кредиторы не могут обжаловать такой судебный акт в порядке п. 24 Постановления № 35, поскольку риски злоупотребления, на

преодоление которых направлены данные разъяснения, невозможны при рассмотрении спора о привлечении к субсидиарной ответственности.

Выразил мнение, что в такой ситуации обжалование судебного акта является злоупотреблением правом — попыткой повторно пересмотреть вступивший в законную силу судебный акт, что, в свою очередь, затягивает судебный процесс. В связи с этим производство по таким жалобам следует прекращать, руководствуясь разъяснениями, изложенными в Постановлении Пленума ВАС РФ от 28.05.2009 № 36 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» со ссылкой на отсутствие права обжалования;

Гутников О.В. указал на недопустимость и нарушение конституционных основ самой постановкой вопроса о том, что при применении второй позиции судебные акты будут распределяться по качеству, при этом одни судебные акты, вступившие в законную силу, с более низким стандартом доказывания, будут считаться подлежащими оспариванию, а другие, с более высоким стандартом доказывания, обжалованию не подлежат.

Отметил, что п. 24 Постановления № 35 градации между судебными актами не проводит и подразумевает право на обжалование любых судебных актов.

Выступил в поддержку первой позиции;

Петрова Е.А. указала, что данный вопрос обсуждался ранее на заседании НКС при ФАС Московского округа в 2010 г.

Отметила, что, на первый взгляд, вторая позиция по отношению к первой должна иметь приоритет, поскольку в делах о банкротстве имеется особая значимость по сравнению с судебными актами иных гражданских и административных производств и такую жалобу следовало бы возвратить заявителю.

Выразила мнение о том, что если перед судьей стоит выбор, какое процессуальное действие совершить — возвратить жалобу или рассмотреть по существу, то следует рассмотреть ее по существу, чтобы не лишать заявителя доступа к правосудию. При рассмотрении жалобы по существу следует указать о том, что в рамках дела о банкротстве все возражения, которые заявлены в жалобе сейчас, были учтены судом и проверены с участием в деле лиц, которые независимы по отношению друг к другу.

Отметила также, что основания, указанные во второй позиции, имеют право на существование, однако их следует применять не как условия для возврата жалобы, а как основания для отказа в удовлетворении жалобы. При рассмотрении жалобы по существу следует проверять, совпадают ли доводы и возражения по данной жалобе с ранее заявленными доводами и возражениями или заявлены какие-либо иные моменты, которые не были учтены при первоначальном рассмотрении спора в рамках дела о банкротстве.

Выступила в поддержку того, что формальное право на обжалование таких судебных актов имеется, в связи с чем основания для возврата жалоб отсутствуют;

Ремизова О.Н. отметила, что нередко бывают случаи, когда сама процедура банкротства затевается ради того, чтобы преодолеть общеобязательность ранее вступившего в законную силу судебного акта.

Упомянула Постановление Президиума ВАС РФ от 22.04.2014 № 12278/13, в котором рассматривался вопрос о праве лиц, участвовавших в сделке (в обособленном споре), на обжалование определения суда о включении в реестр требований уполномоченного органа. В Постановлении указано, что, обращая внимание на универсальный характер права обжалования судебных актов заинтересованными лицами, в целях обеспечения правовой определенности и стабильности судебного акта, обеспечения справедливого баланса интересов всех лиц, следует оценивать вопрос о возможном влиянии судебного акта не только на законные интересы подателя жалобы, но и на наличие обоснованных, убедительных доводов о принятии судебного акта с нарушением закона и необходимости его отмены.

Указала, что судьи АС Московской области придерживаются позиции, что следует рассматривать такие жалобы, поскольку в противном случае ограничивается право лица на обжалование судебного акта и, соответственно, доступ к правосудию;

Ершов В.В. отметил, что, применяя вторую позицию, суд отказывает в доступе к правосудию.

Выразил мнение, что такие жалобы подлежат рассмотрению;

Моисеев С.В. указал, что в данном вопросе затронута несколько больших для процессуальной науки тем.

Первый момент касается не совсем корректного процессуального подхода, который был провозглашен ВАС РФ и выразился в чрезмерно расширительном толковании ст. 42 АПК РФ и предоставлении неограниченному числу конкурсных кредиторов права обжаловать состоявшиеся по другому делу судебные акты, поскольку такие судебные акты якобы затрагивают права и законные интересы данных кредиторов. В связи с этим можно сделать вывод о том, что правом на обжалование обладают все без исключения и при несоблюдении такого права нарушается принцип равноправия.

Второй момент заключается в пределах законной силы судебного решения как по банкротным делам, так и по делам, принятым по конкретному спору, поскольку предоставление конкурсным кредиторам права обжаловать судебный акт, состоявшийся между другими лицами, означает, что законная сила судебного решения поставлена под сомнение.

Третий момент заключается во внедрении такого термина, как «стандарты доказывания», который российской доктрине чужд, поскольку российское законодательство и доктрина исходят из определенных юридических фактов по конкретным делам, и такие понятия, как «повышенные» и «пониженные» стандарты доказывания, вызывающие ранжирование судебных актов, в зависимости от категории дел, по которой они приняты, дают возможность любой судебный акт трактовать в зависимости от «повышенных» или «пониженных» стандартов доказывания и в соответствии с этим либо придавать ему обязательное значение, либо не придавать, со ссылкой на «пониженные стандарты доказывания»;

Мизяк В.П. выступила в поддержку первой позиции.

Обратила внимание на то, что разъяснения, изложенные в п. 24 Постановления № 35, не содержат ограничения, которые усматриваются во второй позиции.

Указала, что данные ограничения невозможно применять, поскольку будут поставлены в неравное положение возражающие кредиторы, а также те судебные акты, которые положены в основу требований;

Кузнецова С.А. поддержала первую позицию.

Обратила внимание на то, что в делах о банкротстве применяется «повышенный стандарт доказывания», при этом нельзя ставить в зависимость от добросовестности или недобросовестности лиц, участвующих в деле о банкротстве, право кредитора на обращение в суд, если его право нарушено.

Указала также, что кредитор имеет право обращаться в суд и предъявлять свои возражения, а суд, в свою очередь, должен оценить доводы независимо от того, рассмотрен этот спор в рамках дела о банкротстве с применением «повышенных стандартов доказывания» или в рамках обычного искового производства;

Разумов И.В. выступил в поддержку первой позиции.

Отметил, что в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) прямо указано, что финансовый управляющий контролирующего лица участвует в деле о привлечении к субсидиарной ответственности, данный вопрос рассматривается в рамках дела о банкротстве контролируемого общества, при этом кредиторы контролирующего лица вправе вступить в дело о банкротстве с правами третьих лиц на стороне привлекаемого к ответственности лица. Соответственно, если кредиторам такое право предоставлено законом и законодатель видит интерес данных лиц в рассмотрении спора, то право на обжалование актов у них также имеется.

Обратил внимание на наличие вопроса о том, в какие сроки должны быть приняты к производству апелляционные и кассационные жалобы.

Выразил мнение, что при восстановлении срока на обжалование судам следует исходить из того, реализовал ли кредитор свое право на вступление в дело, в частности был ли он извещен арбитражным управляющим, а также выяснить причины, по которым такое право не было реализовано.

Отметил, что при реализации права на обжалование следует бережно относиться к судебным актам судов первой инстанции;

Мишаков О.Г. указал, что «повышенный стандарт доказывания» — это сложившийся в судебной практике факт, который давно применяется в делах о банкротстве.

Отметил, что глава III.2 Закона о банкротстве основана на опровержимых презумпциях. Конкурсному управляющему или иному инициатору спора о привлечении к субси-

диарной ответственности достаточно доказать условия данной презумпции, а лицу, контролирующему должника, представлено право такие условия опровергнуть, то есть процесс является состязательным.

Поставил вопрос о том, каким образом следует поступать суду в том случае, если сначала лицо было привлечено к субсидиарной ответственности, а затем возбуждено дело о банкротстве контролирующего должника лица;

Разумов И.В. указал, что следует определиться с содержанием термина «повышенный стандарт доказывания». Так, при предъявлении в рамках дела о банкротстве требования, основанного на договоре, в силу ст. 65 АПК РФ кредитор должен доказать свое требование так, чтобы у суда не осталось никаких разумных сомнений в отношении наличия задолженности. Между тем когда арбитражный управляющий предъявляет требование о привлечении к субсидиарной ответственности, то стандарт доказывания иной — истцу достаточно заявить, что ответчик не передал документы, а ответчик должен доказать обратное. В связи с этим делать вывод о том, что «повышенные стандарты доказывания» применяются в субсидиарной ответственности, неправильно.

Отметил также, что жалоба может быть подана в интересах определенного гражданско-правового сообщества — группы лиц, которая является кредиторами контролируемого лица и при предъявлении жалобы одним лицом, оно действует в интересах других лиц, которые имеют право вступить в этот процесс, при этом нереализация данного права не дает им возможность повторного оспаривания судебных актов. Данный принцип заложен в концепцию рассмотрения группового иска;

Ершов В.В. указал, что с юридической точки зрения такие жалобы следует принимать и рассматривать;

Мишаков О.Г. выразил мнение, что для того, чтобы принимать и рассматривать такие жалобы, необходимо отразить положения п. 24 Постановления № 35 в законе;

Кресс В.В. обратил внимание на предложение Председателя ВС РФ В.М. Лебедева направлять через суд округа в ВС РФ предложения, которые будут вырабатываться в судах первой и апелляционной инстанции по совершенствованию законодательства, в том числе о банкротстве;

Разумов И.В. отметил, что ВС РФ внесены определенные поправки в закон, которые приняты в первом чтении;

Кресс В.В. подвел итоги обсуждения вопроса.

Решили:

рекомендовать судам руководствоваться абз. 2 п. 6 ст. 61.16 Закона о банкротстве и исходить из того, что конкурсным кредиторам, имеющим требования к контролирующему лицу, такое право предоставлено. При рассмотрении соответствующих жалоб подлежат применению разъяснения, изложенные в п. 24 Постановления № 35. Разрешая вопрос о возможности восстановления срока на обжалование, пропущенного на-

званными конкурсными кредиторами, судам, в частности, следует учитывать, в какой момент у них появилась объективная возможность приобрести право на вступление в качестве третьих лиц в обособленный спор в деле о банкротстве, в котором разрешается вопрос о привлечении к субсидиарной ответственности; были ли они извещены арбитражным управляющим в порядке, указанном в п. 37 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», а также имелись ли уважительные причины, по которым право на обжалование ими не было реализовано своевременно.

По четвертому вопросу слушали:

Мысака Н.Я., который отметил, что при обсуждении данного вопроса главным является не перечисление непосредственно фактов или случаев, при наличии которых можно было бы сделать вывод о заинтересованности между лицами, имеющими фактические брачные отношения, а то, что в результате наличия фактических брачных отношений между лицами, являющимися аффилированными, именно ими реализуется возможность оказывать влияние на принятие решений, в том числе в сфере предпринимательской деятельности.

Указал также, что для формирования судебной практики данный вопрос является значимым, встречается при оспаривании сделок в рамках дел о банкротстве, включении в реестр требований кредиторов, а также при решении различных процессуальных вопросов.

Кресс В.В. обратился к представителям Десятого арбитражного апелляционного суда с предложением выступить в качестве содокладчиков по данному вопросу.

Мизяк В.П. указала, что для решения поставленного вопроса необходимо обозначить следующие моменты: имеет ли значение длительность совместного проживания лиц, время, прошедшее после расторжения брака, а также возраст детей, если, к примеру, они уже являются совершеннолетними.

Обратила внимание на то, что вопрос поставлен достаточно узко.

Выступили:

Габов А.В. выразил мнение, что поставленный вопрос, а также все акты, перечисленные в материалах, подготовленных к данному заседанию НКС при АС Московского округа, к Закону о банкротстве не имеют никакого отношения.

Обратил внимание на то, что данный спор, изначально возникший не в рамках дел о банкротстве, идет на протяжении последних десяти лет и является историческим.

Отметил, что ранее при решении поставленного вопроса суды придерживались исключительно формального подхода, но в настоящее время в судебной практике произошли существенные изменения.

Указал также, что вопрос является процессуальным и при его решении следует учитывать не только формальные условия заинтересованности, а всю совокупность обстоятельств;

Цинделиани И.А. отметил, что обозначенная проблема является общей, в том числе доходила до Европейского суда по правам человека применительно к административным делам, когда решался вопрос о разделении и выдворении членов семьи в соответствии с главой 18 КоАП РФ.

Указал, что ни один из примеров, приведенных в материалах, подготовленных к заседанию НКС при АС Московского округа, не свидетельствует в полной мере о наличии заинтересованности (аффилированности) лиц, имеющих фактически брачные отношения.

Обратил внимание, что при решении данного вопроса необходимо учитывать в совокупности все обстоятельства по делу.

Отметил также, что в соответствии с семейным законодательством не только бывшие, но и действующие супруги не являются родственниками;

Ястребов О.А. признал, что данный вопрос достаточно сложен и часто поднимается на заседании Высшей квалификационной коллегии судей РФ.

Поддержал позицию Цинделиани И.А.;

Михеева Л.Ю. указала, что поставленный вопрос сводится к вопросу о том, как доказать наличие фактических брачных отношений для того, чтобы применить правовые последствия такого фактического состояния для соответствующих дел.

Выразила мнение, что при решении данного вопроса могут быть использованы любые доказательства в соответствии с принципами их относимости и допустимости.

Отметила также, что такие доказательства должны быть оценены судом в совокупности;

Михайлов С.М. обратил внимание на то, что понятие аффилированности, так же как и понятие заинтересованности, носит оценочный характер, и задача суда состоит в оценке возможности влияния.

Согласился с утверждением, что невозможно доказать наличие фактических брачных отношений, притом что возможность влияния на поведение другого лица определяется судом самостоятельно в каждом конкретном деле;

Блажеев В.В. отметил, что юридический факт — это заинтересованность, аффилированность, а фактические брачные отношения — это не юридический факт, поскольку такое юридическое понятие отсутствует, а доказательственный факт.

Выразил мнение, что любые доказательства можно использовать для обоснования доказательственного факта, и если такой факт будет судом установлен, то это подтвердит наличие определенной заинтересованности;

Габов А.В. указал, что ни заинтересованность, ни аффилированность не являются оценочной категорией;

Зверева Е.А. выразила мнение, что наличие фактических брачных отношений не должно устанавливаться арбитражным судом, поскольку это прерогатива суда общей юрисдикции.

Отметила, что заинтересованность и аффилированность доказывать чрезвычайно сложно;

Лаптев В.А. обратил внимание на возможность применения позиций ВС РФ по вопросу определения критериев аффилированности бывших супругов в деле о банкротстве, в частности изложенных в Постановлении Пленума от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака».

Указал, что можно выделить четыре критерия: участие в содержании несовершеннолетних детей; место фактического проживания несовершеннолетних детей; использование общего имущества, приобретенного до расторжения брака; наличие связанных обязательств у бывших супругов.

Выразил мнение, что в судебных актах необходимо подробно указывать, по каким мотивам суд пришел к тому или иному выводу;

Михеева Л.Ю. отметила, что с момента принятия указанного Постановления Пленума прошло достаточно много времени, в связи с чем, применительно к семейным отношениям, наличие одновременно четырех или иного количества критериев не имеет значения, поскольку в подавляющем большинстве случаев для рассмотрения соответствующих семейных споров достаточно ряда других доказательств;

Гутников О.В. указал, что в качестве критерия ошибочно названо наличие совместных детей, поскольку под брачными отношениями подразумевается союз мужчины и женщины, а по отношению к детям, которых может в браке и не быть, возникают родительские отношения, что, в свою очередь, не подтверждает наличие фактических брачных отношений.

Выразил мнение, что данный критерий должен быть исключен, так как не подтверждает ни фактические, ни юридические брачные отношения;

Ремизова О.Н. указала, что в суде первой инстанции чаще всего возникает вопрос, связанный с распределением бремени доказывания по таким делам.

Пояснила, что арбитражный управляющий ссылается на некоторые признаки, которые могут свидетельствовать о фактической аффилированности, а не о брачных отношениях, а также на какие-либо действия сторон, не соответствующие условиям обычного оборота.

Отметила, что судьи АС Московской области рассматривают в совокупности такие обстоятельства применительно к поведению сторон в гражданском обороте.

Указала также, что возник вопрос о том, как поступить суду в случае, когда арбитражный управляющий представляет минимальные доказательства и факты, и каким образом можно выявить критерий обоснованности таких доказательств;

Мишаков О.Г. указал, что такие понятия, как «группа лиц» и «аффилированные лица», содержатся в Федеральном законе от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», который, в свою очередь, допускает расширительное толкование, поскольку содержит положения о том, что «группа лиц» может быть признана и по иным основаниям, которые в законе не перечислены. Аналогичные положения содержатся в главе III.2 Закона о банкротстве.

Выразил мнение, что критерии заинтересованности (аффилированности) лиц, имеющих фактические брачные отношения, выработать невозможно и суду следует учитывать в совокупности все обстоятельства по делу на основе представленных доказательств, исходя из своего внутреннего убеждения;

Разумов И.В. указал, что понятие «аффилированность» касается законодательного регулирования в сфере антимонопольной деятельности и подразумевает под собой публичные отношения, направленные на пресечение деятельности, которая возникает между хозяйствующим субъектом и административным органом, и расширительное толкование в данном случае невозможно. При этом в ст. 53.1 ГК РФ прямо указано, что ответственным является не только орган управления, но и те лица, которые имеют фактическую возможность давать обязательные указания. В связи с этим понятие «аффилированность» в гражданских правоотношениях будет отличаться от такого понятия в сфере публичных правоотношений.

Отметил, что факт совместного проживания является одним из способов доказывания фактических брачных отношений, между тем при решении данного вопроса необходимо учитывать и оценивать в совокупности все доказательства по делу.

Указал также, что арбитражному суду не следует устанавливать факт наличия либо отсутствия фактических брачных отношений, поскольку предмет доказывания в арбитражном процессе иной — возможность оказывать влияние;

Габов А.В. выразил мнение, что данный вопрос следует поставить перед законодателем;

Кресс В.В. подвел итоги обсуждения вопроса.

Указал, что судом округа будут выработаны общие рекомендации по данному вопросу с учетом высказанных мнений.

Председательствующий
Научно-консультативного совета

В.В. Кресс

Ответственный секретарь
Научно-консультативного совета

А.Э. Михайлова

Протокольное решение № 11 Президиума Арбитражного суда Московского округа

г. Москва

26 марта 2020 г.

Президиум Арбитражного суда Московского округа, заслушав и обсудив вопрос об утверждении окончательных подходов к решению вопросов, вынесенных на обсуждение заседания Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Московского округа от 29.11.2019, руководствуясь ст. 25, 27–29, 32 Федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»,

ПОСТАНОВИЛ:

Принять и утвердить следующие рекомендации Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Московского округа.

1. При решении вопроса о том, **к компетенции арбитражных судов или судов общей юрисдикции относятся дела об оспаривании решений административных органов о привлечении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к административной ответственности, предусмотренной ст. 8.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП)**, судам рекомендуется придерживаться позиции, что дела об оспаривании решений административных органов о привлечении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к административной ответственности, предусмотренной ст. 8.2 КоАП РФ, относятся к компетенции судов общей юрисдикции. В случае если арбитражный суд принял такое требование к производству и рассмотрел дело по существу, данное обстоятельство само по себе не является достаточным основанием для отмены решения и прекращения производства по делу.

2. При решении вопроса о том, **в каком порядке должно рассматриваться требование о взыскании процентов, начисленных на сумму, подлежащую возврату ответчику в связи с поворотом исполнения судебного акта, — в рамках рассмотрения вопроса о повороте исполнения судебного акта или в качестве самостоятельного искового требования о взыскании процентов**, — судам рекомендуется исходить из того, что требование о взыскании процентов, начисленных на сумму, подлежащую возврату ответчику в связи с поворотом исполнения судебного акта, является предметом самостоятельного иска. Судебный акт о повороте исполнения, которым разрешен вопрос о взыскании указанных процентов, может быть оставлен судом вышестоящей инстанции без изменения в соответствующей части, если при этом не установлено нарушение права стороны на судебную защиту.

3. При решении вопроса о том, **вправе ли лицо, являющееся конкурсным кредитором в деле о банкротстве контролирующего лица, обжаловать судебный акт, вынесенный в деле о банкротстве подконтрольной организации, на котором основано требование о привлечении контролирующего лица к ответственности**, судам рекомендуется руководствоваться абз. 2 п. 6 ст. 61.16 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и исходить из того, что конкурсным кредиторам, имеющим требования к контролируемому лицу, такое право предоставлено. При рассмотрении соответствующих жалоб подлежат применению разъяснения, изложенные в п. 24 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве». Разрешая вопрос о возможности восстановления срока на обжалование, пропущенного названными конкурсными кредиторами, судам, в частности, следует учитывать, в какой момент у них появилась объективная возможность приобрести право на вступление в качестве третьих лиц в обособленный спор в деле о банкротстве, в котором разрешается вопрос о привлечении к субсидиарной ответственности, были ли они извещены арбитражным управляющим в порядке, указанном в п. 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», а также имелись ли уважительные причины, по которым право на обжалование ими не было реализовано своевременно.

4. При решении вопроса о том, **какие критерии заинтересованности (аффилированности) лиц, имеющих фактические брачные отношения, брак между которыми расторгнут, могут быть применены при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве)**, судам рекомендуется исходить из того, что предметом доказывания по такой категории споров является возможность одного лица оказывать влияние на другое лицо, в частности на совершение им действий, сделок. Лицо не может быть признано контролирующим должника только на том основании, что оно состояло в отношениях родства или свойства, фактических брачных отношениях с лицами, входящими в состав органов должника.

При установлении указанной возможности судам рекомендуется учитывать в совокупности все обстоятельства по каждому конкретному делу. При оценке косвенных доказательств наличия отношений подконтрольности, представленных независимыми кредиторами, судами могут быть приняты во внимание преимущества, вытекающие из положения лиц, имеющих фактические брачные отношения с руководителями, мажоритарными участниками (акционерами), конечными бенефициарами должника.

Председатель суда

В.В. Кресс